

ФОНД ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ
GLASNOST DEFENSE FOUNDATION

Руслан Горевой

**ДЕЛО № 13:
УБИЙСТВА ЖУРНАЛИСТОВ
В ТОЛЬЯТТИ**

Под ред. А.К. Симонова

Москва
Издательство «Медея»
2005

УДК 343.349(471+571)+343.611(471+571)

ББК 76.01(2Рос)+67.408(2Рос)

Г 68

**Утверждено к печати Редакционным советом
Фонда защиты гласности**

Автор —
руководитель службы информации
Фонда защиты гласности
Руслан ГОРЕВОЙ

Ответственный редактор —
президент Фонда защиты гласности
Алексей СИМОНОВ

*Издание выпущено в свет благодаря содействию
организации National Endowment for Democracy*

Книга издается в авторской редакции

Г 68 Дело № 13: Убийства журналистов в Тольятти. Под ред.
А.К. Симонова. М.: Медея, 2005 г. (Серия «Дела СМИ») — 128 с.

Книга выдержана в жанре расследовательской журналистики и посвящена анализу обстоятельств убийств редакторов тольяттинских СМИ. Особое внимание автор уделил перипетиям уголовного дела, в ходе которого Фонд защиты гласности и адвокат семьи погибшего редактора А.Сидорова Карен Нерсисян столкнулись с несколькими звеньями фальсификации, которой тольяттинские следователи подменяют реальное расследование убийства журналиста.

УДК 343.349(471+571)+343.611(471+571)

ББК 76.01(2Рос)+67.408(2Рос)

© Горевой Р.Г., 2005

© Фонд защиты гласности, 2005

ISBN 5-7254-005-14

© Издательство «Медея», оформление, 2005

Вместо предисловия

«...Они не могут всех нас убить...»

*Алексей Сидоров,
главный редактор газеты
«Тольяттинское обозрение»,
в интервью газете
«Нью-Йорк Таймс», май 2002 г.*

Считается, что у города Тольятти почти трехсотлетняя история. Но это смотря как считать.

В 1738 году, через год после выхода царского указа о разделении крещеных калмыков и язычников с последующим отселением выкрестов в устья рек Сок и Черемшаны, возник город Ставрополь-на-Волге. Место для компактного расселения крещеных калмыков и постройки города избрал начальник Оренбургской экспедиции Василий Татищев. На левом берегу Куньей Воложки (рукав Волги), напротив Молодецкого кургана, решено было построить крепость и город — столицу крещеных калмыков. Назвали ее Ставрополем, что в переводе с греческого языка означает «город креста». Основатель города В.Н. Татищев был против такого названия, он предлагал именовать город Епифанией, что значит «просвещение», но царица Анна не согласилась.

Ставрополь-на-Волге простоял 216 лет. В пятидесятых началось строительство Волжской гидроэлектростанции, и в 1953 году город затопило искусственное Жигулевское море. Жителей перебазировали на новое место, приблизительно в двух десятках километров от зоны затопления. Там же начали строить новый город, летом 1964 года названный в честь вождя итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти. А два года спустя, 20 июля 1966 года Центральный Комитет КПСС и советское правительство приняли решение о строительстве в Тольятти крупнейшего в СССР автомобильного завода.

Вообще-то автозавод, который должен был собирать по лицензии итальянские ФИАТы 124-й модели, собирались построить в Белгороде, но стройка обошлась бы на 20 миллионов рублей дороже. Сыграл свою роль и некий интернациональный фактор: налаживать производство приехали итальянцы, среди которых было довольно много членов Коммунистической партии Италии. Получалась неплохая пропагандистская комбинация: итальянские и советские коммунисты строят крупнейший

автогигант в городе с символичным итальянским названием! Интернациональная стройка!

Строить Автоград приезжали рабочие со всего Союза. В считанные годы город превратился в настоящий советский Вавилон: русские, украинцы, белорусы, татары, башкиры, калмыки и даже итальянцы, отказавшиеся возвращаться на родину. Единым богом этого Вавилона стал Волжский автомобильный завод.

В начале девяностых годов тольяттинский автозавод оставался одним из немногих в России удачливых производителей промышленной продукции. Причем продукции востребованной и даже дефицитной. Очереди за новенькими «Ладами» выстраивались вплоть до середины девяностых. Ажиотажный спрос на автомобили и многолетняя коррупция на автозаводе стали превосходной питательной средой для появления в городе организованной преступности.

Эта преступность была многонациональной, как и все население города. И эту преступность не сдерживали никакие рамки: ни пресловутые воровские понятия, ни принадлежность потенциальных соперников к одному этносу. Только сиюминутная выгода, только нажива любой ценой. И абсолютная беспринципность, помноженная на волчью жестокость.

По мнению обозревателя «Московских новостей», доктора юридических наук, генерал-майора милиции в отставке Владимира Овчинского, за последние двенадцать лет Тольятти пережил четыре криминальные войны. Четыре радикальных передела собственности.

— *Современный преступный мир Тольятти складывался по обычным схемам развития организованной преступности России новейшего времени, — утверждает В.Овчинский. — Все началось в конце 80-х годов, когда криминальный авторитет Александр Маслов объединил вокруг себя спортсменов, лиц с уголовным прошлым, которые начинали с игр в наперсток, затем занялись рэкетом. Уже тогда в сообщество Маслова входили 8 групп, где ведущее положение занимали группы Рузляева по кличке Дима Большой и Вдовина по кличке Напарник. Были введены жесткие правила подчинения и дисциплины, распределения ролей, наказания непокорных. Первые предпринимательские структуры, появившиеся в городе, сразу же попали под контроль преступного сообщества. К 92-му году Тольятти оказался в целом поделен между криминальными структурами. Под их влиянием оказались рынки, коммерческие ларьки, частные фирмы, заполонившие в то время город благотворительные лотереи и прочие азартные игры. Немалый доход тогда начинало приносить и вымогательство с приобретающих автомоби-*

ли граждан и предприятий. Предпринимались первые попытки проникнуть на главный конвейер ВАЗа.

Огромные прибыли, извлекаемые криминальными авторитетами, повлекли жестокую конкурентную борьбу. Осенью 1992 года в Тольятти началась так называемая Первая криминальная война. Жертвами этой войны пали тогдашние лидеры местной организованной преступности, и в частности сам Александр Маслов. Спустя полгода, в марте 1993 года, неподалеку от гостиницы «Жигули» произошла настоящая битва преступных группировок. По различным данным, в ней участвовали от 70 до 100 человек.

В Первой криминальной погиб еще один известный авторитет, директор кооператива по тонировке стекол «Мираж» Владимир Биличенко. Его расстреляли 16 сентября 1992 года. Биличенко первым среди тольяттинских бандитов стал практиковать так называемый отгруз. Отгруз производился так: с вазовского конвейера в хоздвор, на определенные площадки, под заказ выгоняли автомобили. С этих площадок машины забирали дилеры, платившие Биличенко по сто долларов за каждый отгруженный автомобиль сверх стоимости. Сейчас уже, наверное, мало кто вспоминает о том, что двенадцать лет назад люди проводили месяцы в очередях, ожидая автомобиль нужной комплектации и цвета. Убивать Биличенко снарядили двух семнадцатилетних деревенских пареньков, не имевших даже элементарных навыков владения оружием.

Первая криминальная война в Тольятти закончилась сменой авторитетов. Вместо Маслова и Биличенко лидером городской оргпреступности стал Напарник. Вдовину-Напарнику удалось еще больше усилить влияние криминальных структур на бизнес, промышленность и экономику Тольятти. Более того, Напарник взял в свои руки тольяттинский общак. Огромные деньги, сосредоточенные у Напарника и его подельников, заметно усилили их роли в криминальном сообществе. Но усиление Вдовина не устраивало тех бандитов, которые лишились доступа к кормушке «АвтоВАЗа».

И грянула Вторая криминальная война. Только в бандитских перестрелках в 1994–1995 годах погибли 66 человек.

Рассказывает Владимир Овчинский:

— В результате Второй криминальной войны в Тольятти возник новый расклад сил. Город и ВАЗ оказались разделены на зоны влияния, контроль над которыми осуществляли несколько мощных влиятельных кланов. Это сообщество Напарника и дружественные ему татарские бригады под управлением Шамиля. Противовес им составляли бандформирования Рузляева и

Сироты. Кроме того, в городе имели серьезные позиции чеченское и жигулевское сообщества, костяк которых составляли соответственно чеченские и грузинские воры в законе.

В конце 1996 года началась Третья криминальная война. Поводом для нового кровопролития стало покушение на телохранителя Рузляева по фамилии Петров. Вскоре после покушения на Петрова были убиты два лидера преступной группы Напарника. И ответ авторитета не заставил себя ждать. С марта 97-го года в Тольятти произошел очередной всплеск заказных убийств.

— *Именно в этот период, — рассказывает Владимир Овчинский, — бывший министр внутренних дел России Анатолий Куликов принимает решение провести в Тольятти операцию под наименованием «Циклон». Операция больше походила не на полицейскую, а на военную. И этому были причины: «АвтоВАЗ» был в буквальном смысле в руках бандитов. Освободить его пришлось большими силами СОБРов, цех за цехом, склад за складом. Но одновременно продолжалась криминальная война. В итоге в апреле 98-го года был убит Рузляев — Дима Большой.*

Эстафету Куликова перенял Сергей Степашин, который провел еще два этапа операции «Циклон». «АвтоВАЗ» удалось подчистить, но криминальный мир продолжал сводить счеты друг с другом. Раздел структур, составивших экономическую основу преступного сообщества Димы Большого, послужил в дальнейшем толчком к серии убийств, совершенных в Тольятти в течение 1999–2000 годов. В марте 1999 года убит прежний председатель Фонда социальной поддержки ветеранов спецподразделений правоохранительных органов Дурасов, убиты основные руководители коммерческих структур, связанные с фондом, а также руководители и учредители фонда, в том числе новый председатель — Минак. А всего в ходе Четвертой криминальной войны по заказу убиты 16 человек, совершено 2 покушения.

Усилиями правоохранительных органов удалось если не прекратить бандитские войны, то хотя бы придать им видимость локальных разборок. И сегодня представители тольяттинской организованной преступности продолжают извлекать сверхприбыли из Автограда. Ежегодный навар, снимаемый тольяттинской преступностью с «АвтоВАЗа», превышает 500 млн рублей. Город по-прежнему разделен на сферы влияния пятью преступными сообществами, в которые входят не менее 400 человек. Тольятти по-прежнему остается одним из эпицентров криминального мира России.

Мафиозные структуры мимикрировали, срослись с политическим истеблишментом и легальным бизнесом. И чем дальше, тем спокойнее

и безнаказаннее чувствует себя уже практически легализованная тольяттинская преступность.

И сегодня, спустя двенадцать лет после начала Первой криминальной войны, в Тольятти практически ничего не изменилось: все громкие заказные убийства связаны исключительно с автозаводом. Но несмотря на смертельный риск, участие в вазовском раскладе по-прежнему является мечтой многих тольяттинских коммерсантов и бандитов. За доступ к кормушке идет жесточайшая конкурентная борьба.

Отличительной чертой тольяттинских разборок той поры стало участие в них сотрудников правоохранительных органов. Особо отличился Фонд социальной поддержки ветеранов подразделений специального назначения правоохранительных органов и спецслужб: были убиты три соучредителя и руководителя фонда, а также несколько дружественных фонду коммерсантов. Большинство из них — бывшие сотрудники МВД и ФСБ. Несут потери и правоохранители, расследующие тольяттинские преступления. Убиты начальник отдела по раскрытию убийств Юрий Онищук, начальник отдела по борьбе с бандитизмом УВД Дмитрий Огородников, до полусмерти избита металлическими прутьями советник юстиции областной прокуратуры Ирина Бояхчан, осуществлявшая надзор за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью на территории Автозаводского района.

Остановить этот криминальный конвейер не могут ни широкомаштабные операции МВД России, ни визиты оперативных групп Главного управления уголовного розыска, ни зачистивший в Тольятти замгенпрокурора РФ Колесников.

Увы, в мясорубке бесконечных криминальных разборок гибнут и журналисты.

Цепочка убийств тольяттинских журналистов тянется с 1995 года. 15 октября на пороге собственной квартиры тремя выстрелами из пистолета был смертельно ранен редактор газеты «Тольятти сегодня» Андрей Уланов. Едва успев прийти в себя после операции, Уланов дал показания следствию, на основании которых был составлен фоторобот одного из нападавших. Уланову сделали еще несколько операций, но спасти его не смогли: на двадцатый день после нападения редактор скончался.

Тольяттинский журналист Сергей Мельник в декабре 1995 года писал об этом убийстве в «Новом русском слове»:

«Мэр, назвавший Уланова своим другом, снабжавший врачей дорогими дефицитными лекарствами и поставивший у реанимации вооруженную охрану, лично проводил его в последний путь: для Андрея нашлись метры на

официально закрытом и открываемом лишь в исключительных случаях (для братвы — практически всегда) старом кладбище. Смерть журналиста и редактора вкуче с целой серией чудовищных убийств, потрясших и без того убитых горожан, вынудила мэра сделать резкое заявление по местному телевидению: все силовики должны покинуть насиженные кабинеты и работать на улицах — именно там место правоохранительным органам.

А в кабинетах в это время шла проработка многочисленных версий убийства. Политические мотивы отпали сразу: даже журналисты из конкурирующих изданий, хотя и предвзято, утверждали, что Уланов вряд ли кого из политиков обидел. Кажется, не был всерьез взят следствием и чеченский след, хотя многим в городе этого хотелось. Основные оперативные разработки, судя по всему, шли в других направлениях. В частности, проводились разборки Уланова с бывшим генеральным спонсором газеты, впоследствии рухнувшей фирмой «Никольская», и лично с ее шефом. По этой версии, фирма хотела получить с газеты долг. Андрей же публично грозился опубликовать все, что знает о непечатной стороне деятельности компании, обманувшей десятки тысяч вкладчиков.

Есть свои версии и у журналистов: поводом для убийства могло послужить желание таким образом «уговорить» не всегда сговорчивого редактора. Знающие расклад полагают, что буквально за день до выстрела Уланов получил от «АвтоВАЗа» — точнее, от возглавляемого Каданниковым местного отделения черномырдинского движения «Наш дом — Россия» — твердое обещание перечислить средства, покрывающие все долги газеты. Не исключено, что поводом для убийства мог стать и контрольный пакет акций газеты, принадлежащий Уланову.

Словом, здесь есть что копать. Но следствие, поначалу убеждавшее горожан в своей решительности, сегодня уже не очень-то активно противится догадкам журналистов о том, что оно зашло в тупик. И мало кто в Тольятти сомневается, что так и будет. Не первый случай в истории местных заказных убийств».

Ни убийц, ни заказчиков преступления правоохранительные органы не нашли. Спустя пять лет, в ноябре 2000 года, на страницах тольяттинской газеты «Презент-Центр» знавшие Андрея Уланова люди вспоминали о нем и строили догадки о причинах его убийства.

Юрий БЕЗДЕТНЫЙ, руководитель пресс-центра городской Думы:

— Вы мне назовите хоть одно заказное убийство, которое было раскрыто. На мой взгляд, несомненно, убийство Андрея Уланова было за-

казным, и за этим делом стоят финансовые интересы. В таких случаях заказчики и исполнители находятся очень редко.

Евгений БАКЛАНОВ, редактор газеты «Площадь Свободы»:

— Я, конечно, помню Андрея. Хотя не могу сказать, что мы были друзьями: слишком он был масштабной фигурой. Пять лет назад я был начинающим журналистом, а он главным редактором одной из ведущих газет города. Но доводилось общаться... Это был прекрасный человек, который всегда смотрел вперед и думал о будущем. Очень целеустремленный журналист и редактор, которому было не скучно жить.

Почему не раскрыто убийство? Заказные убийства вообще не раскрываются — такая недобрая сложилась российская традиция. Но надо помнить то время, тот бизнес и тогдашнее наше общее неумение в том бизнесе как-то вращаться. Газета — это ведь тоже бизнес, хоть и дохленький обычно. Где-то Андрей, наверное, ошибся... Это сейчас газетчики научились ориентироваться в том, что происходит. Тогда же все было внове...

Константин ПРИСЯЖНИОК, экс-редактор газеты «Презент-Центр», председатель совета редакторов СМИ г. Тольятти:

— Уланова я хорошо помню. И предположить не мог, что на Андрея может кто-то покушаться, потому что никогда Андрей не связывался ни с какими бандитами. Что касается острых публикаций — «Тольятти сегодня» вообще этим не занималась. Андрей был не тот человек, чьей основной работой является кого-то выполоскать с целью разорить или поставить в неловкое положение. Я говорю об этом потому, что в нашей среде встречаются просто пакостники. Так вот Андрей был очень внимательный и доброжелательный журналист, который мог поговорить с любым. Он бы и у Гитлера интервью взял так, что это получилось бы. Уланов был действительно профессионал высокого класса.

Заказняк вообще тяжело раскрывать. Но если говорить о покушении на Андрея — уже несколько лет ходят намеки, что исполнители известны, а вот дальше все обрубается. При этом все весомые версии сходятся в том, что убийство не связано с профессиональной деятельностью. По крайней мере с творческой деятельностью. И я убежден, что у нас нет глобального наезда на свободу слова, как пытаются некоторые показать. Это, конечно, хорошо смотрится для столичных информагентств, что практически каждый год в Тольятти избивают или убивают журналистов. Это выглядит захватывающе-сенсационным. Но на самом деле чаще это вовсе не из-за журналистики. Обычно это связано с делами, ко-

торые не относятся к основной нашей деятельности. Часто личные мотивы... Но у кого-то хватает ума объединять их в цепочку, строить логические доводы — собственные, доморощенные. Тупые... Из чужой беды извлекаются только свои собственные десять строчек, классно оплаченные, — как же, сенсация! А вот какой-то взаимовыручки, корпоративной солидарности нет. В Тольятти среди журналистов, к сожалению, отношения конкурентности превалируют над отношениями людей. И чуть что где случись, не дай бог, — на твоей беде только потопчутся, окажут же реальную помощь в лучшем случае друзья, но никак не журналистское сообщество.

Впрочем, в последние годы до многих стало доходить, что такое положение неестественно. И ребята, которые поздоровее, которые не зомбированы конкурентностью, все-таки пытаются свою солидарность проявлять. Город наш для жизни очень опасен. Защищенным себя здесь никто не может чувствовать. Любой, даже олигарх, способный нанять охрану, знает: захотят убить — убьют. А уж простому человеку остается надеяться только на то, что он никого не заинтересует. У журналиста опасность, естественно, больше. И надо сказать, определенная часть журналистов Тольятти сделала все, чтоб прессу ненавидели. Поэтому здесь кроме криминальных разборок у газетчика существует и такая опасность, как неуравновешенные личности, которых много в городе. И они непредсказуемы еще больше, чем бандиты...

Алексей ОРЛИН, редактор «Радио Тольятти»:

— Когда с человеком много лет идешь по жизни бок о бок и любишь его — как не помнить? Не хватает Андрея, и очень сильно. Потому что, на мой взгляд, журналистская среда города очень редко рекрутирует в наши ряды настолько талантливых во всех отношениях людей. Пять лет назад мы потеряли не просто блестящего журналиста, не просто человека, который мог совершенно осязаемо выражать свои мысли на страницах газеты, журнала, в эфире, но и по человеческим качествам человека потрясающего. Конечно же, болит. И никуда эта боль не уходила...

Я не особенно верю, что когда-нибудь дело Уланова будет раскрыто. Но, наверное, сейчас нужно говорить не об этом, хотя, конечно, наказание должно быть. Важно понять другое: незаменимые люди есть, и вот место Андрея осталось совершенно пустым. Его в Тольятти никто не занял и, думаю, уже никогда не займет. Почему не раскрыли? Я бы не стал

говорить только о том, что кто-то где-то чего-то недоделал или не сделал, я этого не знаю, ибо информация была предельно скупой: «Работаем, занимаемся, но в силу причин...» Милиция — это продолжение того, что у нас есть в обществе. И самое грустное, если говорить о раскрываемости или о самом преступлении, — что все эти 5 лет у меня лично нет понимания, почему все это случилось.

Владимир ИСАКОВ, руководитель пресс-центра АО «АвтоВАЗ»:

— Конечно, помню Андрея — беседовали с ним за несколько месяцев до трагедии. Я приходил к нему в редакцию по вопросам сотрудничества с «АвтоВАЗом». Мы вообще считаем, что Андрей прошел становление как журналист в нашей заводской многотиражке. Думаю, работа на заводе, таком крупном, ему многое дала в жизни. Вспоминаем о нем с теплотой...

Почему преступление не раскрыто? Надо рассматривать этот вопрос не применительно к отдельно взятому человеку, а в целом. Наверное, потому что мы рассыпались как общество. И не воспринимаем эту трагедию как лично свою. Если мы не хотим, чтобы подобные преступления продолжались, нам нужно сплываться, понимая, что вот эти преступления не против личности — они против общества нашего. И нужно бороться с каждым преступным проявлением, тогда их не будет. Во многих странах люди это поняли. И там в случае ЧП устраивают в буквальном смысле облавы. Преступникам деваться некуда. А у нас есть куда деваться. И покуда находятся убежища для преступников, никто не сможет чувствовать себя в безопасности. Наивное мнение, что нанял пару охранников — и почувствуешь себя защищенным. Или поставил себе три железные двери — и защищен. Не вмешиваешься в бандитские дела — и ты защищен. Никто из нас, живущих в этом городе, в этой стране, не может чувствовать себя абсолютно защищенным. Нам нужно осознать эту ситуацию. И когда мы поймем взаимосвязанность наших проблем, тогда можно надеяться, что общество даст гарантию защиты любому своему члену.

Журналистка газеты «Нью-Йорк Таймс» София Кишковски встретила с вдовой Андрея Уланова, Галиной Чевозеровой. Галина работает старшим преподавателем кафедры журналистики и литературы филологического факультета Тольяттинского госуниверситета. В интервью «Нью-Йорк Таймс» Галина Чевозерова заявила, что убийцы ее мужа «могли быть связаны с бывшим мэром, которого он поддерживал и ко-

торый давал Уланову деньги для создания муниципальной ассоциации прессы...» «Своих студентов, будущих журналистов, я всегда предупреждаю: не берите деньги у политиков...» — сказала она.

Через полтора года после гибели Уланова Тольятти потрясло еще одно убийство журналиста. Редактора газеты «Все обо всем» Николая Лапина смертельно ранили в День российской печати, 13 января 1997 года, на глазах у собственного сына. На автостоянке у дома № 29 по улице Железнодорожной к Лапину подошел неизвестный и, выстрелив из пистолета в упор, побежал к поджидавшей его машине, на которой и скрылся. С тяжелым ранением в лицо Лапина доставили в больницу. Журналиста прооперировали, но это его не спасло. В ночь с 15 на 16 января он скончался от полученной раны.

Помимо издательской деятельности Лапин, как и многие тольяттинские журналисты, активно занимался политикой: возглавлял городское отделение ЛДПР и выступал доверенным лицом Владимира Жириновского.

Нужно ли говорить, что и в этом случае ни убийцы, ни заказчики преступления установлены не были. В ноябре 1997 года прокуратура Самарской области приостановила предварительное расследование по делу об убийстве Николая Лапина. В письме, адресованном в Фонд защиты гласности и подписанном начальником Первого отдела следственного управления, советником юстиции В.А. Карпенко, сообщалось, что «прокуратурой Комсомольского района города Тольятти предварительное расследование по делу приостановлено по п. 3 УПК РСФСР, в связи с неустановлением лиц, совершивших данное преступление».

...За полтора года в не самом большом российском городе от пуля наемных убийц погибают два главных редактора популярных изданий. Даже для донельзя криминализованной России середины девяностых это настоящее ЧП. Безнаказанность убийц могла легко спровоцировать новые преступления против журналистов, и руководители правоохранительных органов не могли этого не понимать. Тем более странным выглядело их очевидное бездействие: ни заказчики, ни исполнители преступлений установлены не были.

Таким образом, последующие убийства журналистов в Тольятти спровоцировали сами правоохранители, породив иллюзию безнаказанности. В течение следующих семи лет в городе погибли еще четыре руководителя местных СМИ, а следователи привычно разведут руками: ни заказчиков, ни убийц...

Часть 1

Убийства Сергея Иванова и Сергея Логинова (телекомпания «Лада-ТВ»)

«Способы давления на независимые СМИ, которые в тяжелой экономической ситуации остались верны читателю и предоставляют ему объективную и полную информацию о событиях в стране и на местах, невероятно изощрились — от налоговых тисков и других методов экономического воздействия до грубого вмешательства силовых структур, обысков в редакциях, сфальсифицированных судебных дел и отзыва лицензий. В этой борьбе погибают журналисты — исчерпав все возможности заставить независимых профессионалов писать по подказке, коррумпированная власть идет на заказные убийства. Такова трагическая цена, которую нынешнее российское общество платит за свободу слова и печати».

*Валерий Иванов, главный редактор
газеты «Тольяттинское обозрение»*

Осенью 2000 года в Тольятти были убиты два ключевых руководителя «Лады-ТВ» — единственной городской телекомпании, вещавшей в метровом диапазоне. Поскольку обе жертвы занимались исключительно телевидением и не отвлекались на посторонние коммерческие проекты, было очевидно, что причину их гибели следует искать в сфере профессиональных интересов.

Рынок телевизионной рекламы в Тольятти довольно скуден: как известно, крупные рекламодатели не заинтересованы в проведении широкомасштабных кампаний в регионах. Тем не менее дела у «Лады-ТВ» в целом шли неплохо. Телекомпания даже подала заявку на расширение вещания: мощности «Лады» позволяли покрывать метровым сигналом целую область. Переход на областную сетку вещания автоматически сделал бы телекомпанию чрезвычайно привлекательной и для бизнесменов, и для политиков. Ведь выборы различных уровней в регионе происходят практически нон-стоп, а на избирательных кампаниях можно неплохо зарабатывать, не говоря уже о том, что при желании можно и в политику поиграть: оказать поддержку идущим во власть кандидатам, пролоббировать те или иные

финансовые и политические интересы. И «Лада-ТВ» стала рассматриваться как серьезный фактор политического влияния в регионе. Для кого-то явно нежелательный и даже опасный. А для кого-то, наоборот, вожделенный.

Вечером 3 октября, в 22.30, в нескольких шагах от своей квартиры пятью выстрелами из пистолета был убит директор «Лада-ТВ» Сергей Иванов. Контрольный выстрел, произведенный киллером в голову журналиста, и брошенное на месте преступления оружие не оставляли никаких сомнений в том, что действовал профессионал. Следовательно, убийство заказное.

Иванов руководил телеканалом с 1996 года, и, по словам знавших его людей, ему никто никогда не угрожал. По имевшимся у правоохранительных органов сведениям, местная братва на Иванова не наезжала. Денежных долгов у Сергея не было.

Ни исполнителей, ни заказчиков преступления по горячим следам выявить не удалось. К расследованию убийства подключились сыщики из Самары: тольяттинская милиция своими неспешными действиями явно насторожила коллег из области. Столкнувшиеся с «местной спецификой» самарские следователи высказали осторожное предположение о том, что виновные, по всей видимости, не понесут наказания: слишком очевидным был интерес некоторых властей пререкать их к успешно развивающемуся телересурсу.

Ровно месяц спустя, 3 ноября, в реанимационном отделении тольяттинского медгородка скончался главный редактор «Лады-ТВ» Сергей Логинов. Родственники умершего сообщили, что вечером 28 октября журналист припарковал свой автомобиль возле своей дачи в Кирилловке и вышел, чтобы открыть ворота гаража. В тот момент стоявшая неподалеку машина резко тронулась с места и, разогнавшись, врезалась в створ гаражных ворот, сбив Логинова и придавив его тяжелой дверью. Неизвестный водитель с места аварии скрылся, а Сергея Логинова нашли несколько минут спустя случайные прохожие. В коматозном состоянии журналиста доставили в реанимационное отделение больницы им. Баныкина. С интервалом в один день его дважды прооперировали, однако травмы оказались тяжелыми, и спасти Сергея не удалось: он умер, так и не придя в сознание.

Несмотря на то что родственники Логинова были убеждены в бытовом характере происшествия, имеется достаточно много странных нестыковок. Так, в Ставропольском РОВД, который расследует это происшествие, были очень удивлены, когда корреспондент газеты «Репор-

тер» поинтересовался, как далеко продвинулись поиски машины, которая и стала причиной несчастья. Отвечая на этот вопрос, начальник милиции общественной безопасности Ставропольского района Тольятти Виктор Алексеев заявил, что в деле вообще не фигурирует машина, которая якобы и стала причиной несчастья. По словам Алексеева, скорее всего, Сергей Логинов упал в смотровую яму гаража сам.

И на сей раз представители правоохранительных структур не склонны были связывать происшествие с профессиональной деятельностью пострадавшего. Несчастный случай. И это значит, что уголовное дело возбуждено не будет.

Но врачи, осматривавшие пострадавшего, в свою очередь предположили, что подобные ранения могли быть получены вовсе не от падения и даже не от наезда автомобиля, а только от многочисленных ударов металлическим прутот. Врачебные догадки попали в местную печать, и спустя неделю после гибели Логинова тольяттинские милиционеры собрались было завести уголовное дело. Но, как признался один из следователей, из Самары поступило распоряжение: «Считать дело Логинова несчастным случаем, уголовного расследования не производить». Уточнять, кто именно и почему отдал это распоряжение, сотрудник милиции не стал. К тому времени Логинова уже похоронили, и произвести детальную экспертизу не представлялось возможным. А эксгумацию отчего-то посчитали нецелесообразной.

Интересно, что буквально на следующий день после смерти Сергея Логинова некая структура — Совет редакторов города Тольятти — распространила среди тольяттинских СМИ письмо, в котором убийство журналиста названо нелепой, трагической случайностью. Никто из получателей письма ранее о Совете ничего не слышал, попытки выйти на связь с неопознанной организацией успехом не увенчались. Циркулировали слухи о том, что письмо готовилось в тольяттинской мэрии, однако версия о причастности высших руководителей города к преступлению так и осталась неподтвержденной. В общем, кому-то очень не хотелось, чтобы гибель Сергея Логинова считали заказным убийством.

Уголовное дело, возбужденное по факту гибели руководителя «Лады-ТВ» Сергея Иванова, превратилось в очередной висяк. До сих пор не только не установлены личности убийц и заказчиков преступления — правоохранители даже не потрудились выявить тех, кому убийство Иванова было хоть мало-мальски выгодно. Год назад было объявлено о том, что предполагаемые убийцы Иванова задержаны. Однако уста-

новить реальную причастность обвиняемых к убийству владельца «Лады-ТВ» правоохранители так и не смогли.

Тем не менее существует ряд версий, которые могут пролить свет на тольяттинские убийства. Одна из них — официальная — такова: телекомпания «Лада-ТВ» на прошедших незадолго до убийства Иванова выборах депутатов Тольяттинской городской думы активно поддерживала одного из кандидатов, который тем не менее проиграл. Между тем как раз в ходе предвыборной кампании и сразу же после нее Логинов и Иванов сделали ряд крупных покупок. Возможно, они, как руководители телекомпании, получив деньги, посулили кандидату некие гарантии, но выполнить обещаний не смогли. Версия спорная: в конце концов, финансовый вопрос можно было решить и по-другому. Ведь деньги у руководителей телекомпании наверняка были: недаром на 2001 год было намечено очередное расширение сетки вещания, мероприятие весьма и весьма затратное.

Поскольку доказать жизнеспособность долговой версии правоохранители так и не смогли, ими была выдвинута другая, как показалось следователям, более правдоподобная. Иванов-де пытался торговать вазовскими запчастями и где-то перешел дорогу татарской группировке, одной из самых влиятельных ОПГ в области. Однако и эту версию милиционеры мотивировать не смогли: ни одного документа, подтверждающего причастность погибшего Иванова к автомобильному или к какому-то иному бизнесу, найти не удалось.

Выдвигалась еще одна версия, официальными органами не одобренная, но вполне правдоподобная. Дело в том, что «Лада-ТВ», как уже отмечалось, вещала в метровом диапазоне. А это означает, что ее программы могли смотреть практически все тольяттинцы, тогда как, скажем, городское телевидение, ретранслируемое в дециметровом диапазоне, доступно лишь обладателям достаточно новых моделей телевизоров. Пиарщикам хорошо известно, что активные избиратели, как правило, люди небогатые. Телевизоры у них старые, и смотрят они, соответственно, только «метровые» передачи. Применительно к Тольятти — центральные телеканалы и «Ладу-ТВ». Поэтому политическую рекламу выгоднее всего размещать именно на «метровых» телеканалах.

Местные чиновники неоднократно озвучивали свое желание участвовать в приобретении акций «Лады», а еще лучше — в покупке компании целиком. Сергей Иванов от подобных предложений неоднократно отказывался. Его убили, а спустя неделю после гибели Ива-

нова предложение продать акции «Лады» получил и главный редактор Сергей Логинов. Акции у Логинова было немного, зато он мог повлиять на наследников Иванова и склонить их к продаже акций. Однако и Логинов отказался от сотрудничества с потенциальными покупателями. Месяц спустя не стало и его.

Версия напрашивается сама собой: уж не стала ли несговорчивость Иванова и Логинова причиной их гибели?

Милицейская нерасторопность и медлительность навевали мысли о том, что правоохранительные органы вряд ли когда-нибудь достоверно установят имена тех, кто заказал убийства Иванова и Логинова. Версии следствия не выдерживали никакой критики. Поэтому, проводя собственное журналистское расследование тольяттинских убийств, я не особенно доверял полученным у правоохранителей материалам и, выстраивая собственную версию, задавал себе всего лишь один вопрос: «Кому было выгодно, чтобы руководителей «Лады» не стало?»

Отвечая самому себе на этот вопрос, я обнаружил любопытные вещи. К примеру, мне удалось установить, что в последние месяцы жизни Сергеем Иванову принадлежало не более 40 процентов акций «Лады-ТВ». Приблизительно столько же было сконцентрировано в руках мэра Самары Георгия Лиманского. Некто Шакиров, дальний родственник Лиманского, возглавлявший местное отделение «Связинформа» и обеспечивавший ретрансляцию программ «Лады-ТВ», также мог быть совладельцем акций.

Нашлись свидетели, подтвердившие, что Лиманский как минимум дважды предлагал Иванову продать ему акции телекомпании либо хотя бы их часть.

Но телекомпанией интересовался не только Лиманский. В начале 2001 года на частоте «Лады» стала вещать новая телекомпания, принадлежащая главному редактору и фактическому владельцу газеты «Тольяттинское обозрение» Валерию Иванову. По свидетельству сотрудников «Лады», Валерий Иванов в свое время неоднократно предлагал покойному однофамильцу выгодно продать телекомпанию, но Сергей отказывался.

После гибели Иванова и Логинова творческий коллектив «Лады» намеревался продолжать выпуск телепрограмм, однако в январе 2001 года у телекомпании истек срок договора на ретрансляцию, а новый договор тольяттинский РТПЦ заключать не спешил. Дважды руководство передающего центра откладывало принятие решения, и в результате временное разрешение на право вещания получил Валерий Ива-

нов. Наследники акций телекомпании должны были сделать выбор: расстаться с акциями и получить от Иванова деньги либо оставить за собой телекомпанию, утратившую возможность выходить в эфир и остаться на бобах.

В результате Валерий Иванов стал держателем контрольного пакета акций телекомпании и эфирного времени в метровом диапазоне. А «Ладу-ТВ» он переименовал.

В 2002 году я подробно описал «двойное убийство на телевизионной почве» в «Новой газете». Свое расследование я вел в рамках программы «Чистые перья», предполагавшей, что на изложенные в публикации версии ответит кто-нибудь из руководства Самарской облпрокуратуры. В соответствии с требованиями программы «Чистые перья» полный текст моего расследования был направлен прокурору Самарской области А.Ф. Ефремову.

В послесловии к моей статье мэтр расследовательской журналистики Леонид Никитинский, в частности, писал: *«Мы благодарим А.Ф. Ефремова за оперативность, с которой он откликнулся, однако не все в его ответе убедительно опровергает выводы Р.Горезова. Так, прокурор сообщает, что в ходе следствия по делу волговской группировки, расследование по которому успешно завершено, раскрыто 17 эпизодов убийств и покушений на убийство, в том числе и убийство Иванова С.А. Установлено, что его мотив был связан с сотрудничеством Иванова с противоборствующей преступной группировкой, а не с деятельностью телекомпании «Лада-ТВ».* Однако как еще Иванов мог сотрудничать с какой бы то ни было группировкой, если не предоставляя ей преимущества в использовании возможностей телекомпании?

По факту гибели журналиста С.В. Логинова прокуратурой сделан вывод, что она стала результатом несчастного случая: погибший открыл ворота гаража перед идущим по проезду автомобилем и был опрокинут ударом ворот, ударился головой о металлическую деталь в гараже и получил смертельную травму.

Об убедительности последней версии также можно спорить».

Свой материал я заканчивал такими словами: «Судя по всему, тольяттинская битва за право вещать в метровом диапазоне будет продолжена. Ибо правоохранительные органы ведут следствие по «Ладе-ТВ» спустя рукава — это доказали зашедшие в тупик расследования гибели С. Иванова и С. Логинова, а телекомпания остается объектом пристального внимания местных политиков, бизнесменов и мафиози.

Слишком высока цена предвыборного пиара, слишком лакомым куском остается телекомпания, позволяющая проводить этот пиар эффективно и за бесценок».

Время показало, что я не ошибся.

Месяц спустя после выхода материала в офисе Фонда защиты гласности, где я имею честь работать, появился Валерий Иванов. Начал с угроз. Мол, за публикацию клеветы придется отвечать. Хорошо, согласился я с Ивановым, я готов. Подавайте в суд. Иванов скис: «Может быть, договоримся по-хорошему? Сколько ты получаешь?..» Не договорились. Зато поговорили. О многом. Обменялись визитками. «Вы не представляете, как у нас сложно работать. Между бандитами и правоохранителями мы как между молотом и наковальней», — прощаясь, сказал мне Валерий.

В тот же день Иванов уехал в Тольятти. Менее года спустя его не стало — погиб от пуля наемного убийцы.

Время от времени правоохранительные органы Тольятти выступают с заявлениями о том, что, мол, убийцы С.Иванова и С.Логинова известны. Заявления правоохранителей полны намеков и обещаний в ближайшее время представить обществу заказчиков и исполнителей убийств руководителей «Лады-ТВ».

Увы, заявления остаются голословными. Убийцы Сергея Иванова и Сергея Логинова до сих пор разгуливают на свободе.

ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ, ВЕРСИИ

Сергей КРАСОВСКИЙ, ведущий телепрограммы «Лада-ТВ»:

— Я считаю, что заказные убийства, как правило, не расследуют. У меня есть информация, что при заказе такого уровня киллера тоже убивают. Так что ожидать каких-то результатов бесполезно. Случай с Сергеем Логиновым, думаю, является досадной, ужасной случайностью. Что же касается Сергея Иванова, то, скорее всего, телевидение не имеет отношения к его смерти. Просто в городе происходит очередной отстрел.

После смерти Андрея Уланова журналистика несколько смягчилась, но сегодня она опять становится острой, интересной, а вместе с этим опять повышается опасность работы журналиста. При этом защищенности у журналистов нет никакой абсолютно. Пожалуй, профессия журналиста сегодня стала такой же опасной, как, например, профессия пожарного. Можно сказать, что в нашем городе теперь как в Москве.

Юрий БЕЗДЕТНЫЙ, руководитель пресс-центра городской Думы:

— В отношении директора «Лады-ТВ» С.Иванова запрашивается версия, что дело связано с финансовыми интересами. Происшествие с Сергеем Логиновым, скорее всего, является случайностью. Я очень сожалею, Сергей много с нами работал. Если взять Дмитрия Холодова, то его убрали непосредственно за журналистскую деятельность. У нас же обычно страдают те, кто связан с деятельностью финансовой, как Иванов или Уланов. Ведь в «Тольятти сегодня» были довольно серьезные дела с «Никольской» и предвыборной кампанией Жилкина.

С другой стороны, наша правоохранительная система работает как-то не очень понятно. Такое впечатление, что они ждут, когда бандиты перебьют друг друга, и прилагают очень мало усилий по ликвидации и профилактике возникновения преступных группировок или совершения преступных сделок.

Евгений БАКЛАНОВ, редактор газеты «Площадь Свободы»:

— Чувствую ли я как журналист и редактор СМИ сегодня себя в безопасности? Мне не кажется, что пресса у нас в городе страдает из-за убеждений или каких-то разоблачений. Нет и особых информационных войн. Большая часть городских газет настроена скорее на положительное, чем на негатив. И потому то, что произошло недавно на «Ладе-ТВ», — сначала убийство Иванова, потом этот странный случай с Сережей Логиновым... В голове не укладывается версия о ком-то, кто хотел бы избавиться от руководителей телевидения. С профессиональной деятельностью это вряд ли связано. И надо знать Сережу Логинова, он всегда делал хорошие материалы. Даже просто обиды на него быть не могло...

Алексей ОРЛИН, редактор «Радио Тольятти»:

— Сейчас с Сережей эта странная история... По тем крохам, обрывкам, которые могли просочиться из «Лады-ТВ», я совсем не вижу мотивов. Потому что мотивы в нашем случае — это, как правило, деньги. Маленькие или большие. Либо это политика. В случае с Логиновым я этого не вижу. Потому что к финансовым потокам Сергей, насколько мне известно, отношения не имел. Я не могу связать происшедшее и с профессиональной деятельностью напрямую: он не писал материалы, после которых одни кричат: «Да, ура!», вторые говорят: «Эх, его бы грохнуть!»

Но можно ли чувствовать себя защищенным в городе, где запросто летают пули, где наркоманов с каждым днем все больше, а значит, есть проблема добычи денег? В Нью-Йорке останавливают, скажем, на улице машину, наставляют на тебя пистолет — и нужно отдать дежурные 10 баксов. Но у них свои выкрутасы, у нас свои... Мне смешно смотреть на громадные свиты охраны у наших бизнесменов. Потому что на деле это может защитить лишь от подростков, которые сидят у подъезда, или от какого-то пьяницы, который шел тебе навстречу. В России (уж не будем за весь мир говорить) все зависит от поставленной задачи и заплаченных денег. И если кому-то понадобилось убрать человека — в нынешних условиях проблемы нет. Это можно делать, совершенно не думая о последствиях. Потому что техники, оружия, денег — море. А наказание за преступлением не следует почти никогда.

Часть 2

Убийство Валерия Иванова

«К сожалению, сейчас можно дать только один диагноз: мы... я не могу сказать, что безнадежно, — мы тяжело больны. Мы нравственно больны... Мне стыдно за своих коллег».

Сергей Логинов, главный редактор телекомпании «Лада-ТВ», эфир программы «Мы помним» от 27 октября 2000 года

29 апреля, около 11 вечера, Валерий Иванов заехал домой на бульвар Гая, чтобы отнести в квартиру покупки. Остаться дома он не собирался — впереди его ждала важная встреча. С кем — остается только догадываться. Как только Валерий вышел из подъезда и сел в свою «Ниву», проходящий мимо молодой человек достал из-за пазухи пистолет и произвел в упор несколько выстрелов. Убедившись, что Иванов мертв, убийца неторопливой походкой покинул место преступления.

Был теплый вечер. Во дворе дома былолюдно: неподалеку стояла компания молодежи с магнитофоном, на скамейке возле автостоянки, где только что произошло убийство, сидели старушки. Создавалось впечатление, что убийца и не думал скрываться. Расстрел произошел на глазах десятков свидетелей. Но это не помешало киллеру спокойно уйти — никто не обратил внимание на несколько гулких хлопков, донесшихся со стоянки. Пистолет был с глушителем.

Прибывшие на место преступления сотрудники милиции зафиксировали у Иванова пулевые ранения в затылок, в область грудной клетки и в левую руку. С места происшествия были изъяты гильзы и пули от пистолета Макарова. По горячим следам удалось установить ориентировочные приметы убийцы: это был мужчина 25–30 лет, худощавого телосложения, с темными волосами, одетый в коричневую куртку. Городская прокуратура возбудила уголовное дело по статье 105 УК РФ («Убийство»). Прокурор Тольятти Евгений Новожилов заявил, что преступление носит заказной характер, а причиной убийства стала профессиональная деятельность В. Иванова.

Нечасто представители следственных органов в самом начале расследования гибели журналиста заявляют о профессиональной подоплеке преступления. Но в этом случае у Евгения Новожилова сомнений не было. Газета «Тольяттинское обозрение» писала почти обо всех действу-

ющих в регионе преступных группировках. Коллеги Иванова внимательно следили за расследованием махинаций на Волжском автомобильном заводе и за связями лидеров организованных преступных группировок с коррумпированными чиновниками города и области.

Тридцатидвухлетний Валерий Иванов пользовался в Тольятти известностью и уважением. Депутат местного законодательного собрания, успешный предприниматель, талантливый журналист, в общем, яркая личность. Газету «Тольяттинское обозрение» он создал осенью 1996 года. Надо сказать, что в Тольятти конкуренция среди печатных СМИ была и остается довольно высокой. Иванов, ставший не только издателем газеты, но и ее главным редактором, отдавал себе отчет, что довести издание до рентабельности будет непросто. Сделали ставку на остроту подачи материала, на журналистские расследования. Рецепт успеха сработал: за сравнительно короткое время стремительно вырос тираж, оставаясь самым высоким в городе вплоть до трагической гибели Валерия Иванова. Тираж издания, расходившийся исключительно через розничную сеть, достигал 100 тысяч экземпляров — неплохо для города с семисоттысячным населением! Благодаря газете Иванов стал влиятельным человеком: он сумел конвертировать свою популярность в депутатский мандат, а кроме того, ему удалось организовать под крышей газеты целый ряд коммерческих структур.

О чем может писать журналист-расследователь, работающий в Тольятти? Об автозаводе, о нарушениях и злоупотреблениях, связанных с его деятельностью, о коррупции вокруг ВАЗа, об организованной преступности, крышующей сбыт автомобилей и запчастей.

Бандиты занимались криминальной возней, правоохранители пытались им мешать, а «Тольяттинское обозрение» публиковало все новые и новые журналистские расследования, не забывая по фамилиям называть тех, кого еще недавно знали только по бандитским кличкам. В короткий срок «Тольяттинское обозрение» стало не только любимой газетой десятков тысяч читателей, но и постоянным раздражителем местной элиты. Одной из наиболее известных акций газеты стало расследование скандальной финансовой деятельности бывшего мэра Тольятти Сергея Жилкина и его команды...

...2 мая 2002 года Валерия Иванова похоронили на Аллее героев Баныкинского кладбища, по соседству с многими фигурантами его статей. Гроб с телом покойного провожали десятки тысяч человек. Соблезнования родным и близким прислали губернатор Самарской об-

ласти Константин Титов, лидер партии СПС Борис Немцов, глава думской фракции «Народный депутат» Геннадий Райков. Депутаты Госдумы обратились к генпрокурору с требованием взять расследование убийства Иванова под особый контроль.

После похорон Валерия Иванова вице-мэр Тольятти Николай Ренц пообещал заплатить за анонимную информацию о преступниках, причастных к гибели Валерия Иванова, миллион рублей. Еще 500 тысяч готовы были добавить местные бизнесмены. На заманчивое предложение так никто и не откликнулся.

Мэр Тольятти Николай Уткин был одним из немногих местных политиков, которые никак не отреагировали на заказное убийство. Уткин не только не прервал свой зарубежный отпуск и не приехал на похороны, но даже не прислал телеграммы с соболезнованиями.

Вместе с мэром за рубежом отдыхал и его советник, почетный гражданин города Николай Абрамов. По словам тогдашнего заместителя главного редактора «Тольяттинского обозрения» Алексея Сидорова, незадолго до убийства Валерия Иванова «господин Абрамов звонил в редакцию и угрожал расправой как Валере, так и мне...» «Эти угрозы последовали после выхода в «Тольяттинском обозрении» публикаций, в которых описывалась схема увода 300 тыс. долларов в иностранные компании из муниципального предприятия ТГК, которым руководит сын Николая Абрамова Олег, а также восстанавливалась система реэкспорта вазовских автомобилей через новороссийский порт, чем якобы занимались Олег Абрамов и его деловой партнер Ахмед Маннай», — утверждал Алексей Сидоров.

Незадолго до своей гибели Валерий Иванов опубликовал материалы о переделе сфер влияния на автозаводе. Кроме того, Иванов рассказал знакомым, что он работает над материалом о попытках некоего российского олигарха войти в автомобильный бизнес при помощи чеченских авторитетов. По словам Валерия Иванова, к нему не раз обращались представители этого бизнесмена, предлагая «договориться по-хорошему». Договориться, по всей видимости, не удалось.

Частично эту версию подтвердил и прокурор Тольятти Евгений Новожилов. В интервью одной из местных газет он заявил: «За последние три месяца газета «Тольяттинское обозрение» писала практически обо всех тольяттинских ОПГ, кроме того, были публикации, которые могли не понравиться одному влиятельному человеку. Называть я его пока не буду, скажу лишь, что он не криминальный, но весьма состоятельный».

Начальник тольяттинского УВД Владимир Супрун особо подчеркнул, что у Иванова-де не было никакого бизнеса, и его убийство могло быть связано только с публикациями.

Известно, что Валерию Иванову угрожали местные криминальные авторитеты — Сирота (Игорь Сиротенко) и Биби (Сулейман Ахмадов). Иванов работал над материалами и о боевиках Сироты, заподозренных в совершении заказных убийств двух высокопоставленных милиционеров, и о процессе над бывшими телохранителями Биби Владимиром Кабарем и Игорем Мазановым (оба бандита были приговорены к 22 годам заключения каждый за серию заказных убийств). В материалах, которые опубликовало «Тольяттинское обозрение», не только указывались подконтрольные чеченской группировке компании, но и говорилось о тесной связи Сулеймана Ахмадова и его компаньона Ибрагима Бахаева с представителями центрального аппарата ФСБ, чьи офицеры освобождали задержанных «чеченцев» из СИЗО. Кроме того, в публикациях фигурировал дядя Бахаева — депутат Государственной Думы Асланбек Аслаханов, которого журналисты обвиняли в том, что он активно вмешивавшийся в процесс над Мазановым и Кабарем.

Друг и коллега Иванова Алексей Сидоров высказался прямо: «О конфликте Валеры с чеченцами и Сиротой в городе знали многие... На сегодняшний день (осень 2002 года. — *Прим. автора*) мне лично абсолютно ясно, за что убили Валерия Иванова. Я с большой долей уверенности могу предположить, кто это сделал... Валерий был депутатом городской Думы и возглавлял комиссию, распределявшую ГСМ для всего муниципального транспорта Тольятти. Для вашего сведения, речь идет о 240 миллионах рублей. И именно от Иванова зависело, к кому попадут эти деньги и сколько из них останется в бюджете. По результатам проведенного им конкурса одна из фирм лишилась муниципального заказа на горячее. После его убийства муниципалитет пересмотрел результаты проведенного конкурса... Понимая, что он никогда не пойдет на компромисс с этими людьми, кто-то мог воспользоваться ситуацией и убрать Валеру. Мы уже получаем информацию, что многие из недоброжелателей Валеры активизировались и намерены вновь пойти во власть».

Примечательно, что злополучный заказ на ГСМ получила именно та фирма, которая ранее его лишилась. Во всяком случае, об этом недвусмысленно заявляет Борислав Гринблат, преемник Валерия Иванова на посту председателя комиссии по местному самоуправлению тольяттинской городской Думы.

Называлась еще одна версия убийства Валерия Иванова. Незадолго до своей трагической гибели Иванов стал испытывать материальные затруднения. Один из близких знакомых Валерия предложил ему продать часть акций телекомпании «Лада-ТВ». Мол, заработаешь деньги — выкупишь акции. Иванов заключил сделку. Каково же было его удивление, когда он узнал, что эта самая часть акций в короткое время оказалась у доверенных лиц самарского мэра Георгия Лиманского, также обладавшего значительной частью акций. Рассказывают, что между Ивановым и Лиманским произошло довольно напряженное выяснение отношений, и самарский мэр даже угрожал тольяттинскому депутату...

На фигуре самарского мэра Георгия Лиманского, на мой взгляд, следует остановиться особо.

Как известно, уже много лет между мэром Самары, с одной стороны, и представителями команды губернатора области, с другой, идет непрекращающаяся информационная война. Надо сказать, что Лиманский — фигура, с точки зрения представителей правоохранительных органов, весьма заметная. Надолго запомнятся жителям Самары скандал с совращением несовершеннолетней, в деталях описанный в самарском «Репортере», рыночные эпопеи, в которых представители оргпреступности, обиравшие местных торговцев, называли его своей крышей. Можно припомнить и скандалы с недвижимостью и с попыткой влиять на аптечные учреждения города — фигуранты этих событий охотно рассказывали о том, что Лиманский во всех этих историях играл далеко не последнюю роль. Но оставим сейчас этапы трудового пути г-на Лиманского, нам интересно не это.

В марте 2001 года я опубликовал статью в «Новой газете», в которой речь шла о возможной причастности мэра Лиманского к событиям вокруг «Лады-ТВ». Собственно, я лишь изложил свою версию: Лиманский мечтал контролировать информационное пространство в Тольятти и для этого готов был идти на многое. В качестве подтверждения своей гипотезы я приводил мнения журналистов, которые были в курсе событий вокруг «Лады» и достоверно могли подтвердить, что были и угрозы, и запугивание сотрудников, и даже прямой их подкуп.

Я опубликовал статью и стал ждать повестки в суд. В контексте расследования убийств С.Иванова и С.Логинова самарскому мэру, как мне казалось, в любом случае пришлось бы объясняться с правоохранительными органами по поводу опубликованных в «Новой» фактов.

Но мэр публикацию проглотил даже несмотря на то, что ее перепечата-ли несколько самарских газет, а у правоохранителей дополнительных вопросов к мэру не возникло.

Проехали?

Как бы не так. В феврале 2004 года я дал небольшое интервью «Новой газете» в Самаре». Спустя несколько дней вышла статья «Следователям следовало бы поинтересоваться и Лиманским (мэр Самары)», в которой упоминалась прошедшая накануне в Москве пресс-конференция, организованная Фондом защиты гласности. Речь на мероприятии шла не только о расследовании дела об убийстве Алексея Сидорова, но и о роли, которую, возможно, сыграл в событиях вокруг «Лады-ТВ» и «Тольяттинского обозрения» самарский мэр.

«Новая газета» в Самаре» привела мнение президента Фонда защиты гласности Алексея Симонова, которое он высказал в ходе пресс-конференции: «Георгий Лиманский был заинтересован в акциях телекомпании «Лада-ТВ»... По разным источникам, на сегодняшний день ему принадлежит до 97% акций телекомпании... Правоохранительным органам следовало бы поинтересоваться этим вопросом. Еще в начале 90-х Лиманский занимался радио- и телевизионным бизнесом в Самаре и мечтал о расширении своего влияния в телевизионном пространстве города и области».

Упомянули и вашего покорного слугу: «Кроме того, руководитель службы информации Фонда защиты гласности Руслан Горевой сообщил, что во всех его статьях об убийствах журналистов в Тольятти («Убийство по программе передач», «Новая газета» № 23 от 10–16 июня 2002 года, «Назначить убийцу в течение трех дней», «Новая газета» № 44 от 10–16 ноября 2003 года и др.) он всегда упоминал мэра Самары Лиманского в связи с его заинтересованностью телекомпанией «Лада-ТВ». По словам Руслана Горевского, Валерий Иванов был заинтересован в этой телекомпании. Через некоторое время его не стало, а акции телекомпании стали принадлежать Лиманскому. «Сейчас она уже не называется «Лада-ТВ». Они поменяли название, но Лиманский в этой телекомпании — один из основных игроков. Часть акций он, похоже, получил еще от Валерия Иванова, а оставшиеся ему удалось получить только после смерти Валерия», — сказал Руслан Горевой, — «с самых первых моих публикаций тема Лиманского везде проходила красной нитью. Когда я готовил вторую статью, я ждал судебного иска. Мне хотелось встретиться с ним в суде, посмотреть человеку в лицо и услышать, что он скажет. Но на все мои выпады он никак не ответил».

На сей раз возможной причастностью Лиманского к тольяттинским убийствам заинтересовалась — наконец-то! — прокуратура Самарской области. В марте с меня и с Алексея Симонова сняли показания в Басманной прокуратуре г. Москвы. Я передал следствию все имеющиеся у меня материалы, которые хоть в какой-то степени могли пролить свет на непростые взаимоотношения Лиманского с руководством «Лады».

Подождем.

ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ, ВЕРСИИ

Василий ЖИЛЬЦОВ, «Радио Свобода»

(эфир от 19 декабря 2002 года):

— Главный редактор газеты «Тольяттинское обозрение» Валерий Иванов был убит вечером 29 апреля 2002 года на глазах у жителей его дома. Сейчас коллеги журналиста обвиняют милицию в том, что она боится назвать виновников преступления. На следующий день после убийства журналиста прокурор Тольятти Евгений Новожилов признал, что расследование столкнется с массой препятствий, и местным спецслужбам своими силами не справиться. Прокурор предположил, что убийство связано с журналистскими расследованиями газеты и с решениями, которые Иванов принимал как депутат городской Думы. В первые же дни после преступления прокурор заявил, что заказчики убийства — известные и влиятельные не только в городе Тольятти люди.

Лозунгом «Тольяттинского обозрения» стала фраза «Мы говорим то, о чем боятся сказать другие». Газета Валерия Иванова сообщала о связях специалистов «АвтоВАЗа» с преступными группировками, обвиняла бывшего мэра города в сотрудничестве с предпринимателями, по вине которых бюджет лишился миллионов рублей. Незадолго до гибели редактору Иванову предлагали сотрудничеству члены чеченского землячества, они контролируют в Тольятти бензиновый бизнес. Эти предприниматели хотели положительных публикаций, редактор Иванов отказался, и ему угрожали. В то же время первый в городе конкурс на поставки горючего муниципальным предприятиям провел именно депутат Валерий Иванов. Он обнаружил, что мэрия покупает бензин по слишком высоким ценам. «Тольяттинское обозрение» обвинило чиновников в материальной заинтересованности, а значит, в коррупции. После бензинового конкурса бюджет города сэкономил

на горячем почти миллион долларов, но после убийства Валерия Иванова условия конкурса тут же пересмотрели, среди поставщиков топлива появились новые фирмы. Газеты опять увидели в этом корыстные интересы, а бюджет (то есть — налогоплательщики) снова потерял деньги.

Новый главный редактор «Тольяттинского обозрения» Алексей Сидоров считает бензиновую версию основной среди причин гибели Валерия Иванова. Депутаты Государственной думы от Тольятти подключили к этому расследованию Генеральную прокуратуру, в Самарскую область приехал генерал Владимир Колесников, его называют специалистом по раскрытию убийств. Прокурор Колесников надеялся много шума, завел 30 уголовных дел и затеял проверку всей Самарской области. Он пообещала, что убийство Иванова будет раскрыто. В октябре милиция сообщила, что убийца и заказчики преступления известны и в ноябре будут названы. Но вскоре в Тольятти прокурор Евгений Новожилов сказал, что эти заявления преждевременны, а Владимир Колесников сообщил о продолжении расследования. Редактор «Обозрения» Алексей Сидоров удивляется: ему не показывали даже фоторобот убийцы, а за Сидоровым, так же, как за Ивановым, велась слежка, и Сидоров предполагает, что мог бы узнать преступника. Журналист верит, что если не самих заказчиков преступления, то убийцу милиция народу предъявит; правда, может быть слишком поздно. Так, в убийстве основателя телекомпании «Лада-ТВ» предпринимателя Сергея Иванова милиция обвинила уже погибших в бандитских войнах членов волговской преступной группировки, но допрашивать их уже поздно, мертвые не расскажут, как было на самом деле.

Владимир ВОРОНОВ, «Еженедельный Журнал»: «Чисто конкретная журналистика. Когда региональная пресса начинает жить «по понятиям» — по этим понятиям с ней и поступают»:

— Вечером 9 октября 2003 года в Тольятти убит главный редактор газеты «Тольяттинское обозрение» Алексей Сидоров — это уже шестой погибший в Автограде, так или иначе связанный со СМИ.

С ситуацией, как водится, раньше всех разобрались профессионалы: заместитель генерального прокурора Владимир Колесников и министр внутренних дел Борис Грызлов. Первый уже анонсировал раскрытие преступления и его сугубо бытовую подоплеку. А вот министр категоричен: «Основная версия убийства Алексея Сидорова — его

профессиональная деятельность». Еще бы знать, какой конкретно профессиональной деятельностью занимался погибший: с классической журналистикой его отношения достаточно сложные.

Предшественник Сидорова на посту главного редактора «ТО» Валерий Иванов застрелен 29 апреля 2002 года. К тому времени г-н Иванов был скорее бизнесменом и провинциальным политиком (депутат городской Думы), нежели журналистом.

Об Иванове вспоминают по-разному: одни восхищенно твердят о его дерзости, честности и принципиальности. В устах же других дерзость обращается в наглость, принципиальность — в прямую противоположность. Впрочем, свое кредо сам Иванов обозначил достаточно откровенно. «Смотри, — говорил он, — вот есть у нас в Тольятти такой авторитет, Сирота. Его вообще никто не знал, а он взял и начал взрывать киоски конкурентов. И все его зауважали. Вот и мы так же...» («Самарское обозрение», 2002, № 20).

Как журналист Иванов начинал у Александра Князева, самого скандального в Самаре редактора (отца основателя предельно бульварных изданий «Все и все» и «Будни»). Знаком и с Князевым, и с изысками его «школы», но предпочту ограничиться цитатой из печатного источника: «Подбор кадров для этого издания он осуществлял своеобразно. Основным критерием являлось отсутствие у кандидата в журналисты каких-либо догм. В идеале кандидат ничего не должен был знать о журналистике». Это еще мягко сказано: в сравнении с князевскими изданиями отдыхал любой «бульвар» (пока не появилось «Тольяттинское обозрение»). Тот же «курс молодого бойца» прошел и Сидоров. Князевская школа как клеймо: редкий ее выпускник мог избавиться от предельно-циничной наглости и небрежливости в подборе тем, способе их подачи (кто с кем пьет, спит и выходит на дело) и, главное, в выборе источников информации. Если это и не было откровенным сливом всего того дерьма, что скопилось в отстойниках ментовских агентурных сводок или слетало с языка конкретных брантов, но очень на то походило.

Имя Иванов сделал материалом «Тачка цвета крови», выступив как летописец местного криминалитета. Так определилась главная тема Валерия: преступные группировки города, расклад сил в них. И ведь братам-рэкетирам понравилось написанное. Они почувствовали себя не просто уголовниками, а серьезными авторитетами, знаменитостями, имеющими реальную власть. — Признает близко знавший покойного самарский журналист, запсевдонимившийся как Марк Ра-

бинович. — Рассказывают, что лидеры одной из засвеченных группировок даже собирались откатить авторам «Тачки цвета крови» энную сумму в знак благодарности». Но та ударная статья вовсе не являлась плодом журналистского расследования: материал дал Иванову опер Автозаводского РОВД Дмитрий Огородников.

По одной версии, опер просто подарил секретные материалы оперативных и агентурных разработок своим друзьям-журналистам, обозленный, что руководство УВД города и области не предпринимает мер по обузданию криминалитета. Но усомнимся в самодеятельности: хотя автора утечки вычислили с пол-оборота, его карьера от этого не пострадала. Опер, разгласивший служебную тайну (должностное преступление!), успешно дослужился до майорских погон и поста начальника межрайонного отдела по борьбе с бандитизмом тольяттинского ГУВД!

Как тут не поверить предположениям, что та сенсация стала одним из первых пробных шаров санкционированной свыше сливной кампании, цель которой была проста: использовать прессу для разжигания кровавой междоусобицы среди бандитов. Ноу-хау, надо сказать, отнюдь не только самаро-тольяттинское.

Г-н Иванов, создавший в 1996-м «Тольяттинское обозрение» (там с 1997-го работал и Сидоров), сделал беспроигрышную ставку именно на бандитскую тему. Менты сливали: «Тольяттинские оперативники с большой охотой стали рассказывать ему все новые подробности криминальной жизни города» («Самарское обозрение», 2002, № 20), «пипл» с удовольствием «хавал» кровавые истории. Довольны были и братки: «Бандиты покупали «ТО» пачками и возили в багажниках джипов, чтобы похвастать статьями о себе».

Не все из того, что известно о журналисте Иванове из личных источников, хотелось бы выносить на эти страницы. Однако раз уж это всплыло... Дело в том, что г-н главный редактор «ТО» перешел опасную грань, став своим в доску парнем в авторитетной среде города и области: вместе пили-гуляли, дела бандитские скорбные обсуждали, чуть ли не вместе тексты согласовывали и пресс-релизы составляли! Такая вот система, почти канализационная. И журналистика чисто конкретная. Впрочем, это уже вопрос философский: насколько можно быть свободным и честным, канализуя пласты грязи, нарытые сексотами и бандитами.

Оборотной стороной медали стало то, что именно после вала публикаций в «ТО» уличные в общем-то бандиты возомнили себя такими

фигурами — Аль-Капоне отдыхает. И попытались соответствовать масштабу. Но это уже иная история.

«Журнал» уже писал, что в разборках за вазовский куш с 1992 по 2002 год убиты свыше 500 человек. Известна и некая статистика дохода криминальных структур от вазовской продукции. Например, в 1997-м ежемесячный навар криминальных структур на ВАЗе оценивался в 60–80 млрд неденоминированных рублей («Самарская газета», 25 июля 2002 г.) — это от 12 до 17 млн долларов. Затем эта цифра чуть подросла: 17–19 млн долларов. Эту статистику охотно признают и высшее руководители ВАЗа, и высокие чины правоохранительных органов. 23 марта 2002 года на конференции трудового коллектива Виталий Вильчик, президент АО «АвтоВАЗ», выдал: сумма ежегодных хищений на заводе почти 30 млн долларов («Самарское обозрение», 2002, № 14.). Замгенпрокурора Колесников в интервью ГТРК «Самара» (16 июля 2002-го) назвал схожую цифру: с завода ежегодно воруют запчастей на 800 млн рублей (примерно 26 млн долларов).

26–30 миллионов долларов чистого криминального дохода! Можно ли поверить, что столь масштабную аферу способен провернуть пара-тройка сотен бандитских «штыков» и «волын»?! И что такое возможно без прямого участия вазовских чиновников?! Не случайно, касаясь дела Иванова, генерал Колесников обмолвился, что за преступлением стоят «очень серьезные лица с серьезной многомиллионной долларовой подпиткой». Каковые «и сейчас остаются у власти». Г-н генерал точно имел в виду вовсе не авторитетов типа Сироты, Сулеймана или Филиппка.

Вылепленный же (не без усилий Иванова и Сидорова) облик бандитского Автограда скорее камуфлировал реальное положение дел, выпячивая лишь часть разъедающей город язвы. И криминальные разборки, получившие беспрецедентный пиар, надежной дымовой завесой укрыли более существенное — разграбление автогиганта его же менеджментом.

Кстати, о тех, кто — быть может — подпитывал газетчиков информацией. Майор Огородников убит в 2000 году. Тогда же убили еще одного очень информированного человека — Вячеслава Минака, бывшего начальника отдела контрразведки тольяттинской ФСБ. Убит Сергей Дичанкин, сотрудник межрайонного отдела по борьбе с оргпреступностью. Погиб его коллега, Вячеслав Святкин. Убит начальник отдела по раскрытию убийств городского УВД подполковник Юрий Онищук. Может, это и бандитская месть, но больше это похо-

же на заметание следов. Как-то «случайно» совпав с периодом, когда тактика прикрытия больших афер чисто криминальными разборками себя исчерпала...

А вот Валерий Иванов, став «взрывать ларьки» и обретя известность, не смог остановиться только на канализации компромата. Бизнес «независимого журналиста» обрел новую грань: главный редактор встречался с фигурантами еще не опубликованных материалов и предлагал им сделку: вы платите — и я не публикую...

Это не голословные утверждения. Вот красноречивая цитата из статьи в местном еженедельнике: «Именно с легкой руки журналистов «Тольяттинского обозрения» фирмы и чиновники Автограда начали платить деньги за «ненаписание» статей, содержащих компрометирующие сведения» («Самарское обозрение», 2002, № 20). Очень похоже на шантаж, не правда ли? Читайте ст. 163 УК РФ...

Тот ивановский «бизнес» подтверждают и иные источники. Когда в июле прошлого года брал интервью у Владимира Жукова, председателя Тольяттинской торгово-промышленной палаты, тот вдруг выдал под запись:

— Был у нас такой журналист и бизнесмен Иванов, которого застрелили. Хотя про покойников, как говорят, или хорошо, или ничего, а я все-таки скажу. Валеру я очень хорошо знал, и был он... нехороший человек.

— ?!

— ...Шантаж: или плати деньги, или я публикую статью. И застрелили его только за это, гарантирую! Я почему знаю: один мой друг пошел на выборы, а у него в свое время была судимость, получил условно в 17 лет по хулиганке. Иванов звонит ему и говорит: «Нам надо встретиться». Встречаются. Иванов говорит: «Вот, ты знаешь, мне заплатили за эту статью 20 миллионов (примерно 4 тысячи долларов по курсу того времени. — *Авт.*). Я могу ее не печатать — за 30 миллионов». При мне все это происходило!

Какое все это имеет отношение к журналистике и свободе слова? Каждый волен ответить сам.

Более года назад автор этих строк в своей публикации («Собеседник») нечаянно задел эту болезненную тему, редакция получила письмо на бланке «ТО» за подписью Сидорова. И по форме, и по существу — чисто конкретная распальцовка: пальцы веером, набор оскорблений и ясно читаемых меж строк угроз, да еще и приглашение... на стрелку.

Смысл был прост: мы тут крутые, вы нас не троньте; нечего Москве в нашем белье копать и на святое замахиваться. А не то... Выражая железную уверенность в несомненной проплаченности материала (по себе судил?), г-н Сидоров предлагал автору еще раз побывать в Тольятти: «Если господин Воронов сомневается в реальном существовании бандитов... пусть посетит меня. Я, гарантируя его личную безопасность, познакомлю его с теми, чьи имена он употребляет все».

Утверждая, что Иванову не было нужды заниматься шантажом — и так богат, Сидоров сообщает: «Наш с Валерой реальный бизнес — это:

1. Издательский холдинг, включающий в себя три городских издания: ежедневную газету «Тольяттинское обозрение»... еженедельник «ТО» — «Итоги недели»... рекламное издание «ТО» в каждый дом»... Доходы данного предприятия составили 11 миллионов рублей, а расходы — 7...

2. Нам принадлежит ООО «Тольяттинские машины», официально включенное в реестр дилеров АО «АвтоВАЗ» и имеющее квоту месячной продажи автомобилей в 150 штук. Надеюсь, вы понимаете, что данная сфера деятельности также достаточно прибыльна и законна... И поверьте, вряд ли в России есть издание, получающее доходы, сопоставимые с доходами дилерских фирм ВАЗа.

3. Мы являемся учредителями благополучно работающего в Тольятти туристического агентства ООО «Солнце».

Журналисты-дилеры?! Действительно, круто! Возможно, именно здесь реальная отгадка гибели двух деловых людей, редакторов по совместительству. Правда, и тогда г-н Сидоров предпочел умолчать, что была у них с Ивановым и еще одна сфера деятельности, которая «также достаточно прибыльна и законна» — они были совладельцами телекомпании «Лада-ТВ». Вокруг которой смертей также предостаточно: в 2000-м убиты Сергей Иванов — гендиректор и Сергей Логинов — главный редактор этой телекомпании. Валерий Иванов стал гендиректором «Лады-ТВ» после того Иванова...

С определенностью можно утверждать лишь одно: выйдя за пределы журналистики, персонажи — пользуясь их же выражением — начали «взрывать ларьки». Их и достала взрывная волна собственных «фугасов».

Прокурор Самарской области Александр ЕФРЕМОВ об убийстве Валерия Иванова:

— Задерживались 6 человек, проводилась отработка в отношении лиц, у которых отпечатки пальцев оказались похожими на тот пальцеотпечаток, который был обнаружен на двери автомашины, на которой ез-

дил В. Иванов. Похожие отпечатки оказались у 20 человек, все они про-работаны, но нет данных о том, что они причастны к этому убийству. Прокурор города сейчас дал еще несколько санкций на арест и задержа-ние лидеров преступных группировок, которые сразу же после соверше-ния убийства исчезли из города Тольятти, поэтому сейчас предпринима-ются попытки их обнаружения. Будут проведены следственные меро-приятия, чтобы отработать их причастность к данному происшествию.

Версий достаточно много: и открытая борьба В.Иванова с органи-зованной преступностью, преступными авторитетами, и его борьба с коррупцией на ВАЗе, и с коррупцией во власти. Работает бригада сле-дователей прокуратуры из 11 человек. Я думаю, что все равно мы с те-чением времени выйдем на убийц, выйдем на тех людей, кто органи-зовал данное преступление. Я думаю, что заказчики находятся не за пределами Самарской области.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ К ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ

Алексей СИДОРОВ: «Я самый компромиссный человек»

(Интервью интернет-порталу «Волга.Ру», 21 июля 2003 года)

Вопрос: Кто и почему убил Валерия Иванова?

А.Сидоров: Кто — должно ответить следствие. Почему? Это во-прос, на который мы (редакция) отвечали. В связи с публикациями и деятельностью Иванова, направленными на то, чтобы муниципаль-ный заказ на ГСМ размещался действительно по конкурсу.

Вопрос: Скажите, Алексей, что Вы подразумеваете под словосочета-нием «авторитет «Тольяттинского обозрения»? Вы действительно счита-ете, что этот авторитет существует? В каких слоях населения? Кто и когда проводил исследования на этот счет?

А.Сидоров: На этот счет исследования проводились неоднократно. Причем эти исследования проводили не мы. Например, по последним (насколько мне известно) данным социологической службы ВАЗа сре-ди работников АО «ВАЗ», которая охватывала работников ВАЗа, на во-прос: «Откуда Вы черпаете сведения о жизни и деятельности автозаво-да?» — на первом месте стоял «Волжский автостроитель», на втором — «Тольяттинское обозрение». На второй вопрос: «Откуда Вы черпаете информацию о жизни города?» — на первом месте «Тольяттинское обозрение», на втором «Волжский автостроитель», остальные СМИ в другом порядке. Я лично считаю, на базе таких исследований, что та-кой авторитет существует! Поскольку город, мне кажется, и «АвтоВАЗ»

неразрывно связаны. Больше половины города связаны с заводом, работают на нем или при нем.

Вопрос: *Какие именно службы ВАЗа проводили исследование? Какова была выборка? Когда конкретно это было?*

А.Сидоров: Это социологическая служба ВАЗа. Мне показали выжимку. Интересуйтесь на ВАЗе! Эта информация принадлежит АО «АвтоВАЗ», а не «Тольяттинскому обозрению».

Вопрос: *Всенепреренно. Допустим, что это правда. Где еще, кроме ВАЗа, «Тольяттинское обозрение» пользуется популярностью? Собственные исследования Вы проводили? Каков уровень образованности тех, у кого «Тольяттинское обозрение» пользуется авторитетом? Социальное положение? Пол? Возраст?*

А.Сидоров: Не буду перечислять категории. «Тольяттинское обозрение» социологические исследования не проводит, мы недостаточно богаты. Мне ориентироваться в условиях рынка проще по продажам: растут реклама, продажи, значит, все хорошо. Если падают эти цифры, надо заказывать исследования!

Вопрос: *Алексей, не путайте авторитет с тиражом. Девушек на Тверской тоже покупают, однако это не говорит о том, что они пользуются авторитетом. У самиздата не было рекламных полос, но авторитетом он, безусловно, пользовался. А насчет роста доходов по рекламе — что, «Тольяттинскому обозрению» наконец-то начали вместо бартера предлагать живые деньги?*

А.Сидоров: Предлагают и бартер, и живые деньги. Иногда я предпочитаю бартер!

Вопрос: *Не сомневаюсь! Путевки, например...*

А.Сидоров: А что в этом плохого?

Вопрос: *Вы еще и отвратительный менеджер? Для Вас является новостью тот факт, что бартер на порядок менее выгоден, нежели живые деньги? Выдача же зарплаты путевками (или иными товарами) при отсутствии живых денег может расцениваться как навязываемая услуга.*

А.Сидоров: Мои сотрудники не получали зарплату бартером, значит, я хороший менеджер!

Вопрос: *Скажите, Алексей, главный идейный лидер и путеводная звезда «Тольяттинского обозрения» — Валерий Иванов — был честным и законопослушным человеком? В этом плане «Тольяттинское обозрение» последовательно продолжает путь своего лидера?*

А.Сидоров: Да, он был честным и законопослушным. В этом плане «Тольяттинское обозрение» старается продолжать его линию!

Вопрос: В таком случае как Вы прокомментируете результаты проверки, проведенной Поволжским межрегиональным управлением по делам печати и телерадиовещания и последовавшее за ней заявление Светланы Ждановой: «За январь 2001 года... шесть выходящих в губернии изданий завысили свои тиражи. Газета «Тольяттинское обозрение» вводила в заблуждение читателей и рекламодателей, указывая тираж в 33 000 экземпляров, когда реальное количество газет составляло лишь 10 000».

А.Сидоров: Тогдашнее заявление Ждановой не осталось без ответа. У нас два издания существовало на тот момент: «Тольяттинское обозрение» еженедельное с тиражом 21500, по-моему, и ежедневное «Тольяттинское обозрение» с тиражом 6000, я по большому счету не помню. Поэтому мы давали объединенный тираж, естественно; для поднятия престижа. Сегодня «Тольяттинское обозрение» еженедельное поменьше, а ежедневное — 7600.

В этом году тираж наш вырос в два раза. Это отличный результат! В следующем году рассчитываю рост еще на 3—4 тысячи и достигнет рубежа 10—11 тысяч. Я уверен в этом!

Вопрос: О каком совокупном тираже может идти речь, если это — два разных издания?

А.Сидоров: Это не два разных издания. Есть «Тольяттинское обозрение» ежедневное, учредителем которого является «Тольяттинское обозрение» еженедельное. Это одно издание, и собственник один!

Вопрос: В случае проигрыша «Тольяттинским обозрением» очередного иска о защите чести, достоинства и деловой репутации Вы, так же, как в свое время Валера, собираетесь уходить от ответственности или все же будете своевременно публиковать опровержения?

А.Сидоров: Поясните, о чем вопрос конкретно. Как Валера уходил от ответственности?

Вопрос: Алексей... Ну что Вы, в самом деле... Мне ли Вам рассказывать, как появилась ТОНГ («Тольяттинское обозрение — независимая газета». — Прим. авт.), которая якобы не являлась правопреемницей «Тольяттинского обозрения», хотя доставлялась подписчикам «Тольяттинского обозрения»?

А.Сидоров: Считаю, что в работе любого профессионала должны быть профессиональные секреты. Если Вы хотите разоблачить что-то, могу сказать раз и навсегда, что у нас есть система по уходу от ответственности. «Тольяттинское обозрение» обезопасило себя от судебных исков. Естественно, созданная нами система за восемь лет отработана. Люди предпочитают сотрудничать с нами, нежели судиться.

При этом я самый компромиссный человек из всех компромиссных людей. Я открыт для всех. Могу рассказать историю. Когда-то у нас вышла статья «Деньги газовых королей» об Аветисяне (самарский предприниматель. — *Прим.*). Он прислал юриста готовить иск. Мы с ней пообщались, и, ознакомившись с нашей системой, она уехала. После чего пригласила Иванова в Самару. Так мало того, по настоянию этого юриста Аветисян ввел такую же систему в своих СМИ! И на сегодняшний день эта система действует.

Вопрос: *В одном из своих материалов Оксана Кртян сказала: «Золотым правилом «Тольяттинского обозрения» всегда было то, что ни один конфликт не выносится на его страницы, если автором не опрошены обе стороны». Насколько эта информация соответствует действительности? Всегда ли корреспондент «Тольяттинского обозрения» при публикации учитывает мнение опрошенных сторон или предпочитает присоединиться к одной из них? Чем он при этом руководствуется: Законом о СМИ, УК РФ, размером гонорара, собственными симпатиями?*

А.Сидоров: Журналист при написании любого материала имеет собственное мнение. Это мнение, естественно, формируется в ходе общения с героями публикации. Люди все разные. Некоторые симпатичны автору, некоторые — нет. На 100% объективен он быть не может. Требование редакции к журналисту «Тольяттинского обозрения» заключается в том, что необходимо брать комментарии всех сторон.

Симпатии же журналиста все равно оказываются на той или иной стороне в зависимости от его собственного мнения, а диктовать журналисту мнение со стороны редактора, на мой взгляд, некорректно. В связи с этим требование такое есть.

Всегда ли оно выполняется? Люди по природе своей ленивы. Я не привык употреблять слово «всегда»: «все бандиты, все уголовники». Ругаемся ли мы друг с другом? Да, ругаемся. Обижаемся ли, когда я штрафую? Да, обижаются люди. Они считают себя полностью правыми. Но требование со стороны редакции, работодателя такое существует. Редактор вносит литературные правки.

Если я вижу в материале, что нет ответа на поставленный вопрос, например «У нас воруют нефть», я сразу ставлю вопрос: «Кто ворует? Фамилия? Доказательства?». Если там написано: «Такой-то ворует», тогда где доказательства, объективные причины? Я заставляю журналистов отвечать на возникающие у меня вопросы. Эти вопросы возникают не только у меня. Я такой же читатель, только более вниматель-

ный. Я стараюсь заставить журналистов переработать материал, найти ответы, написать эти ответы, которые могут возникнуть у читателя. Это и есть работа редактора в моем понимании. Но редактор не может исправлять сам смысл материала!

Вопрос: *Каким образом симпатичность или несимпатичность собеседника может отразиться на публикуемых данных? Разве журналист не должен быть зеркалом, отражающим действительность? Разве его главная задача не информировать? Вы сказали: «Редактор вносит литературные правки! Он не может искривлять сам смысл материала!» А выпрямлять смысл он может? В материале о светящихся шарах Гузель Шпилова такого наворотила...*

А.Сидоров: Я говорил о мнении журналиста. Если за месяц были избиты 5 менеджеров «Тольяттикаучука», и представители следственных органов нормально встречаются с журналистом, беседуют, и представители ОПГ тоже излагают свой взгляд на ситуацию, а менеджер по пиару от «ТК» начинает говорить достаточно умному, развитому человеку, что это не связано с заводом, что это простые хулиганские действия, то за кого он держит журналиста? За идиота. Журналист на это обижается. Естественно, симпатии автора не на стороне менеджера «ТК».

Вопрос: *Так что там о Гузель Шпиловой с ее светящимися шарами? «После НЛО часто остается белый дым, о котором рассказывают очевидцы. Дело в том, что от электромагнитного излучения ионизируется воздух». Это написано со слов очевидцев??? Это Нобелевка по физике, между прочим.*

А.Сидоров: Шаров я сам не видел. Ко всяким этим штучкам отношусь скептически. Разделяю Ваш скепсис. Она писала со слов очевидцев! На первой полосе был фотомонтаж. Автор написал то, что рассказали очевидцы.

Вопрос: *Кстати, вспомнилось. Прокомментируйте, пожалуйста, следующий отрывок: «Пусть Клинтон захлебнется своей «Кока-Колой»! Занимая уже давно антиамериканскую позицию, редакция «Тольяттинского обозрения» считает для себя невозможным оставаться в стороне от наглого попрания американцами прав человека... Каждый день жители Тольятти, покупая американские сигареты, напитки, одежду и машины, в итоге вкладывают в компании США деньги на сумму, равную стоимости одного фронтального истребителя... Так может, хватит вооружать армию США? В связи с войной в Югославии «Тольяттинское обозрение» предлагает жителям города начать широкомасштабный бойкот амери-*

канских товаров. Любое изделие с надписью «Сделано в США» нельзя покупать, так как оно произведено в стране-убийце. Янки, гоу хоум!». Оцените, пожалуйста, уровень вменяемости автора материала. Не является ли этот материал, на Ваш взгляд, прямым разжиганием межнациональной розни? Или это тоже в правилах «Тольяттинского обозрения»?

А.Сидоров: Я считаю, что любой журналист может пошутить, а любой читатель — понять или не понять шутку. Я позволяю шутить, чтобы читатель улыбнулся. Моя любимая шутка: года два назад бомжи в частном секторе убили корову и съели ее. Вышла фотка с надписью «Последняя прижизненная фотография коровы Мурки». Может быть, кто-то и это воспринял серьезно, что мы ездили до убийства фотографировать корову, может быть. Или что один из руководителей мэрии усновил негритенка!

Вопрос: Жанр журналистского расследования, столь популярный в «Тольяттинском обозрении», предполагает компетентность журналистов хотя бы в общих вопросах. Между тем все чаще встречаются даже не опечатки, а откровенные ляпы. Проверяет ли редакция достоверность получаемой журналистами информации или после смерти Иванова все пущено на самотек?

А.Сидоров: Один из великих (не буду говорить кто — не надо умничать) сказал, что «журналист — это выдающаяся посредственность». Считаю, что в нашем жанре наступила бы катастрофа, если бы об экологии писали экологи, об экономике писали только экономисты, о производстве автомобилей писали бы только инженеры, закончившие автомобильный факультет ТПИ (ныне — ТГУ), и т.д. В этом плане журналист — выдающаяся посредственность. Он задает специалистам вопросы, слышит от них ответы. Эти ответы любой журналист оценивает со своей точки зрения. Редактор оценивает ответы с точки зрения читателей. Если в материале преобладала та или иная точка зрения, это значит, что журналисту один человек более компетентно, более понятно, доступно объяснил, нежели другой. Бывают ошибки и опечатки. Как и в других СМИ.

Что касается Валерия Иванова, то в последние годы он плотно занимался депутатской деятельностью, а не газетой. Что касается журналистского расследования, то общероссийская премия Боровика получена за статьи, которые писались не только Ивановым, а группой журналистов «Тольяттинского обозрения», и последнюю муниципальную премию мы получили за журналистское расследование и за лучший проект. Не оскудело «Тольяттинское обозрение» талантами!

Скажем, Мишанина получила премию департамента культуры за статью «Слон в посудной лавке», посвященную главе департамента Колосову, и лично он ее вручил. Глава департамента считает критику «Тольяттинского обозрения» в какой-то мере обоснованной.

Вопрос: *Появилась новая газета «Хронограф». Как Вы оцениваете ее? Почему Ваши сотрудники перешли в нее? Как в связи с этим поменялась Ваша редакционная политика?*

А.Сидоров: Я не видел этой газеты. Меня не было в городе. Хотел посмотреть — не нашел. У меня ушел один журналист — Павел Каледин. Ушел талантливый сотрудник Алексей Миронов. Я, конечно, сожалею. Но это их выбор, люди не рабы, имеют право работать там, где хотят. Думаю, в «Тольяттинском обозрении» осталось много хороших, талантливых журналистов. Оно от этого не оскудеет. Нормальная конкуренция, нормальное явление. Редакционная политика не может меняться из-за этого! Редакционная политика меняется от смены собственника, но не из-за ухода сотрудников! Может быть, режим работы и нагрузка на оставшихся увеличилась.

Вообще считаю, что в «Тольяттинском обозрении» работают самые талантливые, самые организованные люди. Что мы многому друг у друга учимся. Естественно, эти люди заслуживают гораздо большей оценки собственного труда в денежном эквиваленте. Это единственное противоречие. У нас нормальный, классный коллектив. Лучшего коллектива я не видел. Все мои друзья работают в газете.

Вопрос: *Год выборный. С кем из партий Вы работаете?*

А.Сидоров: На сегодняшний день работаем с «Единой Россией». Выходят публикации и про СПС. Открыты для любых партий и движений. Цены у нас приемлемые. Не дружим, а работаем. СМИ в предвыборный год работают с партиями на взаимовыгодной основе.

Вопрос: *А КППФ выходит на Вас?*

А.Сидоров: КППФ я лично симпатизирую. По некоторым вопросам. Поэтому я даю им маленькие поблажки.

Вопрос: *Сейчас за КППФ встал ЮКОС. Это достаточно сильная структура.*

А.Сидоров: На выборах депутатов городской Думы по 2-му и 17-му округам мы без финансовых договоренностей помогали депутату от КППФ. В разумных, естественно, пределах. Если он проводил интересную встречу или акцию, мы ее освещали без всяких финансовых условий с нашей стороны. На сегодняшний день они к нам не обращались. Обратятся — рассмотрим.

Вопрос: Почему такое отношение к КПРФ? Не претят идеи коммунизма, родственники коммунисты или детские ассоциации?

А.Сидоров: Идеи коммунистические в основе своей мне претят. Я не отношу себя к коммунистам. Но коммунисты местные как люди мне симпатичны: на мой взгляд, они честнее других. Они выдвигают разумные требования по местным проблемам. По строительству «зеленой» дороги, например.

Вопрос: Ваш рейтинг партий.

А.Сидоров: Рейтинг? Я бы не пошел на голосование вообще. Я человек аполитичный. Меня интересуют местные проблемы. Формирование федеральной власти меня интересует в меньшей степени. Потому что она будет сформирована так, как на то будет воля нашего президента.

Вопрос: Хорошо, на местном уровне.

А.Сидоров: Мне на сегодняшний день интересна позиция фракции «Единая Россия» в гордуме. Я симпатизирую этой позиции сам лично. Мне как независимый депутат интересен Ясинский. Достаточно скептически отношусь к деятельности депутата Груднева и депутата Гройсмана в губдуме, депутата Клевлина. Зачастую смущает позиция Гринблата. Потому что, как мне кажется, по некоторым городским вопросам он голосует не осмысленно, а двигаясь в русле личных амбиций.

Осмысленную, с точки зрения политики, линию ведут только две партии: «Единая Россия» и СПС. Других партий нет просто. О них говорить не стоит.

Вопрос: В этом году «Тольяттинскому обозрению» исполняется восемь лет. Газета имеет свой авторитет. Зачастую говорят, что он работает на шантаже и криминале. Это так?

А.Сидоров: Тем, кто говорит о чернухе, я советую несколько раз хотя бы на судебные процессы сходить, скажем, в Самарский областной суд. Говоря о бандитах на сегодняшний день: восемь лет назад это были молодые люди, они решали возникающие вопросы больших людей нетрадиционными методами и зарабатывали на этом деньги. Скажем, на сегодняшний день г-н Ушамильский — учредитель многих предприятий в Тольятти и Самаре. При этом, в частности (купил у Зыкова), нашего мукомольного завода, он владеет акциями аэропорта Курумоч. При этом он сам в интервью прессе не скрывает, что у него дружественные отношения с Владимиром Вдовиным, которого в Тольятти знают под кличкой Напарник. И что в период начального, дикого капитализма он помогал решать ему разные вопросы. Это были молодые ребята, которые помогали в отсутствие государственного регули-

рования решать вопросы кредиторов и должников. Своими средствами. Им за это платили деньги. Они охраняли. Не охраняла милиция, охраняли они. Эти деньги они вкладывали в реальный бизнес. Те, которые поумней. Те, которые жили по воровским понятиям и придерживались этой воровской идеологии, — они уходят. История рузляевской группировки — свидетельство этому. История ее закончилась вместе с историей дикого капитализма.

Поэтому говорить о том, что «Тольяттинское обозрение» делало имидж на бандитах, — можно так формулировать. А я сформулирую по-другому — мы тогда жили в другом обществе. Тогда не все решали муниципальные власти. Не наша газета написала, а «Самарское обозрение» (ее считают серьезной газетой), что в то время мог зайти такой человек тольяттинский по кличке Паровоз и предложить Николаю Альфредовичу Ренцу 100 тысяч долларов для развития его политической карьеры. Соответственно, я знаю много случаев, когда люди, которых называли бандитами, вкладывали деньги в развитие бизнеса вполне легального. Если сейчас оценить ряд сфер тольяттинского бизнеса с точки зрения, кому он принадлежит... Ну давайте посмотрим на альтернативные перевозки — практически все они. Давайте посмотрим на нефтехимию нашу отчасти. Кто был умен из «красных» директоров — тот сохранил свою собственность. Часть тех людей ее потеряли. Процесс этого распределения происходил на наших глазах. «Тольяттинское обозрение» этот процесс описывало. Говорить, что мы писали о бандитах? Это не так.

Вопрос: *Шантаж со стороны «Тольяттинского обозрения» — это миф или нормальный бизнес?*

А.Сидоров: Мы никогда не продавали информацию. Всем, кто задает такой вопрос, я могу показать типовой договор об абонентском обслуживании. Пусть он ознакомится с ним. Там есть один пункт: «...О любой поступившей негативной информации «Тольяттинское обозрение» обязано проинформировать Заказчика за...» такой-то срок. И Исполнитель обязан взять комментарий у Заказчика о поступившей информации. Там нет строчки, что Заказчик оплатит, а Исполнитель не опубликует.

А вопрос глупый. Наши крупные рекламодатели — «Куйбышева-зот», «АвтоВАЗ». Как задающие вопрос себе это представляют? Я могу прийти к директору ВАЗа и шантажировать его? Сидоров Алексей Владимирович может прийти в кабинет Степанова, Ляченкова, к любому члену совета директоров и шантажировать их? К ним очень сложно попасть. Как люди представляют себе, что я могу шантажировать Гераси-

менко (руководитель «Куйбышевгазет». — *Прим.*)? Это нереально. Ну а с директором хлебулочного магазина Пупкиным иметь дело глупо.

Вопрос: Год без Иванова.

А.Сидоров: Не буду отвечать за редакцию. У меня не было упадочнических настроений. Газета будет. Она во многом появилась благодаря Валере. Но на сегодняшний день это издание, которое живет уже своей жизнью, вне зависимости от того, буду ли я главным редактором или кто-то другой. Оно живет уже восемь лет. Господина Шемякина сменил господин Бакланов, возможно, господина Бакланова сменил еще кто-то. «Площадь Свободы» живет своей жизнью, конкурирует с другими изданиями, так же и «Тольяттинское обозрение».

Вопрос: На чем зиждется авторитет «Тольяттинского обозрения»?

А.Сидоров: Мы можем себе позволить написать то, что не могут позволить себе другие издания. На оперативности информации. Из «Тольяттинского обозрения» можно узнать ценную информацию из бизнеса, жизни, экономики, политики.

Вопрос: Противостояние с властями в крови «Тольяттинского обозрения»?

А.Сидоров: Любое СМИ и власть в любом случае антиподы. Это придумал не я, исторически так сложилось.

Вопрос: Насколько опасна для Вашего бизнеса московская конкуренция? Появились «Ведомости»...

А.Сидоров: Этот вопрос решается конкретным собственником. Я прекрасно знаю руководителя местных «Ведомостей», их учредителя. Это нормальный проект, узконаправленный. Это не экспансия на наш рынок. Это деловая газета, и подвинуть на этом рынке они могут «Самарское обозрение». Я поддерживаю всячески появление таких изданий. Недавно был на встрече главных редакторов СМИ с нашим мэром, посчитал — там 84 редактора! Подумал: найти бы 10 нормальных журналистов!

Интерес проявляют — да. Ко мне, например, приезжали люди из потанинской группы, предлагали купить акции. Мы себя в этом плане чувствуем спокойно. Ну не стоит с ними работать. Здесь же СМИ формируются на сегодняшний день одним человеком — Владимиром Евгеньевичем Аветисяном. Это надо трезво осознавать. То есть у него свой достаточно развитый холдинг, который возглавляют достаточно умные люди. В этом плане он и политически, и экономически себя обезопасил. При этом он лицо публичное, федерального уровня. Не думаю, что ЮКОС или еще кто-то будет с ним конкурировать.

Вопрос: *Планируете ли маркетинговые акции типа выкладки газет в высотке на ВАЗе, мэрии и других местах?*

А.Сидоров: Мне это не нужно. Бываю в разных кабинетах. Не видел еще ни одного кабинета чиновника, политика, где не было бы «Тольяттинского обозрения». Зачем отдавать бесплатно? Это не нужно. Возьмите ту же телекомпанию «Лада-ТВ». Пусть они отслежат все свои сюжеты и сравнят с газетой. Так вот, сюжеты их отстают. Где-то дня на три, на неделю. Новостные, проблемные сюжеты — они идут шаг в шаг, но только сзади. И причем, скажем, когда написала Мишанина «Слон в посудной лавке», они сделали программу, которая шла по пунктам статьи. Наша газета выполняет роль репортера.

Вопрос: *Какое из городских СМИ читаете?*

А.Сидоров: Все нормальные. «Площадь Свободы», «Волжский Августоройтель», «Самарское обозрение». Другие — ну вот «Волга. Ру» в Интернете еще. Смотрю «ВАЗ-ТВ», «Лада-ТВ». «Панорама» нравится как газета. Мы сотрудничаем по ряду вопросов. У меня нормальные отношения со всеми. С Рабиновичем, Красовским. Не всегда понимаю их отношение к нам.

Вопрос: *А какие городские проблемы считаете насущными?*

А.Сидоров: Первая — проблема застройки. Хаотично все. Вторая проблема — проблема власти. Не буду называть фамилии, но нынешняя муниципальная власть — она не плохая и не хорошая. У меня на протяжении всей ее деятельности сложилось впечатление, что она никакая. Дело в том, что руководители нашего муниципалитета не отвечают людям ни да ни нет. Выходит человек с инициативой, проектом. И не дай Бог, если этот проект ущемит интересы кого-то!

Руководитель одного из департаментов мэрии попросил дом для того, чтобы построить жилье для своих работников. С него потребовали взятку! Парадокс! Если решение невыгодно власти, она откладывает его в долгий ящик. Если это выгодно чиновнику, он его проталкивает изо всех сил. Скажем, конфликт вокруг земельных отношений. Он же не менее острый, чем конфликт Жилкина с Зыковым в свое время. Ведь из-за этого Эстрин ушел. Ушел, потому что не осталось полномочий. Нет власти. Номинально есть люди во власти, но спорные вопросы они не решают. В связи с этим нет в городе инвестиций, нет программы развития. Колоссальные взятки. Я беседовал с директорами строительных фирм: примерно 10–15% стоимости дома — это взятки!

Вопрос: *Кого Вы видите будущим мэром?*

А.Сидоров: Видел Валеру Иванова. Это было реально. На сегодня кандидатуры в городе не вижу!

Часть 3

Убийство Алексея Сидорова

«Муж был напуган смертью Валерия Иванова. Он никогда не пытался скрыть свой страх. Он никогда не говорил, что не боится. Он просто говорил, что не может поступать по-другому».

*Ольга Лапицкая о своем покойном супруге
Алексее Сидорове в интервью газете
The Washington Post, США*

Вечером 9 октября 2003 года главный редактор газеты «Тольяттинское обозрение» Алексей Сидоров был убит.

По версии следствия, озвученной заместителем прокурора Самарской области Евгением Новожиловым, дело было так. Вторую половину дня Алексей Сидоров провел на церемонии награждения областной журналистской премией «Золотое перо». Около девяти часов вечера он припарковал свою машину на стоянке возле дома, откупорил припасенную бутылку пива и, прихлебывая из горлышка, двинулся к дому. Возле входа в подъезд Алексея окликнул незнакомец: поделись, мол, добрый человек, пивом. К просьбе Алексей остался глух, за что и поплатился: убийца набросился на журналиста с кулаками, а затем достал заточку и нанес Сидорову тринадцать ранений, из которых десяток пришелся по касательной, а остальные — проникающие. В спину, под сердце и в селезенку. Журналист успел дотянуться до кнопки домофона и выдохнуть: «Помогите...» Жена с подругой бросились вниз по лестнице и нашли истекающего кровью Алексея, который через несколько минут скончался.

Вы, наверное, думаете, что сейчас я напишу, что, мол, исполнителей этого преступления по горячим следам задержать не удалось. Да, вы правы. С быстрым поиском реальных убийц журналистов у правоохранительных органов всегда как-то не складывается. Но в данном случае следователи отдавали себе отчет в том, что, если они в ближайшее время не отрапортуют о поимке убийцы, вышестоящие инстанции с них три шкуры сдерут. Шутка ли: четыре убийства руководителей городских СМИ за четыре года!

За три года до гибели Сидорова, сразу же после убийства Сергея Логинова, следователи выдвинули несколько версий убийства. Гибель могла наступить в результате падения с высоты, удара тупым тяжелым

предметом по голове и даже при наезде автомобиля. Определиться должным образом правоохранители так и не смогли, однако сошлись они в одном — профессиональная деятельность покойного к его трагической гибели отношения не имела и не могла иметь.

Еще через полтора года, когда погиб Валерий Иванов, эта же версия об отсутствии связи между убийством и профессиональной деятельностью убитого прозвучала бы, мягко говоря, неубедительно. И тогда в ход пошло крупнокалиберное оружие. В Тольятти приехал заместитель генерального прокурора Владимир Колесников. Через пару дней он во всеуслышание заявил, что, дескать, хоть мы и убеждены в том, что причиной гибели В. Иванова стала отнюдь не профессиональная деятельность покойного, но на всякий случай проверяем и эту версию. Проверая, малость перестарались: посадили троих подозреваемых. Несколько месяцев их промурыжили в СИЗО. Двоих пришло в конце концов отпустить, а один — вот беда — до освобождения не дожил: умер. Говорят, заболел чем-то. Чем у нас «заболевают» в тюрьмах нежелающие признаться в убийстве?

Полтора года назад слово Колесникова сработало. Общественный интерес был удовлетворен. О том, что задержали не тех, а тех, кого следовало, не задержали, никто кроме коллег Иванова не вспоминал.

Удобно — решили правоохранители. И после убийства Сидорова они воспользовались проверенным методом. Вечером 9 октября гибнет Алексей Сидоров, а уже спустя неделю, утром 17 октября, заместитель генерального прокурора В. Колесников — тяжелая артиллерия все та же, проверенная — докладывает о том, что убийца-де задержан, а следствие полностью исключает версию убийства, связанную с профессиональной деятельностью журналиста. «Убийство было совершено из хулиганских побуждений... Мотивы и причины преступления понятны, однако существующие жесткие нормы УПК не позволяют следствию продвинуться дальше», — говорится в докладе. И только жесткость норм не позволяет Генпрокуратуре незамедлительно приблизиться к истине...

Небольшое отступление: на пресс-конференции, которую силовики провели в Тольятти через несколько дней после гибели Алексея Сидорова, начальник Главного управления МВД РФ по Приволжскому федеральному округу генерал-полковник Владимир Щербаков также поспешил объявить журналистам, что виновные-де уже задержаны. «Мне ничего об этом не известно», — парировал тогда заместитель прокурора Самарской области, Евгений Новожилов. Однако уже

на следующий день его точка зрения на скорую поимку преступников неведомым образом совпала с мнением руководства, озвученным накануне.

Коллеги Алексея Сидорова немедленно связали гибель редактора с его профессиональной деятельностью. И они были правы: даже не смотря на то что в последнее время тираж газеты падал, материалы в значительной мере утратили былую остроту, а в городе у издания появился сильный конкурент — газета «Площадь Свободы», куда ушла часть журналистов «Тольяттинского обозрения», — время от времени в газете появлялись публикации, способные навлечь на редакцию гнев сильных мира сего. В основном представителей организованной преступности и теневого бизнеса.

В июне 2003 года «Тольяттинское обозрение» опубликовало материал «Царь горы», повествовавший о переделе собственности на крупном строительном предприятии — в Жигулевском карьерном управлении. В результате передела предприятие перешло под контроль некоего Игоря Сиротенко, известного под авторитетной кличкой Сирота. Статья могла негативно повлиять на бизнес Сиротенко. Был и еще один материал — о конфликте между группировкой Игоря Филиппова (Филиппка) и самарским бизнесменом Владимиром Захарченко: последнего пытались заставить отказаться от владения акциями ОАО «Спецстрой» в пользу Филиппка.

Заместитель прокурора Самарской области Евгений Новожилов убедительно доказывал: «За последние полтора года газета не подняла ни одной острой темы. Все конфликтные публикации на самом деле были продолжением тем, поднятых еще при Иванове». Как будто поднятые при старом редакторе и продолженные при новом темы от этого потеряли актуальность!

Не слишком уместным в этом контексте выглядел «выход из-за печки» министра внутренних дел Бориса Грызлова, ведомство которого, по сути, не имело никакого отношения к происходящему. На следующий день после убийства Грызлов поспешил заявить об отсутствии политической подоплеки в деле. С чего бы вдруг такая спешка?

Б.Грызлов заявил, что берет расследование этого преступления под личный контроль, а на состоявшейся 10 октября 2003 года пресс-конференции заместитель прокурора Самарской области Е. Новожилов заявил, что, возможно, дела Иванова и Сидорова связаны.

Небольшое отступление. К моменту убийства Алексея Сидорова силовые структуры не раз заявляли о том, что они раскрыли убийство

Валерия Иванова. К примеру, экс-руководитель ГУВД Тольятти Владимир Супрун, выступая осенью 2002 года перед СМИ, сказал: *«Нам известны имена заказчиков, киллера, известна вся преступная группа, сейчас интенсивно идет сбор доказательств. Некоторые из группы уже арестованы, но по другим уголовным делам. За группой как минимум пять убийств. Колесников на раскрытие убийства Иванова нам дал месяц. Мы уложимся в срок»*. В 2003 году убийство Иванова еще раз, для надежности, «раскрыл» начальник Главного управления МВД РФ по ПФО генерал-лейтенант В. Щербаков. Выступая на пресс-конференции, генерал заявил, что убийство Валерия Иванова раскрыто.

Тот же В. Щербаков, но уже в звании генерал-полковника, 15 октября 2003 года дал несколько интервью центральным СМИ, в которых поведал о задержании в Тольятти подозреваемых в убийстве Сидорова. По словам генерала, журналист погиб в результате бытовой ссоры с собутыльниками.

18 октября официальное заявление сделал и зампрокурора Самарской области Е.Новожилов: *«На причастность к совершению данного преступления нами обрабатывались 4 человека. Наш нынешний подозреваемый — работник «АвтоВАЗагрегата», ранее не судимый житель Тольятти. Он ранее жил во дворе, где произошло убийство Сидорова... Это чисто случайное хулиганское происшествие. Унашего подозреваемого были неприятности в семье, он был нетрезв и на взводе. Возле подъезда они столкнулись с Сидоровым, поссорились, и в результате он нанес редактору несколько ударов заточкой. В детали, вроде того, где он взял заточку, я вдаваться не буду... Факт нахождения Сидорова в нетрезвом состоянии нами пока не подтвержден. У нас нет химического анализа крови. Во всяком случае, эксперт сказал, что в желудке у него спиртного не обнаружено и запах отсутствовал»*. На вопрос, почему следы крови были обнаружены далеко от подъезда, Е.Новожилов ответил: *«Нюансы в этом деле есть, и нам придется сводить концы с концами. По данным экспертизы, Сидоров защищался, ему было нанесено 11 ударов заточкой, в результате чего получилось 15 ранений. Одна рука у него пробита насквозь, такое ранение уже считается за два»*.

20 октября в передаче самарского телеканала «РИО» заместитель начальника ГУВД Самарской области В.Супрун заявил: *«Версию об убийстве на бытовой почве мы не навязываем, а версии, которые были выдвинуты первоначально, в том числе и связанные с профессиональной деятельностью, продолжают обрабатываться... На сегодняшний день есть чистосердечные показания преступника... Получены они были не в*

интимных, кулуарных отношениях, беседах один на один... Все следственные действия происходили только в присутствии адвокатов и следователей прокуратуры. Более того, применялись аудио- и видеозапись при проведении всех очных ставок и допросов, а также во время выезда на место совершения преступления, где преступник в присутствии адвоката и прокурора рассказал, как все происходило, — из того, что он помнит. Никто не думал, что простейший скандал, ссора между двумя гражданами, перерастет в такую трагедию».

Накануне своей гибели, а точнее за несколько месяцев до октябрьской трагедии, Алексей Сидоров тшетно пытался найти желающих купить газету. Таковые имелись: к примеру, Владимир Аветисян, председатель правления холдинга «Волгопромгаз». Но все соискатели предлагали немного — тысяч пятьдесят долларов от силы. Стандартная стоимость раскрученной региональной газеты. Предлагаемая сумма по каким-то причинам не устраивала Алексея Сидорова. Возможно, все объяснялось финансовыми нуждами фирм, принадлежавших газете (туристическая, реализующая автомобили и др.) и ставших убыточными после гибели Валерия Иванова. Требовались финансовые вливания. Лишь один человек предложил достаточную, по мнению Сидорова, сумму — двести тысяч долларов. Это был некто Владимир Кожухов, руководитель местной ячейки «Единой России». Однако что-то у них с Сидоровым не заладилось: в назначенный день, когда сплавивший остальных соискателей Алексей готовился получить деньги от Кожухова, последний платить отказался.

Велись переговоры о покупке газеты и с представителями медиахолдинга, аффилированного с АДС «Волгопромгаз», акционерами компании «Нова» и АО «АвтоВАЗ». Со стороны последнего в переговорах участвовали директор по безопасности «АвтоВАЗа» С.Очиров и директор ЧОП «Форпост» С.Савватеев.

Газету продать так и не удалось. По свидетельствам коллег Сидорова, именно по этой причине Алексей стал выпивать, а выражение отстраненной озабоченности стало то и дело появляться на его лице. Можно допустить, что вовремя не погашавший долги своих субструктур редактор стал не только заложником ситуации, но и потенциальной жертвой кредиторов.

Новый главред газеты Игорь Изотов не спешил соглашаться с официальными версиями убийства.

«Во-первых, никакой бутылки пива в руках Сидорова не было и быть не могло. Известно, что, запарковав машину, он пошел домой с двумя па-

кетами и борсеткой в руках. Понимаете, у Алексея были заняты руки. Какое пиво?.. Кстати, в одном из пакетов, по нашим сведениям, лежали подготовленные к публикации материалы: статья о незаконном использовании земли на турбазе «Чайка», где расположены коттеджи тольяттинской элиты, и статья, в которой речь шла о неких финансовых операциях, связанных с сыном руководителя АО «АвтоВАЗ» Н.Ляченкова. Материалы исчезли бесследно.

Правоохранительные органы рассматривают три версии: профессиональная деятельность, хулиганство и бытовое убийство. Последняя — самая предпочтительная, как им кажется. Сидорова зарезали ножом. Считается, что убийство с помощью холодного оружия традиционно облегчает жизнь и заказчикам преступления, и самим киллерам: как правило, к расследованию таких убийств не привлекаются ФСБ и РУБОП, а правоохранительные органы всегда могут списать их на бытовую версию, обвинив какого-нибудь алкоголика или наркомана. Но предположения, что Сидоров мог подвергнуться нападению грабителей, не подтвердились: преступники ничего не забрали у своей жертвы, оставили даже сотовый телефон.

Еще одна версия связана со статьями об исчезновении Александра Белянкина — лидера так называемой купеевской группировки «афганцев». Мол, за несколько дней до убийства Алексею позвонил некто и сообщил, что на условиях полной конфиденциальности он может указать место захоронения Белянкина. Непонятно только, почему из-за этого надо было убирать редактора, а не информатора.

Между тем убийство мог заказать лишь человек, который уж очень сильно ненавидел Алексея. Об этом говорит и намеренно зверский характер убийства: заточка как орудие преступления характерна лишь для людей отсидевших, проще говоря, воров, «синих». Людей, которые живут по своим особым понятиям и для которых любое неосторожно сказанное в разговоре или статье слово может послужить причиной для убийства».

НАЗНАЧЕННЫЙ УБИЙЦА

У Евгения Майнингера, газосварщика тольяттинского ЗАО «Куйбышевазот» не было причин убивать Алексея Сидорова. О таких, как он, говорят: честный работяга. Двадцатидевятилетний парень звезд с неба не хватал, но пахал, что называется, на совесть. Была у Евгения мечта: завести полноценную семью. И мечта стала сбываться:

он встретил женщину с ребенком, они зажили одной семьей. Зарабатывал Евгений неплохо по провинциальным меркам — тысяч десять в месяц выходило.

Родители Евгения Майнингера живут в соседнем доме с семьей Алексея Сидорова. 9 октября 2003 года Евгений заходил ненадолго к своим родителям, проведать. Около половины десятого вечера засобирался домой. Проходя мимо соседнего дома, Майнингер обратил внимание на то, что возле подъезда лежит человек, истекающий кровью. Совершенно незнакомый человек. Рядом вертелись какие-то люди. Евгений поглазел — и пошел прочь. Домой, к беременной жене и приемному ребенку.

На следующий день отцу Евгения позвонили из милиции. Звонивший представился: «Следователь Добров». Мол, сын ваш тут давеча по пьяной лавочке накуролесил, так пускай зайдет в отделение, разобратся. Законопослушный Майнингер-старший, не допускавший и мысли о том, что его сын, не имевший до этого ни судимостей, ни даже приводов, может быть реально замешан в каком-нибудь темном деле, буквально притащил сына в милицию.

Евгения сразу же увели куда-то, а через несколько часов ожидавшему его отцу сообщили: сын разбуянился, оскорбил милиционера, пришлось его арестовать на трое суток. Ничего не поделаешь, Майнингер-старший отправился домой.

А на четвертый день задержанный Евгений Майнингер признался в том, что это он убил Алексея Сидорова.

Одновременно с Майнингером по подозрению в убийстве были арестованы еще семь человек. Теперь их можно было отпускать. Любопытно, что признание от Майнингера получили накануне упоминавшейся выше пресс-конференции силовиков, но озвучивать его не спешили. Видимо, на тот момент в отношении козла отпущения еще не определились окончательно...

По словам нынешнего редактора «Тольяттинского обозрения» Игоря Изотова, убийство произошло при свидетелях. Имена этих свидетелей были известны и представителям следствия, и адвокату Е. Майнингера Карену Нерсисяну, в недавнем прошлом старшему следователю по особо важным делам Генеральной прокуратуры. Так вот свидетели утверждали следующее: двое мужчин лет сорока или старше шли за А. Сидоровым с автостоянки. Шли относительно долго: от стоянки к дому Сидорова несколько минут ходьбы. Через трассу, вдоль по дорожке и за угол. Вначале завернул Сидоров, потом те двое. Через минуту журна-

лист истекал кровью, а тех двоих и след простыл. Майнингер появился на месте преступления на пятнадцать—двадцать минут позже.

22 октября 2003 года Фонд защиты гласности выступил с заявлением по поводу убийства главного редактора «Тольяттинского обозрения» Алексея Сидорова:

«Фонд защиты гласности с тревогой наблюдает за ходом расследования убийства главного редактора газеты «Тольяттинское обозрение» Алексея Сидорова.

По сообщению РИА «Новости», вчера, 21 октября, заместитель Генерального прокурора Владимир Колесников заявил, что уголовное дело об убийстве Алексея Сидорова «в оптимальные сроки будет передано в суд». По словам Колесникова, следствие решило, что убийство совершено из хулиганских побуждений. Версию, что убийство связано с профессиональной деятельностью, следствие посчитало несостоятельной.

Фонд не первый год следит за состоянием СМИ Самарской области. Наши сотрудники неоднократно выезжали в Тольятти, встречались с журналистами, в том числе и с погибшим Алексеем Сидоровым и предыдущим главным редактором, тоже убитым, Валерием Ивановым.

Информация, которой мы располагаем, не позволяет нам согласиться с версией следствия. Нам известно, что Алексей Сидоров имел серьезные долги, ему неоднократно предлагали продать газету и предлагали за нее 200 тыс. долларов.

Мы не останавливаемся на многочисленных обстоятельствах, которые не только подтверждают наше несогласие с выводами следствия, но и наводят на мысли о желании поскорее отrapпортовать об успешном расследовании.

К сожалению, наши сомнения по этому делу подтверждаются поведением Генеральной прокуратуры по расследованию убийства Валерия Иванова. Буквально через две недели после его убийства мы получили ответ за подписью Колесникова, в котором сообщалось, что исполнитель задержан, а заказчики выявлены. Но, как оказалось, ни исполнителя, ни заказчиков не было не только тогда — они отсутствуют и сейчас.

Мы надеемся, что следствие еще раз проверит все обстоятельства убийства Сидорова и получит неопровержимые доказательства, убедительно исключаящие версию убийства в связи с профессиональной деятельностью. Мы также надеемся, что расследование убийства Алексея Сидорова не помешает прокуратуре довести до конца расследование убийства предыдущего главного редактора — Валерия Иванова».

После того как в Тольятти побывала экспертная группа Фонда защиты гласности и международной организации «Репортеры без границ», нам удалось убедить известного московского адвоката Карена Нерсисяна взяться за дело Майнингера.

«Я разговаривал с членами семьи Сидорова, чьи интересы я официально представляю, с родственниками обвиняемого Майнингера, со следователем, который ведет это дело, — рассказывает Карен. — Я считал недоказанным факт, что убийство совершил Майнингер. Следствие не устояло перед политическим натиском, его поставили в тупик заявлениями высоких чиновников из Москвы. Следователь Евгений Лаптев — заложник ситуации. Молодой парень с пятилетним стажем работы. Учитывая своеобразие Тольятти, у него год идет за три, так что опыт большой. Сумеет ли он перебороть себя и противостоять натиску?»

Появление в Тольятти московского адвоката активизировало процесс защиты. И вот уже адвокат Е.Майнингера Юрий Логвиненко заявляет, что ему удалось побеседовать со свидетелем — очевидцем событий 9 октября. Этот свидетель утверждал, что обвиняемый подошел к месту происшествия, когда Сидоров уже лежал возле подъезда. По словам Карена Нерсисяна, «с Майнингером правоохранители «работали» трое суток, пока он находился под административным арестом». После такой «работы» человек может сознаться в чем угодно.

3 ноября 2003 года Евгений Майнингер сделал следующее заявление: «Я отказываюсь от ранее данных мною показаний, в том числе и в ходе следственного эксперимента, в силу того что я оговорил себя. В настоящее время я отказываюсь давать показания на основании статьи 51 Конституции Российской Федерации».

Прошло три месяца. Отец Алексея Сидорова, разочарованный результатами расследования, направил в адрес заместителя генерального прокурора РФ В.Колесникова открытое письмо, в котором, в частности, говорилось:

«Вам, конечно, детально известны все обстоятельства расследования убийства моего сына, и Вы одним из первых на весь мир объявили о раскрытии убийства моего сына и ареста обвиняемого в этом убийстве Е.Майнингера.

С тех пор прошло несколько месяцев, и вроде бы как отец должен адресовать Вам слова благодарности за оперативную поимку убийцы, но у меня не поворачивается язык благодарить Вас, наоборот, я вынужден адресовать Вам слова осуждения и гневной критики.

С самого начала я пытался убедить себя в том, что раскрытие убийства моего сына является успехом правоохранительной системы. Но вскоре пришло чувство разочарования и досады, а сегодня — уже осуждение и гнев. Я не верю, что моего сына убил на почве пьянки и хулиганства Е.Майнингер. Для подобного неверия у меня есть весьма веские основания.

Я возмущен тем, что смерть моего сына стала объектом политической спекуляции и используется в качестве ширмы для создания иллюзии якобы эффективной работы прокуратуры.

Мне представляется, что лично Вы являетесь главным действующим лицом, которое по каким-то одному ему известным причинам предпринимает все возможные и невозможные меры для неустановления истинных причин убийства моего сына, исполнителей, а самое главное — заказчиков.

Догадываюсь, что если в ходе следствия будет установлена невиновность Е.Майнингера, то вряд ли он будет отпущен на свободу, потому что запущенный Вами механизм лжи в сегодняшней России не способен остановиться без команды оператора, то есть Вашей.

После смерти моего сына я вместе с моим представителем провел собственное расследование, и хотя мы не профессионалы, но результаты нашего весьма поверхностного расследования камня на камне не оставили от обвинения.

И мне непонятно, когда же этот механизм заработает на благо правосудия.

Я много беседовал с работниками милиции и прокуратуры, которые непосредственно занимались расследованием убийства моего сына. Почти все они уверены в невиновности Е.Майнингера и признаются, что он «назначен» убийцей моего сына с целью спасти честь мундира, так как перед ними высоким начальством была поставлена задача раскрыть это убийство в самые кратчайшие сроки. Они не скрывали от меня самое важное, что и послужило поводом для обращения к Вам с открытым письмом.

Если бы не боязнь перед Москвой, особенно лично перед Вами как куратором Самарской области, боязнь потери своих должностных кресел, убийство и предшествующего главного редактора газеты Иванова, и убийство моего сына были бы раскрыты. По крайней мере их старались бы раскрыть.

Как я понимаю, наша правоохранительная система функционирует таким образом, что обслуживает политические интересы власти, а не интересы общества, и, к сожалению, сегодня власти удобно и выгодно не выявлять истинные причины убийства журналистов независимых СМИ.

В своем открытом письме призываю Вас в своей профессиональной деятельности как заместителя генерального прокурора РФ отречься от кураторства над городом Тольятти — и, может быть, тогда следственный фарс по делу убийства моего сына прекратится и появится надежда, что будут установлены истинные убийцы журналистов в нашем городе, в том числе и моего сына».

Приведу интервью Карена Нерсисяна «Тольяттинскому обозрению», которое адвокат дал в декабре 2003 года. Надо сказать, что «Тольяттинское обозрение» с самого начала следствия подробнейшим образом информировало читателей о его ходе, буквально в каждом номере газеты сообщая новости, печатая интервью с участниками следствия и защиты. Журналисты «ТО» не дали делу об убийстве Алексея Сидорова тихонько заглохнуть.

Вопрос: *За время Вашего пребывания в Тольятти вскрылись ли какие-то новые обстоятельства дела об убийстве Алексея Сидорова?*

К.Нерсисян: Те свидетели, которых мне удалось опросить, уже попали в поле зрения местной прокуратуры. С ними работали, взяли у всех объяснения, запротоколировали. Но даже из этих объяснений очевидна полная непричастность Евгения Майнингера к убийству Алексея Сидорова. Не только для меня очевидна — для любого студента юрфака.

Почему же следствие так цепляется за этого Майнингера, так настаивает на своей версии убийства? У меня готов ответ: для того чтобы не дать возможность представителям защиты и журналистам докопаться до мотивов убийства. Налицо факт расплаты за слишком скрупулезное выполнение журналистом своих профессиональных обязанностей. Но вот чьи интересы могла затронуть деятельность главного редактора «Тольяттинского обозрения» — это нам еще предстоит выяснить. Необходимо детально проработать мотивы: кто мог быть заинтересован в устранении Алексея Сидорова. Ведь, насколько мне представляется, убийство редактора стало актом отчаяния, у заказчиков, скорее всего, не осталось выбора.

Как известно, двое свидетелей убийства подтверждают алиби Майнингера. Я попросил следователя допросить их в моем присутствии. Следователь дал добро, но в тот день от допроса уклонился. Ладно, перенесли допрос на следующий день, 13 ноября. Но днем позже следователь ушел в отказ: «Свидетели уже были допрошены ранее, их новый допрос нецелесообразен».

Вопрос: Не связано ли, на ваш взгляд, убийство Сидорова с попытками продать газету?

К.Нерсиян: Уверен, что не связано. Во-первых, все переговоры о купле-продаже велись открыто. В них принимал участие не один Сидоров, а три-четыре представителя газеты. А во-вторых, Алексей Сидоров не был хозяином газеты.

Вопрос: Трудно московскому адвокату, незнакомому с местной спецификой, работать в Тольятти? Не испытываете ли Вы давления со стороны?

К.Нерсиян: Адвокату со стороны в Тольятти работать легче, чем местному. Пока я давления не ощущаю. После того как дело об убийстве редактора «Тольяттинского обозрения» Алексея Сидорова получило широкий резонанс в столичной прессе, приехал адвокат из Москвы, местные силовики были поставлены перед выбором: либо совместными усилиями добиваться правды, либо продолжать говорить о том, что убийство Алексея Сидорова раскрыто, а убийца — найден. До того как Фонд защиты гласности, Русский ПЕН-центр и Фонд гражданских свобод привлекли всеобщее внимание к тольяттинскому убийству, речи о таком выборе вообще не было: назначили убийцу, и дело с концом.

Заместитель генерального прокурора РФ Владимир Колесников сразу после убийства заявил, что дело раскрыто, убийца журналиста задержан. На днях, отчитываясь в Госдуме, он повторил свое заявление. Глава МВД Борис Грызлов также сделал громкое заявление о раскрытии убийства Сидорова. Оба сошлись в том, что в деле нет никакой подоплеки — обычное бытовое убийство. Такое совпадение мнений может быть продиктовано и совпадением интересов: определенные круги заинтересованы в том, чтобы никто не докопался до реальных мотивов убийства. Кстати, тольяттинские коллеги Колесникова не могут себе позволить быть столь же категоричными: дело шито белыми нитками, и это заметно. Что-то мне подсказывает, что, пока не пройдут выборы, Майнингер останется в роли назначенного убийцы.

Вопрос: Означает ли это, что назначенный убийца Евгений Майнингер невиновен?

К.Нерсиян: На основании того, что мне удалось узнать за время моей поездки в Тольятти, возьму на себя смелость утверждать: Евгений Майнингер непричастен к убийству Алексея Сидорова. Это подтверждают не только собранные мной факты, о невиновности Майнингера свидетельствуют и результаты журналистского расследова-

ния, которое проводили в Тольятти журналисты из ВВС. Они снимали фильм о состоянии свободы слова, и наши интересы в какой-то момент совпали.

Вопрос: *Что могло заставить Майнингера признаться в убийстве?*

К.Нерсисян: Есть такая версия: до сентября этого года Евгений жил с родителями по соседству с убитым Сидоровым. В июне-июле на чердаке дома, где проживал Майнингер, была изнасилована двенадцатилетняя девочка. Тогда следствие опрашивало всех соседей, в том числе и Евгения Майнингера. Сейчас это припомнили; скорее всего, следствие предложило Евгению выбор: либо ты идешь в зону как насильник со всеми вытекающими последствиями, либо берешь на себя «почетное преступление» — убийство.

Вопрос: *И каковы шансы Майнингера?*

К.Нерсисян: Евгений Майнингер оказался в сложном положении, даже трагическом. Драки, «несчастные случаи» в следственном изоляторе — дело обыденное. Предположим, Майнингера не стало: дело автоматически будет прекращено: «Нет человека — нет проблемы». Ведь Майнингер признался в убийстве, а отказался от своих показаний только тогда, когда в дело вступил адвокат. Такой расклад многим на руку.

Я беспокоюсь за жизнь Евгения Майнингера. Гарантий, что он выйдет из СИЗО живым, у меня нет. Трагическая гибель Алексея Сидорова тесно связана с нераскрытым убийством в апреле 2002 года Валерия Иванова, предшественника А.Сидорова на редакторском посту.

Вопрос: *Нам сообщили, что судья Комсомольского райсуда Андрей Кириллов, который давал санкцию на арест Майнингера и к которому, по всей вероятности, попадет его дело, всего полгода работает по специальности. До этого он служил в милиции...*

К.Нерсисян: Да, это так.

Вопрос: *Как правоохранители отнеслись к вашему приезду? Стало ли это для них большой неожиданностью?*

К.Нерсисян: Я адвокат не из Самарской области, не местный. Поэтому ко мне у них возникло особое отношение. Лично я испытал двойное чувство. Следователь должен быть обрадован. Его руководство — вряд ли. Руководители не привыкли признавать, что они не правы. Сказал начальник, что земля квадратная, — вся система будет на это работать.

Мы будем требовать, чтобы нам доказали, что находящийся за решеткой человек и есть истинный убийца.

Вопрос: *Какими полномочиями вы обладаете как законный представитель потерпевшей стороны?*

К.Нерсиян: Я имею право участвовать в следственных действиях, знакомиться с постановлениями о назначении экспертиз, подавать ходатайства, представлять и отыскивать доказательства. Я не исключаю, что в деле вашего главного редактора повторится сюжет дела Сергея Юшенкова. В начале следствия сотрудники правоохранительных органов арестовали несколько невинных человек, пытались доказать, что задержанные являются убийцами депутата. За каждого задержанного мы со следствием воевали не на шутку. К счастью, в конце концов люди в погонах поняли, что адвокаты им не препятствуют, а, наоборот, помогают, и у нас возникло полное взаимопонимание. В итоге органам следствия удалось выявить шесть человек, которые имеют реальное отношение к убийству Юшенкова. Оно оказалось политическим, заказным. Хотя первоначально, как и в деле Сидорова, выдвигалась бытовая версия преступления. Теперь она отпала.

16 марта 2004 года Фонд защиты гласности сделал очередное заявление по делу об убийстве Алексея Сидорова. В нем говорилось:

«Евгению Майнингеру, обвиняемому в убийстве главного редактора «Тольяттинского обозрения» Алексея Сидорова, предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 105 УК РФ — «Убийство без квалифицирующих признаков».

Только первая часть этой статьи исключает возможность рассмотрения дела судом присяжных. Применение любой другой ее части означало бы рассмотрение уголовного дела коллегией из двенадцати присяжных, неизбежный развал наспех состряпанного уголовного дела и оправдательный приговор назначенному убийце Евгению Майнингеру.

Юристы считают, что обвинение в убийстве А.Сидорова подлежит квалификации по ч. 2 ст. 105 УК РФ — то есть убийство, совершенное с особой жестокостью (пункт «Д») и из хулиганских побуждений (пункт «И»). А.Сидорову нанесено не менее 15 ударов проникающего характера, в том числе в жизненно важные органы.

Но дело в том, что истинный убийца не пойман, мотивы преступления не выявлены — и только в суде присяжных эти факты найдут свое подтверждение.

Комсомольский районный суд г. Тольятти, в котором предполагается слушание дела, весьма благосклонен к следственным органам. Адвокаты семьи А.Сидорова и назначенного убийцы Е.Майнингера высказывают опасение, что в результате рассмотрения уголовного дела в этом суде судебное следствие станет органичным продолжением предварительного

следствия, и в итоге никто и никогда не узнает истину и истинных убийц.

Фонд защиты гласности, который обеспечил московскими адвокатами и потерпевших, и назначенного убийцу, требует переквалификации дела и рассмотрения его в суде присяжных.

Истина должна быть установлена».

ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ, ВЕРСИИ

ЖУРНАЛИСТЫ «Тольяттинского обозрения»

о гибели Алексея Сидорова

(Публикация — «Тольяттинское обозрение», 11 октября 2003 года)

Президенту
Российской Федерации
Путину В.В.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Журналисты Самарской области возмущены еще одним вопиющим преступлением: 9 октября убит наш коллега — главный редактор газеты «Тольяттинское обозрение» Алексей Сидоров. То, что произошло, — уже не первый наглый вызов криминалитета не только журналистскому сообществу, но и всей обществу нашей губернии и всей страны. За последние годы только в Тольятти убиты шесть ведущих журналистов и руководителей СМИ. Это криминальная война против свободы слова и гражданской позиции всех, кто ее отстаивает.

Факт символический: 30 апреля прошлого года у подъезда своего дома на глазах у людей нагло был застрелен предшественник и соратник Алексея Сидорова — основатель и бессменный главный редактор «Тольяттинского обозрения», депутат городской Думы Валерий Иванов.

Мы обращаемся с вопросом: в каком государстве мы живем? Что делает власть, чтобы обеспечить безопасность граждан? Чего стоит и какие результаты дала работа правоохранительных органов, и в том числе Генеральной прокуратуры, по раскрытию целого ряда преступлений против журналистов?

И самое главное: что делается по искоренению преступного беспредела и созданию в обществе правовой и нравственной среды, которая сделала бы невозможным разгул бандитизма и мафиозной безнаказанности?

Эти вопросы обращены к Вам — гаранту Конституции России.

И мы, представители Самарской областной организации Союза журналистов России, заявляем: мы сделаем все, чтобы напоминать и разъяснять общественности, почему такие преступления становятся типичными и кто несет за это ответственность.

Резонанс этого преступления имеет не только российский, но и международный масштаб. В эти дни, в этой стране это не единичный трагический случай. Горько и стыдно!

*Правление Самарской областной организации
Союза журналистов России*

Последний день главного редактора

(«Тольяттинское обозрение», 11 октября 2003 года)

Ничто не предвещало беды. 9 октября был обычным рабочим днем, ничем не отличающимся от других. Алексей Сидоров, как и другие сотрудники редакции, работал с раннего утра и до позднего вечера. Роковой четверг не стал исключением...

Утром Алексей провел редакторскую планерку. На ней, как обычно, обсуждались текущие материалы в номер и планы на предстоящую неделю. Все отмечали, что у Алексея было жизнерадостное настроение.

Он буквально излучал энергию, которой зарядил всех сотрудников редакции, что было как нельзя кстати: каждый четвертый день недели на редакцию ложится двойная нагрузка, так как, кроме ежедневной, готовится к выпуску еженедельная газета с самыми интересными материалами недели (в шутку мы ее называем зеленой). Затем главный редактор практически весь день посвятил работе над пятничной «гвоздевой» статьей «На шите или под щитом». Как оказалось, этот материал стал последней его работой...

Когда на улице уже стало темно, Алексей сдал готовую статью в секретариат и еще некоторое время работал над финансовыми документами. В девять часов вечера он зашел в секретариат и проверил готовность к отправке еженедельной «зеленки». Алексей остался доволен пятничным номером и дал добро на отправку его в типографию. Главный редактор сказал: «Я спокоен за судьбу газеты. У нас все будет в порядке».

Эта фраза запомнилась всем сотрудникам секретариата. Около девяти часов вечера Алексей попрощался с коллегами и на своей «девятке» поехал домой.

Алексей жил в Комсомольском районе, в доме № 13 по улице Коммунистической. В начале десятого редактор поставил машину на стоянку, заплатил охраннику и направился в сторону своего дома. Как потом вспоминал охранник, он нес в руках несколько полиэтиленовых пакетов и борсетку. По словам очевидцев, от стоянки Алексей пошел один. Недалеко от его дома за ним направились два парня. Они держали между собой и Алексеем постоянную дистанцию примерно в десять метров. Когда главный редактор подошел к углу дома, навстречу ему вышла молодая пара.

Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. Вдруг прогуливавшуюся пару обогнал молодой человек. Он поравнялся с Алексеем. Затем в течение двух-трех секунд раздавался какой-то непонятный шум. По словам свидетелей, незнакомец сделал несколько резких движений рукой в сторону Алексея, а затем убежал в сторону леса. Как оказалось, подонок нанес редактору несколько ножевых ранений заточкой. Двое неустановленных лиц, которые, по одной из версий правоохранителей, «вели» Алексея, также исчезли в неизвестном направлении.

По словам свидетелей, редактор «ТО» уронил пакеты и борсетку, шатаясь, дошел до своего подъезда и на домофоне набрал номер своей квартиры. На звонок откликнулась его супруга. Алексей сумел с трудом произнести одно-единственное слово: «Помогите...» Когда жена спустилась вниз, Алексей лежал на крыльце у двери и истекал кровью. Он еще какое-то время подавал признаки жизни, пульс прощупывался, но Алексей уже не мог говорить.

Второй главный редактор «Тольяттинского обозрения» скончался до приезда милиции и «скорой помощи», вызванных соседями с первого этажа.

Сообщение о происшествии поступило в дежурную часть милиции около 21.30. Первыми на сигнал бедствия отреагировали милиционеры. Врачи «неотложки» прибыли на помощь пострадавшему примерно через 40 минут...

Почему убили Алексея Сидорова?

Правоохранители, по их словам, пока не определились с версиями на этот счет. Мы рискуем обозначить свои версии, поскольку, хорошо зная Алексея и ситуацию вокруг газеты, имеем на это право...

Основания опасаться за свою жизнь у Алексея Владимировича появились еще в марте 2002 года, когда возглавляемый им отдел выпустил в свет публикацию «Холодная война», посвященную конфликту

между кланами Сироты и еще одного преступного авторитета Сергея Неверова. Но поскольку у руля газеты стоял Валерий Иванов, то все претензии предъявлялись именно ему.

Через несколько дней после выхода статьи в редакцию позвонил представитель Сироты и сказал, что его шеф не прочь встретиться с Ивановым и обсудить кое-какие дела. Встреча Валеры Иванова и Сиротенко состоялась в одном из ресторанов города. Увидев главного редактора «ТО», Сирота встал из-за стола, приобнял Валеру за плечи и полушепотом, но очень четко произнес: «Убить тебя, что ли?»

На этой же встрече Сирота попытался сунуть Иванову деньги в знак примирения с другим авторитетом, руководителем чеченской ОПГ — Сулейманом Ахмадовым, который также стал героем целой серии наших публикаций. От денег Валера отказался, чем немало удивил авторитета.

Закончился разговор довольно спокойно. Однако 29 апреля 2002 года Валера был убит у подъезда своего дома.

С этого момента стало ясно, что за газетные статьи убивают. Алексею, занявшему место своего друга у руля независимой газеты, было предложено взять личную охрану. Однако под защитой телохранителей он оставался недолго и вскоре отказался от их услуг.

Но прошло буквально несколько месяцев, как в адрес Алексея начали поступать угрозы. Он даже был вынужден ненадолго покинуть пределы города, но, понимая, что газета не может оставаться без главного редактора, пренебрегая опасностью, вернулся. Те, кто запугивал его, видимо, полагали, что все случившееся повлияет на нового главного редактора, и под его руководством газета станет другой: начнет нахваливать чиновников, забудет о существовании преступных группировок и просто «пожелтеет». Этого не случилось. Ведь в коллективе остались тот же дух, та же непримиримость к беспределу, который царил в городе. И этот настрой Алексей всячески поддерживал и сам брался за расследование наиболее трудных и опасных тем. Так было буквально до девятого октября.

В этой статье мы попытаемся проанализировать случившееся и докопаться до истины, кому была выгодна смерть еще одного главного редактора «Тольяттинского обозрения».

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ

В июле этого года в свет вышла публикация «Царь горы». В ней рассказывалось о переделе собственности представителями криминальных структур на одном из крупнейших предприятий строительной отрасли губернии — ЗАО «Жигулевское карьерное управление».

Карьероуправление является основным производителем щебня и поставщиком сырья на комбинаты железобетонных изделий области.

В середине девяностых годов проблемы с отгрузкой стройматериалов и возвратом денег на предприятие позволили представителям криминального мира внедриться на ЖКУ. Под свой контроль предприятие взяла ОПГ братьев Купеевых.

В результате бандитских войн вся правящая верхушка группировки была истреблена, и Жигулевское карьерное управление осталось без покровителей. И если раньше прибыль с предприятия шла вобщак, то после расстрелов лидеров ОПГ деньги капали в карманы акционеров, внедренных купеевскими. Естественно, долго так продолжаться не могло.

О положении дел в карьерном управлении вскоре узнали Игорь Сиротенко (Сирота) и дружественные ему чеченцы. Благо особых усилий для разведки обстановки прилагать не пришлось, ибо одним из работников карьерного управления был ближайший родственник Сироты.

По нашей информации, путем угроз, убийств и неудачного покушения Сироте удалось прибрать к рукам Жигулевское карьерное управление.

За прошедшее время на предприятии и в близких ему фирмах произошло перераспределение учредительских долей и акций. Одним из менеджеров предприятия стал родственник Игоря Сиротенко. А сам он, похоже, стал «Царем горы».

Статья вызвала бурную реакцию, от редакции требовали опровержения, грозили судами и не только... Стало понятно: ее героям было крайне невыгодно, чтобы так тщательно скрываемая информация о собственниках карьероуправления стала достоянием гласности.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ

Правоохранители не исключают, что к убийству Алексея Сидорова причастен небезызвестный в криминальных кругах Игорь Филиппов (Филиппок). На эту мысль правоохранителей натолкнуло орудие убийства, при помощи которого преступник расправился с главным редактором «ТО».

Это была заточка, которой, по словам милиционеров, умело владеют бывшие заключенные. Группировка Филиппова как раз и состоит в основном из бывших зэков.

В одном из июньских номеров мы подробно рассказывали о конфликте, произошедшем между Филиппком и самарским бизнесменом Владимиром Захарченко.

Филиппок и его соратник Владимир Батайкин заявили в офис к Владимиру Захарченко с требованиями отказаться в пользу братвы от акций ОАО «Спецстрой», контрольный пакет которого принадлежит Захарченко.

На этой почве между коммерсантом и тольяттинскими криминальными элементами произошла драка. Игорь Филиппов пригрозил хозяину крупнейшего в области торгового дома «Захар» жестокой расправой. Тот воспринял угрозу серьезно и написал в правоохранительные органы заявление с просьбой привлечь Филиппка к ответственности.

В интервью «ТО» Владимир Захарченко заявил, что в ближайшее время ждет исполнения угрозы со стороны Филиппова. И прогнозы коммерсанта сбылись.

Спустя месяц на Владимира Захарченко было организовано покушение.

Подробное описание этого происшествия и ряд версий были опубликованы в нашей газете.

Филиппка и его «товарищей по оружию» стали таскать на допросы, проверять финансово-экономическую деятельность их предприятий. Это повлекло за собой некоторые материальные потери, что могло очень не понравиться Игорю Филиппову, никогда не славившемуся выдержкой, хладнокровием и здравомыслием.

Характеристику подтверждает и его «послужной список».

44-летний Игорь Филиппов числится на учете в правоохранительных органах как лидер организованной преступной группировки с 1997 года. К тому времени он уже имел три судимости: за кражу, изнасилование и умышленное убийство.

Благодаря снисходительному к нему отношению и поддержке воровского сообщества летом прошлого года он был назначен смотрящим над Тольятти.

Говоря о причастности к убийству нашего главного редактора, нельзя забывать и о партнерских отношениях Филиппка с Игорем Сиротенко.

По некоторой информации, в последнее время они решили сплотить свои ряды и в необходимых случаях поддерживать друг друга.

Поэтому вряд ли существует вероятность того, что Филиппок решился на столь отчаянный шаг, не посоветовавшись с Сиротой. Впро-

чем, у последнего, как сказано выше, были свои основания желать смерти главного редактора «ТО».

Нельзя исключать и того, что решение об устранении Алексея Сидорова было принято Сиротой, а исполнителем стал человек Филипка.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ

В конце прошлой недели у Алексея Сидорова появилась возможность пролить свет на тайну исчезновения одного из наиболее жесточких лидеров купеевской группировки Александра Белянкина. Уже несколько лет правоохранители не могут установить, жив он или отошел в мир иной. А посему не могут закрыть уголовные дела, возбужденные в отношении него по подозрению в совершении ряда убийств.

Как нам стало известно, некто на условиях полной конфиденциальности предложил Алексею показать место захоронения Белянкина. Эта информация могла не только оказать помощь правоохранителям, но и стать очередной сенсацией.

Само собой разумеется, что о предстоящих поисках должен был знать очень ограниченный круг лиц. Однако вполне возможно, что об этом узнал кто-то еще. Подобная утечка информации, естественно, была крайне нежелательной для заинтересованных лиц и могла стоить Алексею жизни.

ВЕРСИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Уже в конце лета прошлого года (после гибели Валеры прошло всего несколько месяцев) с предложением о продаже газеты к руководству «ТО» обратился представитель ООО «Медиа-Самара» Дмитрий Сурьянинов. Этот господин возглавляет холдинг, состоящий из печатных и электронных СМИ («Самарское обозрение», «Самарские известия», газеты «Будни», «Площадь Свободы» и телекомпания «Терра»), принадлежащих АДС «Волгапромгаз». Как известно, данная ассоциация подконтрольна известному бизнесмену, руководителю Средневолжской межрегиональной управляющей энергетической компании Владимиру Аветисяну. В свое время Владимир Евгеньевич выходил с предложением к Валерию Иванову возглавить этот медиахолдинг. А после его смерти высказал пожелание взять под себя Валерино детище — «Тольяттинское обозрение». Переговоры о продаже газеты то прекращались, то возобновлялись, причем инициатива каждый раз исходила от Самары.

В конечном итоге весной этого года представителю Аветисяна было отказано, причем в категоричной форме.

Надо отметить, что посторонние люди, узнав об этом, спрашивали Алексея: «Ты разве не знаешь, что Ему не отказывают?»

В один из весенних дней Алексей вернулся из Самары весьма встревоженный. На вопрос, что случилось, он, не вдаваясь в подробности, ответил, что надо быть готовым ко всему, на газету могут быть серьезные наезды, и без крепких тылов нам не выжить.

После чего руководство редакции начало вести переговоры с потенциальными партнерами, которые по своему влиянию и финансовым возможностям не уступали бы империи энергетического монополиста.

В то же время по городу в очередной раз стали распространяться упорные слухи о намерении «Медиа-Самара» запустить в Тольятти новый проект еженедельной газеты. Для того чтобы он заработал, нужны были журналистские кадры. Их, судя по всему, собирались переманить из «Тольяттинского обозрения». Однако, видимо, вышла какая-то неувязка, и проект еженедельника был отложен в долгий ящик.

Алексей позволил себе небольшую передышку. Уехал на две недели в отпуск. Как показали дальнейшие события, его отлучкой из Тольятти немедленно воспользовались. Неожиданно были отправлены в отставку доселе устраивавшие своих хозяев главный редактор газеты «Площадь Свободы» Евгений Бакланов и директор ООО «Издательский дом «Тольятти-Пресс» Владимир Иващенко. На их места были назначены новые люди, в том числе ряд журналистов «ТО», принявших приглашения на должности заместителей редактора «ПС».

Не скроем, это было серьезным ударом как по газете, так и лично по Алексею Сидорову, который по возвращении домой должен был принимать экстренные меры. Надо отметить, Алексею довольно быстро удалось выровнять ситуацию. И по прошествии буквально двух недель от былой неуверенности не осталось и следа.

Руководство редакции готовилось вскоре заключить несколько очень выгодных договоров, которые обеспечивали бы финансовую устойчивость издания. Была объявлена подписка, разрабатывались перспективные планы по развитию газеты.

Но грянула беда.

Евгений НОВОЖИЛОВ: *«Возможно, дела Иванова и Сидорова связаны»*
(«Тольяттинское обозрение», 11 октября 2003 года)

Вчера в здании городской прокуратуры заместитель прокурора Самарской области Евгений Новожилов дал комментарии по поводу гибели Алексея Сидорова представителям СМИ:

— Девятого октября, примерно в 21.40, недалеко от своего подъезда был убит главный редактор газеты «Тольяттинское обозрение» Алексей Сидоров. Он поставил машину на стоянке, которая находится возле дома, метрах в семидесяти, и пошел домой, к своему подъезду.

Примерно метрах в пятнадцати ему навстречу шел парень. Как только они поравнялись, неизвестный нанес ему три удара в грудь. Когда Алексей Сидоров стал уходить от него к подъезду, он ударил еще два раза его в спину колюще-режущим оружием. Это был не нож.

Потерпевший сумел все-таки дойти до подъезда. Окружающие подумали, что мужчина пьян. Алексей сумел дотянуться до домофона, набрать номер квартиры, сказать «помогите» и упал.

Когда выбежала супруга, Алексей лежал возле входной двери в подъезд и там же скончался до прибытия «скорой помощи».

Версий в подобных случаях, как всегда, несколько. Первая — его профессиональная деятельность. Вполне вероятно, что это было заказное убийство. Хотя мы привыкли к тому, что заказные убийства исполняются с помощью огнестрельного оружия и контрольным выстрелом в голову.

Здесь этого не было. Но исключать, что преступники меняют форму, методы и тактику, тоже не следует. Хотя способ убийств дает нам основания выдвинуть и вторую версию. Это могло быть спонтанное, хулиганское действие, как иногда бывает в нашей жизни: столкнулись плечом к плечу — и тут же такая резкая реакция.

Строго говоря, времени прошло еще очень мало, поэтому выдвигать обоснованные версии мы еще не можем. Сначала нужно проанализировать то, что добыто.

Не исключаем мы и версию личной мести. Как ни мала вероятность этого, мы обязаны проверить все версии.

Но за основу взята профессиональная деятельность с учетом того, что Валерий Иванов погиб на этом же посту — главного редактора «Тольяттинского обозрения».

Алексей продолжал его дело и, возможно, именно за это поплатился. Это основная версия.

Корр.: *В газете выходили материалы, на основании которых вы выдвигаете в качестве версии профессиональную деятельность?*

Е.Новожилов: Газета после смерти Иванова стала печатать не столь острые материалы и не в таком объеме. При Иванове «Тольяттинское обозрение» практически все группировки основательно разделяло. После него этого стало меньше. Но острые публикации были.

В последнее время газета активно участвовала в решении такой городской проблемы, как наркомания. Действовали своими способами и методами. Мы будем проверять и эту версию.

Корр.: *Как идет расследование убийства Валерия Иванова?*

Е.Новожилов: Пока мы не раскрыли это убийство. Может быть, к несчастью, работа по делу Алексея Сидорова поможет нам раскрыть и дело Валерия Иванова. Мне кажется, что они каким-то образом связаны.

Есть информация, что в газете должен был смениться собственник. По этому поводу поступило несколько предложений. Между учредителями на этот счет были разногласия. Один хотел одного, второй — другого. И на этой почве возникло некоторое напряжение. Одно время Сидоров даже с охраной ходил. Но в последнее время все как бы рассосалось, он не чувствовал угроз, от охраны откасался, был спокоен.

То есть чего-то явного, что Алексея беспокоило, в его поведении не просматривалось.

Корр.: *Каковы перспективы раскрытия этого дела?*

Е.Новожилов: Перспективы у нас хорошие по бытовым убийствам. По заказным, если убийство Алексея заказное, гораздо сложнее. Будем работать. Совместными силами создана большая следственно-оперативная группа: прокурорские работники, милицейские, из УВД области, города, районов. Все силы, что можно, мы бросили на раскрытие этого преступления.

Корр.: *Подозреваемые или задержанные есть?*

Е.Новожилов: Нет, что вы. Так рано установить и задержать можно только при домашней ссоре.

Корр.: *Свидетели были?*

Е.Новожилов: Есть несколько человек, и мы пытаемся найти еще. Свидетели нам крайне необходимы. И мы обращаемся с просьбой: если кто-то был на месте преступления, видел что-то, чем-то может помочь следствию, обращайтесь в Комсомольское РУВД, в прокуратуру.

Корр.: *Кто будет вести дело?*

Е.Новожилов: Следственную группу возглавит заместитель прокурора Комсомольского района, который вел дело Валерия Иванова.

В его команду будут входить старший следователь областной прокуратуры, который также работает по делу Иванова, и еще четверо следователей-криминалистов. На сегодняшнем этапе к расследованию убийства будут привлечены сотни работников милиции.

Корр.: *Генеральная прокуратура будет принимать участие в расследовании?*

Е.Новожилов: Я за них решать не могу. Колесников мне уже звонил. Он в курсе дела, поэтому контроль будет, ну а уж сочтут ли они необходимым отправить сюда своих работников, я не могу сказать. Пока, я думаю, в этом необходимости нет.

Корр.: *По характеру ранений можно сказать, что действовал профессионал?*

Е.Новожилов: Судить об этом сейчас рано. Вскрытие покажет глубину проникновения, силу удара. Тогда можно высказывать предположения, кто действовал.

Использовалось не обычное орудие. Это не кухонный нож и не кинжал, а заточка. Как правило, ими пользуются заключенные — зэки. Конфигурация орудия убийства характерна для заточки, это четко было видно на теле. То есть можно судить, кто был в качестве киллера. Возможно, судимый или из той среды.

Корр.: *Приметы преступника есть?*

Е.Новожилов: Да. Но, к сожалению, хочу сказать, что наши граждане равнодушны. Убийца спокойно пошел в сторону леса. Никто не догадался хотя бы посмотреть, куда он пошел. Это либо равнодушие, либо человеческая боязнь.

ОТ РЕДАКЦИИ «Тольяттинского обозрения»

В своем интервью, данном представителям различных СМИ, Евгений Новожилов допустил несколько грубых неточностей. В том числе касающихся разногласий между собственниками газеты.

Для более верного представления о положении дел в газете считаем нужным пояснить следующее.

У «Тольяттинского обозрения» один собственник. Ему действительно поступали предложения продать газету. Все они рассматривались, но были отклонены. Являясь психически здоровым человеком, собственник газеты сам с собой в разногласия не вступал.

Что касается личной охраны Алексея Сидорова: это было год назад, с тех пор услугами охранников он не пользовался.

И снова «дело чести»...

«Обязательно раскроем!» — это заявление правоохранителей после убийства Валерия Иванова звучало не раз. Визит в Самарскую область заместителя генерального прокурора Владимира Колесникова дал общественности города определенную надежду, что на этот

раз заказчики преступления будут названы. Теперь эта надежда убита. Убита ножом в спину.

Казалось бы, вмешательство генеральной прокуратуры позволит довести расследование убийства Валерия Иванова до логического конца — наказания исполнителей и заказчиков этого гнусного преступления. «Мы найдем убийц, это дело нашей чести», — говорил Колесников. А вслед за ним ту же фразу эхом повторяли милицейские и прокурорские чины Самарской области. Заверения в скорейшем раскрытии убийства звучали весь год, весь тяжелый год, который редакция провела без Валеры.

На годовщину его смерти в нашей газете были опубликованы очередные заявления Владимира Колесникова.

«В.Колесников: Поверьте, я уже многое знаю, но ничего конкретно сообщить не могу потому, что заказчики еще на свободе. Выясню, почему еще все не задокументировали. Процесс этот достаточно сложный, но нужный... Я так скажу: оперативники многое знают и работают над этим. Палки в колеса им ставят, мешают... За такими преступлениями, как всегда в таких случаях, стоят серьезные структуры, но и серьезная ответственность за это наступает.

Вопрос: *Тогда, может быть, вы зря заявили, что это преступление будет раскрыто?*

В.Колесников: Я и вам заявляю: оно будет раскрыто! Валерия Иванова я называю журналистом с большой буквы, и мы раскроем это преступление».

Приезд Колесникова наделал много шума и доставил массу беспокойства кому угодно, но только не убийцам Иванова. В очередной раз перетрясли Волжский автозавод, чуть не закрыли «железный» рынок «Ставр», завели сотню уголовных дел по незаконному строительству коттеджей в Самаре, взбудоражили прессу заявлениями о зыбком будущем «гражданина Титова»... Эта бурная деятельность привела журналистов «ТО» в недоумение: господин Колесников, а как же убийство нашего друга и руководителя Валерия Иванова?

Деятого октября на газету обрушился очередной удар: убили Алексея Сидорова, который возглавил «ТО» в трудное время. Он понимал, что место редактора «ТО» — не из разряда теплых. Но не мог поступить иначе.

Теперь министр внутренних дел Борис Грызлов подхватил эстафету традиционных обещаний, распространив свое заявление в элек-

тронных СМИ: «Мы направляем в Тольятти лучших специалистов. Убийство журналиста будет раскрыто. Это дело чести для нас!»

Дело чести... Что-то не так с этой честью правоохранителей.

Прошло полтора года, а усилия милиции и прокуратуры закончатся лишь второй скорбной строкой на первой полосе «Тольяттинского обозрения»: «Со дня убийства Алексея Сидорова прошло...»?..

Убийство Алексея Сидорова: международная правозащитная организация «Репортеры без границ» оспаривает официальную версию. Отчет представителя «Репортеров без границ» Антуана ЛАМБРОСКИНИ:

«16 и 17 октября представитель международной организации «Репортеры без границ» находился в Тольятти и в Самаре вместе с представителями Фонда защиты гласности. Правозащитники отправились туда, чтобы попытаться разобраться в причинах убийства главного редактора еженедельника «Тольяттинское обозрение» Алексея Сидорова, убитого рядом с его домом 9 октября этого года.

«Репортеры без границ» обеспокоены тем поворотом, который принимает расследование этого убийства. По всей вероятности, всего через несколько дней после начала следствия по делу прокуратура отказалась от профессиональной версии и, основываясь на фактах, которые представляются «Репортерам без границ» неубедительными, рассматривает лишь бытовую причину убийства. Различные заявления, сделанные официальными лицами, противоречат друг другу, вызывая скептицизм у «Репортеров без границ, и заставляют сомневаться в профессионализме следствия.

Не отдавая предпочтения какой-либо версии убийства Алексея Сидорова, «Репортеры без границ» опасаются, что международный резонанс, который вызвало это преступление, мог стать причиной поспешных выводов, сделанных следствием.

Редакция «Тольяттинского обозрения» считает, что убийство главного редактора напрямую связано с его профессиональной деятельностью и не верит в бытовую версию убийства, к которой склоняется следствие. Как известно, 12 октября был арестован подозреваемый в убийстве Алексея Сидорова. В связи с этим «Репортеры без границ» напоминают, что до сих пор не найдены и не переданы суду убийцы предыдущего главного редактора «Тольяттинского обозрения» Валерия Иванова. «Репортеры без границ» обращаются к генпрокурору Владимиру Устинову с просьбой взять под свой контроль следствие по

делу об убийстве Алексея Сидорова, следить за тем, чтобы были расследованы все возможные версии, и не допустить, чтобы следствие было закрыто, пока не будут выяснены все обстоятельства этого преступления.

9 октября 2003 года, около 10 часов вечера, на автомобильной стоянке рядом со своим домом в Тольятти был смертельно ранен Алексей Сидоров. В нападении на него участвовали двое неизвестных. Вскоре после этого журналист скончался на руках у супруги. Орудие убийства явилась заточка, самодельный нож, который, как правило, используют уголовники. Алексей Сидоров возглавил еженедельник «Тольяттинское обозрения» после убийства 29 апреля 2002 года главного редактора этого издания Валерия Иванова. Автомобильный завод «АвтоВАЗ», с руководством которого был связан Сидоров, оказывал финансовую поддержку еженедельнику. Сидоров также известен своими расследованиями, которые публиковались в «Тольяттинском обозрении». За несколько недель до гибели Сидоров вновь начал работать над статьями, посвященными криминальной теме. Но ни его коллеги, ни жена не знают, о чем должна была быть его последняя статья.

Противоречивые официальные заявления

Противоречивые заявления, сделанные официальными лицами 15 и 17 октября по поводу задержания одного или нескольких подозреваемых в убийстве журналиста, ставят под сомнение объективность, с которой проводится расследование по делу.

Так, 15 октября представитель МВД по Приволжскому округу Владимир Щербаков объявил об аресте двух подозреваемых: механика и безработного. Заявив, что преступление раскрыто, он сообщил, что оно никак не связано с профессиональной деятельностью убитого. 16 октября заместитель прокурора города Самара и прокурор Тольятти Евгений Новожилов опроверг эту информацию и уточнил, что, кроме бытовой версии, следствие рассматривает также две других, связанных с профессиональной деятельностью Сидорова, а также с возможной продажей издания — соответственно профессиональную и коммерческую версии.

17 октября Андрей Когтев, федеральный инспектор Самарской области, вновь заявил, что по делу задержаны двое подозреваемых. В тот же день прокурор Самары Александр Ефремов заверил общественность, что убийство раскрыто. С ним согласился и глава МВД Борис Грызлов.

Официальная версия

18 октября стало известно имя основного подозреваемого. Им оказался сварщик из Тольятти Евгений Майнингер, который был задержан 12 октября и обвинен в убийстве журналиста в результате бытовой ссоры. Обвиняемый якобы попросил журналиста, который случайно встретился на его пути, одолжить ему денег на бутылку водки. Обидевшись на то, что Сидоров отказал ему в этой просьбе, Майнингер несколько раз ударил его заточкой, а потом убежал, бросив заточку в лесу. Согласно материалам следствия, сварщик признался в совершенном убийстве.

Мнение редакции «Тольяттинского обозрения»

Коллеги Алексея Сидорова неоднократно заявляли о том, что его убийство связано с профессиональной деятельностью. На следующий день после убийства в газете были напечатаны четыре версии преступления.

Журналисты связывают его с публикацией двух статей в июне и в июле 2003 года. В одной из них говорилось о конфликте между одним из представителей местного преступного сообщества Игорем Филипповым и самарским предпринимателем Владимиром Захарченко. Во второй публикации речь шла о преступной группировке местного мафиозо Игоря Сиротенко. Игорь Филиппов мог быть недоволен рассказом газеты о том, что он будто бы был замешан в покушении на своего конкурента. А Игорь Сиротенко угрожал, что подаст иск в суд за публикацию и потребует опровержения в газете. Вполне вероятно, что эти два человека могли объединиться, чтобы устранить журналиста.

Согласно третьей версии, причиной убийства Алексея Сидорова могло быть то, что он знал, где скрывается находящийся в розыске Александр Белякин.

И наконец, в редакции «Тольяттинского обозрения» не исключают, что убийство главного редактора могло быть связано с отказом Сидорова продать издание.

В силу многих причин журналисты «Тольяттинского обозрения» «с трудом верят в официальную версию». Сотрудники еженедельника, присутствовавшие в момент проведения следственных действий, обратили внимание на то, что подозреваемый неуверенно показывал то место, где был убит Сидоров. К тому же родственники подозреваемого неоднократно заявляли, что Майнингер находился дома в 10 часов вечера, в тот час, когда было совершено убийство. А кроме того, он

никогда не отличался особой агрессивностью по отношению к окружающим. Коллеги Алексея Сидорова, хорошо знавшие убитого, считают невероятным, что он мог стать участником ссоры, которую следователи представляют в качестве причины убийства журналиста.

(Перевод с французского)

Антон КЛЮЕВ, «Известия»: «Служили два редактора»

В четверг вечером в Тольятти был убит главный редактор самой популярной в городе газеты «Тольяттинское обозрение» Алексей Сидоров. Последние его статьи были посвящены криминальным структурам города, которые воюют за контроль над городом и ВАОм. Кроме того, Алексей Сидоров вел собственное расследование убийства предыдущего главного редактора «Тольяттинского обозрения» Валерия Иванова. Полтора года назад его расстреляли киллеры. В редакции уверены, что оба убийства останутся нераскрытыми.

Первого главного редактора «Тольяттинского обозрения» Валерия Иванова убили 29 апреля прошлого года. С Алексеем Сидоровым они были не только коллегами, но и друзьями. Оба стояли у истоков создания газеты, которая вышла в свет в 1996 году.

Став вторым руководителем газеты, Алексей Сидоров продолжил дело убитого друга: отличительной чертой «Тольяттинского обозрения» («ТО») всегда считались собственные расследования. Смело, иногда даже дерзко газета бросала вызов криминалу. Последнюю серию «бандитских статей», как их называют в редакции, в конце этого лета Алексей Сидоров подготовил и опубликовал сам. Поэтому его гибель, как и гибель Валерия Иванова, напрямую связывают с профессиональной деятельностью.

После убийства Иванова в редакции «ТО» ведут отсчет дней. «528-й день — убийца еще не найден», — говорили позавчера журналисты. В пятницу они начали новый отсчет времени. В четверг вечером неизвестный преступник нанес 31-летнему Алексею Сидорову несколько смертельных ударов.

— В начале десятого вечера Алеша из редакции поехал домой. Он жил в Комсомольском районе. По пути заехал в магазин — купил продукты, — рассказал «Известиям» один из репортеров криминального отдела «ТО» (называть свои фамилии журналисты редакции не хотят). — Поставил машину на стоянку, она находится напротив его дома, и направился к подъезду. А уже в начале одиннадцатого нам в редакцию позвонили: «Алексея убили!» Мы с коллегами тут же помчались к его

дому. По словам свидетелей, с которыми удалось пообщаться, от автостоянки за Алексеем двинулись двое парней. Возле торца дома стоял еще один мужчина. Когда Алексей проходил мимо, тот набросился на него. Потом эксперты насчитали несколько скользящих ударов острым предметом по спине, два удара под сердце со стороны груди и один в селезенку. Били не ножом, а заточкой. Обычно так поступают уголовники. Это оружие намного опаснее ножа — вызывает внутреннее кровоизлияние. Убийцы тут же убежали, даже не попытавшись сымитировать ограбление.

Алексей смог дойти до подъезда, нажать код и в домофон позвать жену Ольгу. Когда она выскочила на улицу, Алексей умирал. Он ничего не успел сказать — был уже без сознания. Умер до приезда «скорой».

Коллеги Алексея Сидорова уверены: убийство заказное. «Выбранный способ убийства не похож на почерк киллера-профессионала. Закосили под бытовуху. Но ведь и так все ясно...» — говорят здесь.

После гибели первого главного редактора, университетского друга и коллеги Валерия Иванова Алексей Сидоров вместе с журналистами газеты занялся собственным расследованием этого преступления. Однако все оказалось намного сложнее, чем могло показаться: у Иванова было слишком много потенциальных врагов.

Во-первых, первый редактор «ТО» был очень неудобен власти. Газета регулярно выступала с дерзкой критикой мэра Николая Уткина и его команды. Во-вторых, Иванов незадолго до смерти выступил с циклом публикаций под названием «Холодная война». В каждой из этих статей он разоблачал мафиозную деятельность чеченской группировки — одной из крупнейших в Тольятти.

Однако третья, «бензиновая» версия убийства, по мнению Алексея Сидорова, была наиболее вероятной.

— У меня практически нет сомнений, что убийство Валеры связано с муниципальным конкурсом на поставку ГСМ для крупнейших транспортных предприятий города, — сказал Алексей Сидоров вскоре после убийства друга в одном из интервью.

Валерий Иванов, став депутатом гордумы, возглавил конкурсную комиссию, которая решала вопросы приобретения топлива для тольяттинских автопредприятий. Такой конкурс проводился в городе впервые. Было это за два месяца до убийства. Говорят, Иванов серьезно затронул интересы местных бензиновых королей, оставив их без выгодных контрактов, сэкономив при этом городской казне 30 миллионов рублей.

На раскрытие убийства Валерия Иванова были брошены лучшие сыщики города, но результата нет до сих пор. Теперь тем же операм с помощью московских коллег придется расследовать убийство второго главного редактора.

У коллег Алексея Сидорова пока нет единой версии происшедшего.

— Алексей много лет писал разгромные статьи о преступных группировках Тольятти: сулеймановской, сиротинской, неверовской, мионовской и других. Поэтому можно назвать тысячу и одну причину покушения на его жизнь, — считает один из журналистов отдела криминала «ТО». — После убийства Валерия Иванова мы очень боялись за Алексея. Время шло, вроде все было нормально. В последнее время по его поведению нельзя было сказать, что его жизни могла угрожать опасность, хотя этого никто никогда не исключал.

Через несколько месяцев после убийства первого редактора Алексей неожиданно исчез из редакции. Мало кто знал куда и почему.

— Это было в прошлом году. Мы в редакции очень забеспокоились, но близкие к Алексею люди утешили: с ним все нормально, — рассказывает заместитель редактора «ТО» Римма Михарева. — Через две недели Алексей вернулся в редакцию. Сказал только, что ему угрожали, пришлось покинуть пределы города. После этого он еще какое-то время везде передвигался с охраной. Потом ситуация нормализовалась.

Основной версией убийства Алексея Сидорова на сегодня считается его профессиональная деятельность. В пятницу на пресс-конференции в Тольятти зампрокурора Самарской области Евгений Новожилов заявил, что у следствия есть два основных направления работы, и одно из них связано с острыми публикациями в газете. В редакции газеты эту версию ставят на первое место. Но откуда пришла беда, не знают. Или, что скорее всего, боятся об этом говорить вслух. «Мы еще остались здесь живые... Все, видимо, очень серьезно...» — объяснила свое нежелание комментировать одна из сотрудниц газеты.

— Явного мотива пока не прослеживается. Да, Алексей вел информационную войну против бандитов. Но в последнее время, после гибели Валеры, эта линия значительно смягчалась. Мы стали более осторожными в своих выступлениях, — считает первый заместитель главного редактора Игорь Изотов.

Вторая версия, о которой заявляет прокуратура, — это вероятная смена собственника газеты, которая могла произойти в ближайшее

время. В «Тольяттинском обозрении» эту версию формулируют несколько иначе: собственника менять никто не собирался. Но кому-то это очень не нравилось.

— Форма собственности у нас ЗАО, а владельцем является физическое лицо, друг Алексея и Валеры, — говорит Изотов. — К нам уже много раз обращались крупные финансово-промышленные структуры — как областного, так и федерального уровня — с предложением купить газету. Но каждый раз Алексей отвечал: «Нет!»

О третьей версии убийства Алексея Сидорова официально не заявляют. Но в журналистских кругах города о ней говорят достаточно активно. Конфликт с местной властью и после гибели Валерия Иванова не угас.

— Мы всегда критиковали власть. Во-первых, потому, что было и есть за что, во-вторых, это выгодно экономически. Тем самым мы отличаемся от других газет, и это обстоятельство нам увеличивало тираж и число рекламодателей. Власть реагировала достаточно болезненно, но без резких выпадов в наш адрес, — признается Игорь Изотов.

Наконец, четвертая версия, которой, безусловно, займется следствие, — хулиганство. Но в нее мало кто верит.

Газета «Тольяттинское обозрение» является самой массовой в городе. И популярность ее обусловлена как раз разоблачающими расследованиями. В одном из интервью Алексей Сидоров сказал: «Тольяттинское обозрение» может позволить себе написать то, чего не могут позволить себе другие издания». Тогда он не объяснил почему. Журналисты газеты вчера ответили за него: «Расследование — это наш стиль, наш почерк, это наша жизнь. Мы не изменяли себе ни после гибели Валерия, не изменим и сейчас — после того как похороним Алексея».

В пятницу в Тольятти начала работу рабочая группа по расследованию убийства, в которую вошли представители городской и областной прокуратуры, по личному распоряжению министра внутренних дел России Бориса Грызлова в Тольятти направлено также подкрепление из лучших сыщиков центрального аппарата МВД.

Алексей Сидоров стал шестым журналистом, убитым в Тольятти за последние годы. Ни одно из этих преступлений не раскрыто. После расстрела первого редактора он сказал: «Если убийцы думали: нет Валерия — нет проблемы, то они ошиблись. Мы не собираемся молчать. Они не могут убить всех нас».

В субботу Тольятти придет попрощаться с Алексеем Сидоровым. Его похоронят рядом с Валерием Ивановым.

**Юлия ОГАРКОВА, специалист по связям с общественностью
«Фонда развития города Нижнего Новгорода»:**

— С чем именно связана смерть тольяттинского журналиста, должны все-таки разобраться следственные органы. Поскольку у меня нет возможности объективно оценить степень влиятельности Алексея Сидорова как журналиста, я, соответственно, не имею права сомневаться в версии следствия о бытовом характере преступления.

Что же касается типичности трагедии для нашего времени, то мне кажется, что типичным в нашей стране в последнее время стал сам факт убийства (не важно — заказного или на бытовой почве). И на мой взгляд, трагедией является не то, что та или иная профессия стала небезопасной, а то, что в умах некоторых представителей homo sapiens человеческая жизнь вообще потеряла свою ценность. И проблема в том, что не только журналист, а вообще никто не может обезопасить себя от угрозы криминала...

**Павел ЖУРАВЛЕВ, Руководитель Приволжского окружного
территориального управления МПТР РФ:**

— Рассуждая о сложившейся ситуации, можно сказать, что криминальная обстановка во всех регионах России оставляет желать лучшего. Видимо, это проблема нашего общества в целом. Тревожит тот факт, что профессия журналиста становится делом рискованным, информация стала дорогим товаром и люди расплачиваются за нее собственной жизнью.

**Наталья ТИМОФЕЕВА, руководитель пресс-службы
ОАО «Удмуртэнерго»:**

— 22 октября 2003 года в Ярославле убит известный в городе журналист, главный редактор издательства «Верхняя Волга» Владимир Кутузов. Предварительная версия следствия для всех удобна и заранее предсказуема: бытовое убийство. Я скорее поверю, что и эта смерть, и смерть Алексея Сидорова — это действительно бытовое убийство. Даже если газета «Тольяттинское обозрение» славилась своей независимостью и расследованиями о группировках, действующих на ВАЗе, с профессией Сидорова трагедия может быть совсем не связана.

В этой стране каждый ежедневно рискует не прийти живым с работы вне зависимости от того, чем он занимается. Просто о смерти публичного человека сообщают в информационных выпусках, а о тысячах других жертв лучше не задумываться.

Журналистика лишь дополнительный фактор, который увеличивает риск. И это даже не издержки профессии, а издержки жизни в современной России. Журналисты уже давно утратили романтические иллюзии начала 90-х: смерть наших коллег перестала нести на себе некоторый оттенок символичности, а в борьбу за свободу слова и всеенскую справедливость практически никто не верит.

В Ижевске давно не слышали о скандальных разоблачениях, а все намеки на связи тех или иных людей с мафией, обвинения в коррупции, как правило, появляются в результате не журналистского расследования, а стандартного заказа. Впрочем, так же, как и везде. И мы не сможем избавиться себя ни от страха встретиться с обкуренными отморозками, ни от цинизма, который живет параллельно с этим страхом.

**Наталья КЕТКОВА, корреспондент бюро Приволжского округ
издательского дома Родионова (журналы «Профиль»,
«Политбюро», «Карьера», «Парадокс», «Мулен руж»):**

— Убийство редактора «Тольяттинского обозрения» Алексея Сидорова, по моему мнению, связано и с его деятельностью, и с социально-политической ситуацией в Самарской области. Многие мои знакомые самарцы называют Тольятти бандитской ямой, поэтому чему мы удивляемся, что с прессой тоже там работают по понятиям.

Думаю, что в Нижегородской области до того бы не дошли. До сих пор в такой ситуации из представителей нижегородской прессы оказывался только Гена Григорьев — все эту душещипательную историю о человеке в зеленом пальто помнят. Для нижегородцев связь с криминалом на проверку оказывается фарсом. А вот в Тольятти снова убили человека, для его родных, близких, его коллег это трагедия.

От подонков, которые могут убить за статью или за десять рублей, никто из нас не застрахован. От угроз нас еще могут защитить силовые органы согласно закону. Но я с трудом себе представляю, что мне могут ответить в милиции, если я приду и скажу, что мне угрожали. Наверное, мне придется долго доказывать, что это так и что мне нужна помощь.

**Дмитрий СКВОРЦОВ,
главный редактор газеты «Наше время 21-й век»:**

— Никого не удивит, если это на самом деле было бытовое убийство. В конце перестройки в подобной ситуации очень высока была вероятность, что у преступления есть политический мотив. В середине девяностых, скорее всего, можно было бы предположить, что это либо месть за отказ

от услуг крыши, либо наезд из-за неурегулированности каких-то финансовых вопросов. Сейчас наиболее вероятный вариант — случайная встреча с отморозками, ищущими денег на бутылку или очередную дозу.

Объектами нападений в последнее время все чаще становятся обычные люди, которых отличает только внешний вид, свидетельствующий об их относительной платежеспособности. Нападающие выбирают жертву с точки зрения высокой вероятности поживиться бумажником с несколькими тысячами рублей, мобильником, еще какими-то легко реализуемыми ценностями. А если жертва сопротивляется, то не исключено и самое трагичное... Хотя, конечно, это могли быть и подонки, уже успевшие напиться или уколоться, и их действия были продиктованы обидой на неверную интонацию или еще что-нибудь, оскорбившее их одурманенное сознание.

Правоохранительные органы сегодня не владеют ситуацией. 80–90% потерпевших, как правило, не обращаются в милицию, потому что: «а» — не верят в эффективность ее работы и «б» — не хотят тратить время, которое зачастую дороже похищенного имущества. А мстить обидчику... Наше правосудие не способно утолить чувство мести, и далеко не всегда ему удается отвечать чувству справедливости.

Если заказ действительно был, доказать это достаточно сложно, даже если врагов убитого знает весь Тольятти. Это хорошо получается в телесериалах, а в жизни следователям достаточно редко удается нарыть доказательства, достаточные для даже не выигрыша дела, а хотя бы просто для передачи дела в суд.

Наталья КРАСНОПЕРОВА, специалист по информационной политике ОАО «Кировэнерго»:

— Вспомнить хотя бы убийство Листьева или Холодова. Сколько тогда было шуму? Вся страна негодовала. А теперь под информацией об очередном убийстве сухая справка: в Тольятти это уже шестой убитый журналист. Или еще нонсенс: менты, устав от журналистского «глухаря», выдвигают по делу убийства автора криминальных разоблачений версию — бытовуха.

Убийство Алексея Сидорова — это своеобразный признак сегодняшней России, где многие вопросы помогают авторитетам решать киллеры. Эта трагедия напрямую связана с криминальной обстановкой вокруг «АвтоВАЗа».

В Кировской области сейчас в этом плане стало тише. Журналистов у нас не стреляют. Было несколько нападений на авторов, но, сла-

ва богу, все живы, и два беспрецедентных случая, когда главного редактора независимой газеты «Вятский наблюдатель» сначала судили по сфабрикованному делу о наркотиках, а потом еще и ранили ножом на улице. Небольшие распри между властными структурами и СМИ решаются в Кирове в судебном порядке.

Можно ли обезопасить себя от угрозы криминала? Пока, на мой взгляд, это вопрос нерешаемый. Знать бы, где упасть...

Дмитрий СУХОТЕРИН, эксперт некоммерческой организации «Гражданский клуб», Нижний Новгород:

— Криминализация нашего общества — безусловный признак времени, с этим трудно поспорить. Чем идти в суд, который действует по законам криминала, легче сразу к этому криминалу и обратиться. Но все ли так уж плохо? Когда стреляли в Листьева, взрывали Холодова, тогда можно было говорить о трагедии, именно тогда убийство журналиста было символом эпохи. Сейчас информационная война прошла свой апогей и вступила в стадию стагнации. Помните, как громко умирало НТВ? А как тихо скончалось ТВС? В России умерла свобода слова, и в общем-то кому какое дело, что явилось причиной убийства Алексея Сидорова: новый передел на ВАЗе или предвыборная чехарда.

В Нижнем, слава богу, все спокойно, вспоминается только неудавшееся похищение журналиста телеканала «Свобода», имя которого вылетело из головы потенциального избирателя сразу после окончания губернаторской кампании. Журналиста у нас гораздо легче купить, чем убить. Одну и ту же фамилию можно встретить с течением времени в совершенно антагонистических изданиях. И точно так же, как в России нельзя заниматься бизнесом, не имея контактов с криминалом, нельзя у нас заниматься журналистикой, не имея отношения к политике. А политика — самый большой бизнес.

Вадим КОМКОВ, главный редактор еженедельного журнала «ТДТ»:

— Трудно рассуждать, связано ли убийство Алексея Сидорова с его профессиональной деятельностью или социально-политической ситуацией в регионе, не обладая никакой конкретной информацией, кроме комментариев в СМИ. Но о том, что очередная трагедия является признаком нашего времени, можно говорить уверенно. Причем независимо от того, что это — «заказуха» или «бытовуха». Замечу, слова эти в последнее время коллеги часто не закавычивают — стали общеупотребительными (тоже признак времени). Ценность челове-

ческой жизни в нашей стране зачастую определяется или состоятельностью не ищущего других аргументов оппонента, или состоянием не имеющего тормозов первого встречного. Со вторым легче работать нашим органам, поэтому бытовая версия — всегда одна из первых.

Наш регион по большому счету ничем не отличается от других. Денег немного, поэтому и убивают реже. Правда, когда вопрос встает принципиально, не останавливаются ни перед чем. Самое ужасное, что убийство предпринимателя, политика, журналиста в общественном сознании стало вполне обыденным явлением — издержки профессии (где-то рядом с бандитами). Яркий пример — недавнее убийство в Кирове известного общественного деятеля Анатолия Горбушина. Серьезный, кстати, в масштабах области был человек. И что? Дежурные заверения о раскрытии этого убийства как «дела чести» наших органов уже не воспринимаются всерьез. А новый информационный повод возник только на 40 дней. Потом, наверное, уже на годовщину...

Обезопасить себя от угрозы криминала не могут даже президенты и финансовые олигархи с их ротами охраны. А журналисту лучше писать о саде-огороде, из редакции домой уходить в 17.00 и желательно трезвым. Да и то гарантия неполная (мало ли идиотов мимо днем ходят).

**Михаил РОСТОВСКИЙ, политический обозреватель
газеты «Московский комсомолец»:**

— Ответы на первые два вопроса очевидны. Район ВАЗа в силу всем известных причин уже в течение многих лет является зоной повышенной криминальной активности. Но нечто подобное запросто может произойти (и уже не раз происходило) в абсолютно любом районе России. За примерами далеко ходить не надо. Ровно девять лет тому назад прямо в помещении нашей редакции был убит журналист Дмитрий Холодов. Некоторое время назад были, правда, надежды на то, что приход к власти Путина ознаменует начало новой эры, когда преступность наконец пойдет на убыль. Но похоже, что эти надежды не оправдываются. А ход расследования последнего убийства в Тольятти и вовсе может вызывать только возмущение...

Что до вопроса, как журналист может защитить себя, то он гораздо более сложен. В нынешней ситуации надо просто быть очень осторожным. И очень четко заранее просчитывать возможные последствия своих статей.

Любовь КОРОЛЕВА, советник генерального директора по имиджевой политике и связям с общественностью компании «Ниеншанц» (г. Санкт-Петербург):

— Вполне возможно предположить, что Сидорова убили и за его профессиональную деятельность. А то, что официально говорят по этому поводу милицейские чины, еще ничего не значит. Хотя лично мне кажется, что времена Димы Холодова давно прошли. И в те моменты, когда что-то случается с журналистами с профессиональной точки зрения, наверное, просто значит, что в ситуации они были заинтересованы лично. Материально или еще как. Конечно, можно криком кричать, что у журналистов опасная профессия и в них стреляют, бьют и избивают, но, глядя правде в глаза, скажу: среди моих коллег правдоискателей мало. Журналистика — профессия по большому счету проститутская, и героев в нашей среде водится немного. Большинство нормальных журналистов заточены на то, чтобы наработать нужные связи и перейти на другую работу. Менее хлопотную, гораздо более высокооплачиваемую и престижную. У того, кто этого действительно хочет, — получается. А бороться за правду... Да каждый нормальный журналист знает, что борьба за правду — это спор, у кого больше власти и денег. Журналисты, которые варятся в этой каше, знают это как никто другой и иллюзий не испытывают. Так что мне кажется, что гражданское мужество опаздывает за глубокой личной заинтересованностью. Но это мое мнение, и, быть может, я настолько испорчена, что не верю в борцов за справедливость.

Ситуация в Питере, например, сейчас такова, что над нашей социально-политической ситуацией довлеет центр. Так что никакой особой самодетельности не допускается. Поэтому все тихо, мирно и добропорядочно. Журналисты пишут про наряды Матвиенко и Константиновский дворец. В моде всякая разная безобидная социалка. С мафией и властью никто не борется. Пока, во всяком случае. «На почве личной неприязни» журналисты тоже никого не трогали.

Защитить себя от криминала журналист может чистоплотностью. Целью в жизни. На самом деле мне кажется, что чем больше тебе есть что терять, тем осторожнее будешь. Не трусливее, нет, просто осторожнее.

Ольга МОРОЗОВА, ответственный редактор «Коммерсанта» в Нижнем Новгороде»:

— Сидоров погиб точно так же, как гибнут Ивановы и Петровы, — в необъявленной криминальной войне. Она польхает на территории России не меньше десятилетия. Россияне убивают россиян, как фаши-

сты в Великую Отечественную. В нашем многоэтажном доме-муравейнике каждую неделю похороны. И умирают в основном не от старости.

Да, главный редактор самой влиятельной (как пишет родной «Коммерсантъ») газеты в Тольятти был занят опасной работой в опасной стране. Но в этой войне род занятий жертв заметно утратил значение.

Место преступления — тоже, в общем, случайность. Тольятти или Урюпинск, Нижний или Москва — какая разница. Нюансы криминальной обстановки в Тольятти мне неизвестны. Перенос действия в благословенную столицу ПФО представляю легко, что бы ни рассказы-вали полпред и милиция. Сегодня Бог миловал, завтра — передумает.

Обезопасить себя нет никакой возможности. Журналист может писать не о политике, а о бабочках — и погибнуть от руки обкуренного безумца за понюшку табаку. Лучше просто не отвлекаться на мрачные мысли.

Андрей ЛОГВАНОВ, директор рекламного агентства «Лемон»:

— Повторное убийство главного редактора газеты «Тольяттинское обозрение» (происшедшее с интервалом в полгода) есть результат беспомощности регионального МВД в борьбе с оргпреступностью. Безнаказанность преступников явилась причиной новой трагедии. Региональная бюрократия и региональная преступность часто действуют заодно.

Возможно ли подобное происшествие в нашем регионе? Хотелось бы в это верить. К сожалению, в Нижнем Новгороде нет социально острых и принципиальных журналистов (впрочем, изданий тоже), которые были бы достойны трагической смерти в борьбе за социальную справедливость или народное счастье.

Как журналист может обезопасить себя от угрозы криминала? Работать со страховкой, по-умному. Избегать напрасного риска. Искать поддержки у конкурирующей стороны. Проинформировать общественность и компетентные органы об угрозах себе. Купить оружие самообороны. Да и просто не мешало бы застраховать свою жизнь.

Как показывает пример «МК» после убийства Дмитрия Холодова, авторитетное СМИ способно влиять на власть и силовые структуры, способно ломать карьеры чиновникам и привлекать к суду тех, кто пытается разбираться с журналистами силовыми методами.

Владимир ТОРИН, президент Приволжской лиги журналистов:

— Увы, как это ни печально, количество нападений на журналистов, количество смертей среди журналистов, как, впрочем, и количество просто доказанных случаев наглого давления на журналистов всеми

возможными способами, растет с каждым днем. К сожалению, мы обречены на дальнейшее увеличение этой печальной статистики. В какой-то момент выяснилось (возможно, через пару лет после убийства Листьева), что честного и объективного журналиста гораздо дешевле убить, чем купить. Когда слова «правовое государство» перестанут быть словами, а станут реальным делом, тогда, возможно, что-то изменится.

Журналистов часто обвиняют в продажности. И часто небезосновательно. Так вот единственное, что может хоть как-то утешить все нас, это то, что если журналистов убивают по заказу, значит, продаются все-таки далеко не все. А это уже вселяет надежду.

**Анна ПУТИНА, шеф-редактор ИА «REGNUM-ВолгаИнформ»
по Республике Чувашия:**

— Мне не кажется этичным, когда на смерти журналиста разворачиваются дискуссии о высоком призвании человека с диктофоном, социальной значимости профессии как четвертой власти. И сама это-го делать, разумеется, не стану. Убийства невинных людей всегда трагедия. К несчастью, человеческая жизнь в России давно обесценена. Убивают во всех сферах бизнеса, убивают без причины, убивают свидетелей, но только у журналистов и их нанимателей есть возможность говорить о смерти коллег громче остальных.

Как показывает практика, в большинстве случаев проблемы у журналистов возникают с появлением компрометирующих фактов в издании. Их сливает заинтересованная сторона: конкуренты, ФСБ и проч. В этой игре журналист выступает не представителем четвертой власти и даже не защитником свободы слова, а пешкой в игре сторон, которой легко манипулировать и которую легко вывести из игры. Он становится уязвимым сразу, как только предоставляет печатные площади и эфир одной из сторон.

Не существует отдельных советов по защите от криминала конкретно для журналистов. Они общие для всех. Каждый мобилизует все имеющиеся ресурсы: друзей, знакомых и связи. А лучше не становиться сливным бачком и объективнее подавать информацию.

Единственный громкий случай в Чувашии произошел в 1987 году, когда убили редактора районной газеты за публикации против местного начальника милиции. Из дела «сшили» бытовуху, после чего прошел народный бунт против такого вердикта. Расследованием занималась группа Гдяна и Иванова, которой доверяла вся страна. После этого случая сняли всю верхушку райкома партии. Когда клеют бытовуху — концы ведут к властям.

Часть 4

Дело Евгения Майнингера

Автор благодарит корреспондента
ИА «АРИА» Сергея Давыдова
за помощь в работе
над этим разделом книги

Работая над журналистскими расследованиями тольяттинских убийств, по сути, я лишь прокручивал в голове, а затем и на бумаге те или иные версии преступлений. Собственно, журналистское расследование тем и отличается от расследования, проводимого органами следствия, что представляет собой лишь отшлифованные версии, появившиеся у журналиста на основе собранной фактуры. Не более того.

Информации, собранной в конце 2000 — начале 2001 года по следам убийств руководителей «Лады-ТВ» Иванова и Логинова, было немного. Но выводы, которые можно было сделать на основе этой информации, позволяли мне предполагать, что следствие по делу об этих убийствах проводится, мягко говоря, не слишком корректно.

Когда убили Валерия Иванова, доверия к информации, исходящей от представителей следственных органов, у меня уже не осталось. (В особенности принимая во внимание эпизод с задержанными, которых прессовали в тюрьме в надежде получить признательные показания. Впоследствии этих задержанных отпустили, но не всех: один из них при невыясненных обстоятельствах умер в тюрьме.) А после того как погиб Алексей Сидоров, верить в то, во что мне предлагали поверить тольяттинские следователи и заместитель генпрокурора РФ Колесников, уже не было возможности. Поверите вы человеку, который вам постоянно лжет?

Президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов принял абсолютно правильное решение: в деле об убийстве Алексея Сидорова должны работать опытные юристы, которым мы могли бы полностью доверять. Желательно с опытом следственной работы. Карен Нерсисян, которого мы хорошо знали по делу Григория Пасько и по его работе в российском ПЕН-центре, подходил как никто другой: в прошлом старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР, Нерсисян ничего не принимал на веру, стремясь докопаться до истины во что бы то ни стало.

Нерсисян занялся защитой интересов семьи погибшего журналиста, а адвокат его бюро «Нерсисян и партнеры» Тамара Кучма взяла на себя защиту в суде назначенного убийцы Евгения Майнингера. Небывалый в российской практике случай, когда семьи жертвы преступления и предполагаемого убийцы доверяют защиту их интересов представителям одного и того же адвокатского бюро!

Дело в том, что в виновность назначенного убийцы не верил никто. Ни адвокаты, ни родственники погибшего журналиста, ни даже, смею предположить, представители правоохранительных органов.

В деле об убийстве Алексея Сидорова нам было важно докопаться до истины и узнать, кто же они — реальные, а не назначенные следствием — убийцы и заказчики. Поэтому дело Майнингера стало для нас таким важным: докажем невиновность назначенного убийцы — заставим следствие искать реальных преступников. Не докажем — невиновный человек будет гнить в тюрьме, правоохранители продолжают поплевывать в потолок, вот-де какие мы, оказывается, профпригодные, а у бандитов, точащих зубы на тех, кто рассказывает о них правду, появится ощущение безнаказанности. И цепочка тольяттинских убийств не прервется на «деле Сидорова».

Забегая вперед, скажу, что нам удалось доказать невиновность Евгения Майнингера. О том, как мы это сделали, я расскажу вам в этой главе.

Первым защитником Евгения Майнингера стал тольяттинский адвокат Сергей Логвиненко. Адвоката небогатому назначенному убийце предоставило следствие. Защитой Майнингера Логвиненко занимался чуть более месяца — в середине ноября 2003 года обвиняемый отказался от услуг назначенного адвоката. По совету родственников Евгений Майнингер предпочел, чтобы его защищала адвокат из Москвы Тамара Кучма.

Рассказывает Тамара Кучма:

— Родственники Майнингера вышли на меня через отстаивавшего интересы потерпевшей стороны Карена Нерсисяна, с которым я работаю в одном адвокатском бюро. Руководитель следственной группы предоставил мне возможность ознакомиться с материалами дела. Я несколько раз встретилась со своим подзащитным. Так что можно сказать, сейчас я уже имею достаточное представление о данном деле.

Какое впечатление на меня произвел обвиняемый Майнингер? В первую нашу встречу, состоявшуюся пятого декабря 2003 года, он был замкнут, говорил с большим трудом. У меня сложилось впечатление, что

этот молодой человек сильно запуган. Поэтому сразу появилось желание помочь ему. На последующих встречах Евгений стал более общительным. Он много рассказывал о себе и о своей семье, которую очень любит. Для Майнингера все происходящее с ним было величайшей трагедией. Он оказался выбитым из колеи, не мог прийти в себя. Но все же он жил с верой и надеждой.

После ознакомления с материалами дела я пришла к выводу, что мой подзащитный невиновен. Я считаю, Евгений не убивал главного редактора «Тольяттинского обозрения».

Вскоре после задержания Майнингер дал признательные показания, от которых впоследствии отказался. По его словам, признание он сделал под давлением оперативников.

По словам Майнингера, 9 октября 2003 года он отпросился с работы, так как у него заболел ребенок. Практически весь день он провел дома. В начале десятого вечера он позвонил приятелю, кстати, живущему в одном подъезде с потерпевшим (дом № 13 по улице Коммунистической, у которого произошло убийство Алексея Сидорова), предупредив, что идет к нему в гости. Затем Майнингер с другом уехали на такси в другой район. Обратно вернулись около десяти часов. Как мне сказал Евгений, возле дома № 13 он встретил знакомую девушку с приятелем. Майнингер точно помнит, что поздоровался с ней, как здороваются с хорошими знакомыми: «Приветик!» Он спросил у девушки, почему возле подъезда столько людей. «Погиб человек. Несчастный случай...» — ответила она. Майнингер не имел никакого представления, кто и по какой причине там погиб. Об убийстве Алексея Сидорова он узнал лишь на следующий день. Затем последовали вызов Евгения в милицию в качестве свидетеля, странный административный арест за нарушение общественного порядка, предъявление обвинения и т.д.

Последовало психологическое и физическое давление со стороны милиционеров. По словам Майнингера, на первых допросах оперативные работники били его руками по щекам и спине. Били так, чтобы не оставалось синяков. Евгению предложили: если он не признается в убийстве Алексея Сидорова, то его все равно засадят на двадцать пять лет. Если же он возьмет на себя вину, то получит не более десяти лет. То есть выйдет из тюрьмы еще молодым, увидит своего ребенка, который скоро должен родиться. Вот после такой трехдневной обработки без сна и еды он согласился написать признание. Сотрудники милиции буквально вдолбили в него информацию о якобы совершенном им преступлении — как он вечером проходил мимо первого подъезда дома № 13 по улице Коммуни-

тической, как плечом столкнулся с каким-то мужчиной, как, находясь на крыльце, он несколько раз ударил потерпевшего пешней в грудь и спину. Осознание ошибки и нелепости показаний пришло позже. И мой подзащитный написал заявление прокурору, что он оговорил себя.

В декабре 2003 года Комсомольский районный суд продлил Майнингеру срок заключения под стражей. Заместитель прокурора Самарской области Евгений Новожилов обратился в суд с представлением о возбуждении ходатайства «О продлении срока содержания обвиняемого под стражей», так как в декабре этот самый срок истекал.

Судебное заседание должно было начаться 18 декабря, в 15.00. Однако произошла заминка: конвой, доставивший Майнингера из Сызранского СИЗО, по какой-то причине не дождался начала заседания и на автозаке повез обвиняемого обратно. Когда с конвоем связались по рации, автозак уехал довольно-таки далеко. Пришлось разворачиваться и возвращаться обратно, в Комсомольский район. Таким образом, заседание началось с трехчасовым опозданием, в начале седьмого вечера. Судья Ислям Хасиятулин, сославшись на мнение прокурорских работников, объявил о том, что заседание будет закрытым. Кроме представителей правоохранительных органов и обвиняемого, присутствовать разрешили только новому адвокату Майнингера — Тамаре Кучме.

Сторона обвинения объявила о том, что «следствие по объективным причинам не успело выполнить весь комплекс действий, предусмотренный планом предварительного расследования». Не были проведены очные ставки между Майнингером и свидетелями, на несколько проведенных экспертиз отсутствовали заключения, не удалось допросить некоторых сотрудников «Тольяттинского обозрения», в частности тех, кто успел уволиться с момента убийства Сидорова. В свою очередь адвокат Тамара Кучма предъявила судье доказательства, которые, по ее мнению, свидетельствовали о невиновности подзащитного и целесообразности изменения меры пресечения.

В восьмом часу вечера Ислям Хасиятулин удовлетворил прокурорское представление и постановил продлить срок заключения Евгения Майнингера под стражей еще на два месяца и двадцать суток. То есть до 9 марта 2004 года. Заключение будут продлеваться снова и снова.

17 апреля 2004 года истек срок следствия по делу об убийстве Алексея Сидорова. Потерпевшая сторона — родственники погибшего журналиста — заявили о своем категорическом несогласии с позицией следствия и подали протест на отказ в переквалификации статьи, предъявленной обвиняемому Евгению Майнингеру.

Прокуратура проявила странную снисходительность к Евгению Майнингеру и квалифицировала убийство журналиста по части первой статьи 105 УК РФ («Убийство без квалифицирующих признаков», наказание в виде лишения свободы от 6 до 15 лет). Странность имела вполне логичное объяснение: эта часть статьи не предоставляет шанса рассмотрения дела в суде присяжных.

Адвокат Майнингера Тамара Кучма и представитель потерпевшей стороны Карен Нерсисян подали в прокуратуру ходатайство о переквалификации обвинения в отношении Майнингера на часть вторую той же 105-й статьи — «Убийство, совершенное с особой жестокостью из хулиганских побуждений», — предусматривающую наказание от 8 лет лишения свободы до пожизненного заключения. Казалось бы, такие несопоставимые сроки наказания, зачем же рисковать? Но, по мнению защиты, эта часть статьи не только больше соответствовала признакам совершенного преступления, но и позволяла обвиняемому ходатайствовать о рассмотрении дела судом присяжных. А суд присяжных для Евгения Майнингера был бы последней надеждой на объективность.

Следователь прокуратуры Самарской области (тольяттинская зона) Сергей Корепин полностью отказал в удовлетворении ходатайства. После чего представитель потерпевшего и адвокат обвиняемого передали жалобу с требованием переквалификации в суд. Несмотря на убедительные доводы защиты, судья Комсомольского районного суда Лариса Заличева постановила в удовлетворении жалобы отказать. Свой отказ она мотивировала тем, что, по мнению судьи, «...только следователь вправе квалифицировать статью по сформировавшемуся внутреннему убеждению на основании установленных обстоятельств дела».

Евгений Майнингер не признал себя виновным ни по первой, ни по второй части вмененной ему статьи.

После судебного заседания адвокат Карен Нерсисян дал небольшой комментарий для «Тольяттинского обозрения», пристально следившего за ходом процесса и публиковавшего репортажи из зала суда, больше напоминавшие сводки о боевых действиях в военное время.

«Есть основания предполагать, что Алексей Сидоров располагал информацией по делу об убийстве Валерия Иванова и проводил собственное расследование, — заявил Карен Нерсисян. — Больше того, я считаю, что дела Иванова и Сидорова связаны неразрывно и убийство

Сидорова — тщательно отработанный заказ и связано с профессиональной деятельностью журналиста. Однако следствие пошло по заведомо ложному пути в лихорадочных поисках вариантов отставивания «чести мундира» и в соответствии с указаниями вышестоящих начальников. То, что суд и прокуратура не считают нанесение пятнадцати ударов заточкой, в том числе и в жизненно важные органы, убийством с особой жестокостью, а квалифицируют его как банальную уличную драку, — лишнее доказательство, что рассчитывать на объективное судебное разбирательство можно лишь в суде присяжных. И минувший суд напоминает театральное действие абсурдного содержания. Любой ценой вырвать обвинительный приговор и навсегда похоронить дело Сидорова — это все, чего сейчас хотят как следственные, так и судебные органы. А между тем единственный шанс раскрыть оба убийства — это оставить в покое Майнингера и начать обрабатывать заказную версию преступления, связанную с профессиональной деятельностью. Именно поэтому мы намерены опротестовать отказ в переквалификации дела Майнингера до начала слушания в Комсомольском районном суде.»

8 июня состоялось первое судебное заседание по делу об убийстве Алексея Сидорова. Продленный в очередной раз срок следствия по делу истекал 17 июня. Правоохранители передали в Федеральный суд Комсомольского района девять томов уголовного дела и обвинительное заключение.

Спустя восемь месяцев со дня убийства Алексея Сидорова дело поступило в суд на рассмотрение.

Первый день судебного заседания ушел на проведение подготовительной части заседания и оглашение обвинительного заключения. Хотя внешне все выглядело спокойно, в зале чувствовалось колоссальное напряжение. Слушания начались с получасовым опозданием. Дело рассматривалось коллегией из трех судей: председательствующего Андрея Кириллова, Галины Бугарь и Елены Малаховой. Обвинителем выступил прокурор Комсомольского района города Тольятти Николай Шпаков.

С первых минут заседания потерпевшая сторона — отец убитого редактора Владимир Сидоров и его представитель Карен Нерсисян — заявили отводы судье Кириллову и прокурору Шпакову. «Судья, который должен быть независимым от сторон, приватно общался с органами следствия до начала слушаний. Я считаю, по морально-этическим соображениям после этого данный судья не

может вести процесс», — аргументировал свое решение Владимир Сидоров.

Вторил своему доверителю и Карен Нерсисян: «Представитель обвинения лично вел следственные действия — допрашивал обвиняемого, проводил проверку показаний на месте. Он являлся руководителем пыток, под которыми Майнингер сделал признание! Конечно, крепкий прокурор не бил левой-правой в челюсть обвиняемого. Физическое и психологическое воздействие оказывали его подчиненные, работники следственной группы. После чего обработанного Майнингера приводили к прокурору, где он давал нужные следствию показания! Господин Шпаков должен проходить по делу в качестве свидетеля, так как у нас к нему много вопросов».

Кроме того, потерпевшая сторона заявила ходатайства о переквалификации статьи обвинения на отягчающую, проверке графика движения троллейбуса маршрута № 57, в котором роковым вечером 9 октября якобы ездил Майнингер, проведении экспертиз ряда документов дела (Владимир Сидоров считал, что они либо сфальсифицированы, либо пропали) и привлечении к процессу нескольких свидетелей, способных помочь установить истину.

По словам Нерсисяна, обвинитель не согласился ни с одним из его доводов: «Судьи после заявления отвода либо ходатайства удалялись на совещание, возвращались в зал заседания, выслушивали очередной отвод, снова уходили в совещательную комнату, возвращались и т. д.» В итоге они так и не удовлетворили ни одного заявления из предъявленных Владимиром Сидоровым и Кареном Нерсисяном.

Николай Шпаков огласил обвинительное заключение. Дабы читатель имел представление о том, какое деяние инкриминируется подсудимому, приводим ту его часть, в которой говорится о совершении преступления. Итак, следствие заключило, что *«Майнингер Е.Ю. совершил убийство — умышленное причинение смерти Сидорову А.В.» при следующих обстоятельствах. 9 октября 2003 года около 21.30–21.40 Майнингер, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, шел от остановки общественного транспорта «27 квартал» Комсомольского района вдоль дома № 13 по улице Коммунистической к дому № 2 по улице Есенина, имея при себе изготовленную им на рабочем месте в цехе № 40 ЗАО «Куйбышевазот» трехгранную заточку. Навстречу Майнингеру от торца дома № 13 по улице Коммунистиче-*

ской к подъезду № 5 указанного дома по пешеходному тротуару шел ранее не знакомый последнему Алексей Сидоров.

Подсудимый столкнулся с Алексеем, из-за чего между ними произошла ссора на почве внезапно возникших неприязненных отношений, переросшая в драку. Имея умысел на убийство, Майнингер достал из-за пояса брुक металлическую заточку и нанес ею не менее 11 ударов Сидорову в месторасположение жизненно важных органов — грудь, живот, спину и правую руку. После нанесенных ударов подсудимый скрываясь с места происшествия и принял меры к сокрытию орудия и следов преступления. Алексей Сидоров дошел до двери подъезда № 5 дома № 13 по улице Коммунистической, где упал и в результате полученных повреждений скончался.

Следующая стадия разбирательства — допрос свидетелей обвинения. Свидетели томились в ожидании вызова для дачи показаний с самого утра, как оказалось, напрасно. Один из них в сердцах выпалил: «И это самый скорый суд в мире?! Брошу все к чертовой матери, у меня на работе важные дела!» — но остался. Однако рабочий день приблизился к концу, поэтому судья, извинившись перед свидетелями за потраченное время, перенес их допрос на другой день.

Второй день судебного заседания был посвящен опросу свидетелей. Дали показания четыре свидетеля обвинения и один свидетель защиты.

Первым вызвали приятеля подсудимого Сергея Бутузова. Как стало известно, во время следствия молодой человек утверждал, что якобы 9 октября поздно вечером Майнингер признался ему: «Я «нагрузил» мужика, тот остался лежать, а я ушел». Потом молодые люди якобы отправились в шашлычную, находящуюся неподалеку от леса и улицы Коммунистической. Майнингер, который, по словам Бутузова, сильно нервничал, пробыл в заведении около сорока минут и вышел на улицу уже без куртки, на которой Бутузов увидел несколько пятен крови.

На предварительном следствии свидетель обвинения однозначно показал: на следующий день, узнав об убийстве Алексея Сидорова, он сразу понял, чьих это рук дело. Однако на суде Бутузов заявил, что не может подтвердить свои прежние показания: во время следствия на него «оказывалось психологическое и физическое давление со стороны правоохранителей». В чем это выражалось? Со слов Бутузова, работники милиции над ним всячески издевались: «били кулаками, надевали противогаз, отбивали ноги». В общем, за-

ставляли его оговорить Майнингера. В итоге Бутузов и сказал то, что от него хотели услышать.

Затем допросили Ирину Воловик, продавщицу киоска, расположенного на улице Новозаводской. Свидетельница рассказала, что Евгений Майнингер был ее постоянным покупателем, отovarиваясь различными продуктами, в том числе и спиртным. Ирине Воловик задали вопрос, продавались ли в день убийства в киоске пакеты черного цвета с золотистыми полосками, водка «555» и пластмассовые стаканы (они были найдены недалеко от места убийства). Она ответила, что в продаже имелось все, кроме пакетов. Больше вопросов не было.

Вслед за Ириной Воловик на допрос вызвали 16-летнюю Анастасию Струеву, непосредственную свидетельницу убийства. Вот отрывок из ее показаний: *«В тот вечер я вышла из троллейбуса и отправилась в сторону своего дома № 2 по улице Есенина. Я шла вдоль дома № 13 по улице Коммунистической, по тропинке возле детского садика. В какой-то момент я услышала топот ног, повернула голову и увидела, как один мужчина догоняет другого. Расстояние между ними было примерно два-три шага. Когда нападавший догнал пострадавшего, то ударил его рукой в спину. Тот упал, начал отбиваться ногами, нападавший все равно продолжил наносить ему удары. Было ли что в его руке, я не разглядела. Потом злоумышленник резко обернулся, увидел меня и убежал в сторону леса. Я подумала, что это была обычная драка».*

Государственный обвинитель усмотрел в показаниях Анастасии некоторые противоречия, поэтому судья Кириллов зачитал протокол следственного допроса свидетельницы. Тогда девушка заявила: вполне возможно, что нападавшим был Евгений Майнингер, с которым она была ранее знакома. Свидетельница отметила, что подсудимый часто дрался и при этом нецензурно ругался. Однако на вопрос Майнингера, когда и где она видела его дерущимся, Анастасия ответить не смогла.

В зал заседания пригласили следующего свидетеля обвинения, Сергея Левина. По словам Левина, 11 октября 2003 года он был задержан по подозрению в убийстве главного редактора газеты «Тольяттинское обозрение». В УВД Комсомольского района под угрозой исправы его вынуждали написать явку с повинной, потому что якобы задержанный Евгений Майнингер дал показания против него. Левин утверждал, что милиционеры интерпретировали его показания в свою пользу.

Впоследствии Сергей Левин написал заявление в прокуратуру с просьбой привлечь к уголовной ответственности тех, кто издевался над ним на допросе. Однако в возбуждении уголовного дела потерпевшему было отказано.

Затем пришла очередь свидетеля защиты, Елены Галкиной. *«Около десяти часов вечера мы с будущим мужем шли вдоль дома № 13. Подходя к пятому подъезду, мы увидели мужчину, который еле передвигался. Мы подумали, что он сильно пьян. Он выронил из рук пакеты. Незнакомец с трудом добрался до подъезда, позвонил по домофону, позвал на помощь и упал. Мы решили подобрать пакеты и отдать мужчине. В этот момент к нам со стороны второго дома по улице Есенина подошел наш знакомый, Евгений Майнингер. Он спросил, что произошло, я ответила, что мы ничего не знаем. Тогда он развернулся и направился за дом № 13 в сторону остановки. При этом Евгений был совершенно спокоен».*

Свидетельнице задали вопрос: почему в своих первых показаниях она не говорила, что видела в тот вечер Майнингера. «Я тогда не подумала, насколько это важно», — ответила Елена. По ее словам, впервые она упомянула фамилию Майнингера, когда ее проверяли в УВД Комсомольского района на детекторе лжи. Тогда девушка однозначно показала, что видела подсудимого.

Именно на основании свидетельских показаний следствие строило доказательственную базу. Однако, как выяснилось в ходе судебного заседания, все без исключения свидетели обвинения либо отказались от ранее данных показаний, уличающих Майнингера, либо изменили их. Ни один из свидетелей не мог однозначно показать, что человек, находящийся на скамье подсудимых, является убийцей Алексея Сидорова. Кроме того, свидетели отмечали, что показания им приходилось давать под физическим и моральным прессингом сотрудников правоохранительных органов.

Следующее судебное заседание было назначено на 16 июня. Заседание стало сенсационным: на суде один из очевидцев категорически заявил, что главного редактора «Тольяттинского обозрения» убивал не Майнингер, а совсем другой человек.

Третье заседание суда проходило в накаленной обстановке. Представитель потерпевшей стороны Карен Нерсисян эмоционально апеллировал к судьям и обвинителю, если был с чем-то не согласен. Сохранявший внешнее спокойствие председательствующий

Андрей Кириллов сделал Нерсисяну несколько предупреждений «за давление на свидетелей и некорректную постановку вопросов».

Евгений Майнингер чувствовал себя как никогда свободно: заседание проходило в зале, где отсутствовала железная клетка для подсудимых. Майнингер без наручников, как обыкновенный слушатель, смиренно сидел на передней скамейке, по привычке держа руки за спиной.

Особое внимание суд уделил свидетелю защиты, показания которого стали сенсационными. Дело в том, что убийство Алексея Сидорова произошло практически на глазах свидетеля. Молодой человек показал на суде, что вечером 9 октября он со своей девушкой стоял возле единственного подъезда дома № 2 по улице Есенина. С его площадки открыт обзор на угол дома № 13 по улице Коммунистической и прилегающую к нему внутриквартальную дорогу — на то самое место, где и произошло убийство. К дому № 2 по улице Есенина подъехала бежевая «Лада», из которой вышел Майнингер и направился к подъезду. Перекинувшись несколькими словами по домофону, Майнингер отправился за дом № 13 по Коммунистической, по предположению очевидца, чтобы купить пива в магазине.

В этот момент в поле зрения свидетеля попали двое мужчин, появившихся на углу этого дома. Между ними явно что-то происходило, они вроде бы о чем-то горячо спорили. При этом, как утверждал свидетель, на дальнем плане еще маячила спина удаляющегося Майнингера. Один из появившихся на углу спорщиков, которого из-за телосложения свидетель окрестил легкоатлетом, ударил другого кулаком в висок, после чего стал бить руками, целясь в корпус потерпевшего. Последний отступал, пытаясь закрыться, и вскоре упал.

По словам свидетеля, со стороны все выглядело как обычная драка, коей в Тольятти никого не удивишь. Нападавший перестал избивать жертву и помчался в сторону лесополосы, находящейся за улицей Есенина. Примерно через полминуты потерпевший встал и, согнувшись, подошел к пятому подъезду, набрал номер домофона, вновь упал и больше не вставал. А буквально через пару минут из-за угла вышел ни о чем не подозревавший Майнингер с бутылкой пива в руке. О том, что жертвой нападения стал главный редактор «Тольяттинского обозрения» Алексей Сидоров, свидетель узнал от милиционеров на первом допросе.

Показания оказались сродни разорвавшейся бомбе: на свидетеля защиты с разных сторон посыпались вопросы. Его просили уточнить время нападения, каким образом злоумышленник нанёс удары, каково было освещение на месте преступления, хорошее ли у него зрение и т. д. Дабы описываемая картина выглядела более убедительно, свидетель пустил в ход жестикуляцию и даже иногда выходил из-за трибуны, изображая походку того или иного фигуранта дела. «Может быть, кое-какие детали дела со временем стерлись из моей памяти, но я и на предварительном следствии утверждал, и сейчас утверждаю: Майнингер ни при чём!» — заявил свидетель.

По словам свидетеля, Майнингер не мог убить Сидорова по нескольким причинам. Во-первых, замеченный им «легкоатлет» был одет в классические куртку и брюки, на его голове была то ли кепка, то ли бейсболка. А Майнингер в тот день был в спортивном костюме, головной убор у него отсутствовал. Во-вторых, нападавший был среднего телосложения и высокого роста. Коренастый Майнингер со своими ста семьюдесятью сантиметрами под такое описание не подходит. В-третьих, скрывшийся за углом дома № 13 подсудимый, даже если бы сильно захотел, не смог бы продемонстрировать спектакль с переодеванием — ему бы попросту не хватило на это времени.

Показания свидетеля защиты косвенно подтвердил следующий свидетель, заявивший, что он видел, как вечером 9 октября к стоящей у леса машине подбежал какой-то мужчина, сел в салон и уехал в неизвестном направлении.

18 июня на очередном судебном заседании неожиданное заявление сделал отец убитого журналиста, Владимир Сидоров: он внес ходатайство об изменении меры пресечения Майнингеру с заключения под стражу на подписку о невыезде, вызвав у суда состояние, близкое к шоку.

Но — по порядку. Судебное заседание началось с допроса очередного свидетеля защиты, работавшего бильд-редактором «Тольяттинского обозрения» и уволившегося уже после гибели Алексея Сидорова. 9 октября 2003 года он последним из сотрудников газеты разговаривал с Сидоровым перед его отъездом из редакции. В непринужденной беседе они обсуждали рабочие вопросы, и главный редактор между делом обмолвился, что последние четыре дня он посвятил работе над неким проектом о сотрудничестве с одним из

крупных тольяттинских предприятий. Мол, в случае если соглашение о сотрудничестве будет подписано, в газету немедленно поступят серьезные финансовые вливания. По словам Алексея Сидорова, утром 10 октября у него должна была состояться встреча по данному поводу с потенциальным партнером. Свидетель отметил на редкость хорошее настроение Алексея Сидорова. «Мне теперь бояться нечего», — обмолвился он в разговоре с бильд-редактором.

Адвокат Майнингера Тамара Кучма поинтересовалась, имелись ли раньше у Алексея Сидорова основания опасаться за свою жизнь. Свидетель ответил, что в 2002 году после убийства первого главного редактора газеты Валерия Иванова Алексей некоторое время пользовался услугами охраны, а после выхода одной из публикаций, в которой задевались местные ОПГ и правоохранительные органы, ему пришлось на три недели уехать из города. Свидетель выразил уверенность в том, что Алексея Сидорова убили из-за его профессиональной деятельности. Но, по словам свидетеля, если расправа над Валерием Ивановым тщательно планировалась, то в данном случае заказчики убийства, видимо, «чего-то испугались и решили действовать быстро».

В качестве свидетеля защиты дал показания еще один сотрудник редакции, который 9 октября обсуждал с Алексеем план подготовки некой разоблачительной публикации, которую намечалось опубликовать в течение следующей недели. В материале шла речь о конфликте по разделу имущества лидера одной из местных ОПГ Дмитрия Рузляева, убитого в 1998 году. По информации, имевшейся у Сидорова, имущество Рузляева оспаривали, «с одной стороны, высокие чины в погонах, с другой — ОПГ Константина Шейкина». По предположению свидетеля, Алексея Сидорова могли убить из-за документов, которые он в ближайшее время планировал получить либо уже получил по данному делу.

Вновь попросил слова Владимир Сидоров. Перед выступлением отец погибшего журналиста оговорился, что до этого момента он старался вести себя корректно и не делать резких высказываний, однако его терпению пришел конец.

«Ваша честь! После убийства сына у нас теплилась надежда, что совершивший злодеяние человек будет быстро найден, — обратился к председательствующему В.Сидоров. — Однако вскоре последовали заявления самых высокопоставленных правоохранителей, утверждавших, что преступник задержан, а убийство будто бы произошло из ху-

лиганских побуждений. В тот момент мы поняли: объективного расследования не будет! У нас нет никаких сомнений, что над Алексеем расправились из-за его профессиональной деятельности. Майнингер не имеет к делу отношения, найдите настоящего убийцу! Суд выслушал свидетелей обвинения, которые являлись главным козырем органов следствия. Однако все они отрицали причастность Майнингера к убийству Алексея. Вещественные улики в деле отсутствуют. Я также беру в расчет личностные характеристики подсудимого, имеющего жену и двух малолетних детей. Я считаю, в сложившейся ситуации слишком сурово, даже преступно держать Майнингера в СИЗО. Поэтому ходатайствую об изменении меры пресечения на подписку о невыезде. А судебный процесс пусть идет своим чередом».

Владимира Сидорова поддержали его представитель Карен Нерсисян и адвокат подсудимого Тамара Кучма.

Судьи и обвинитель оштолбенели от неожиданности. Они никак не ожидали, что потерпевшая сторона потребует для подсудимого каких-нибудь поблажек! «Считаю ходатайство абсолютно необоснованным, — заявил обвинитель Николай Шпаков, — ибо оно основано на эмоциях». Суд поддержал Шпакова и отказался удовлетворять ходатайство. Евгений Майнингер остался под стражей.

Очередное судебное заседание было запланировано на 21 июня, однако оно было перенесено на 28 июня в связи с болезнью судьи Андрея Кириллова.

Очередное заседание началось с обращения Владимира Сидорова к суду: отец погибшего журналиста потребовал дать отвод Николаю Шпакову. По мнению Владимира Петровича, Шпаков не может объективно представлять обвинение по делу об убийстве его сына, так как он отстаивает не государственные, а свои личные интересы и прямо заинтересован в исходе данного дела. По словам потерпевшего, в ходе судебного следствия вскрылись грубейшие нарушения закона: свидетели обвинения неоднократно заявляли, что показания, уличающие Майнингера, на предварительном следствии из них в прямом смысле «выбили» сотрудники Комсомольского РУВД. Еще один свидетель во время судебного допроса посетовал, что его в течение суток незаконно держали в стенах районного отделения милиции. Два человека показали, что следователи допрашивали их с помощью детектора лжи, однако ни одного протокола детекторного допроса в деле не оказалось. И Николай Шпаков, как прокурор Комсомольского района, не мог не знать о гру-

бейших нарушениях закона, допущенных оперативными работниками, но не принял никаких мер. Напротив, не исключено, что прокурор мог быть вдохновителем подобного поведения милиционеров. «Любой нормальный человек в таких обстоятельствах сам бы заявил о своем отводе и заодно подал заявление об отставке со своего поста, — подвел черту Владимир Сидоров. — Но не таков прокурор Комсомольского района!»

За все время судебного разбирательства обвинитель не поддержал ни одного ходатайства потерпевшего. И на сей раз Шпаков не сделал исключения. С плохо скрываемой досадой и раздражением обвинитель заявил, что он считает предъявленные доводы необоснованными, и напомнил, что потерпевший может понести уголовную ответственность за клевету. Суд оставил без удовлетворения оба ходатайства Владимира Сидорова: и об отводе обвинителя, и о привлечении к процессу дополнительных свидетелей.

Суд допросил и коллег Евгения Майнингера, работавших с ним на ремонтном участке завода «Куйбышевазот». В один голос коллеги отозвались о подсудимом как о порядочном, спокойном, работоспособном человеке. И ни один из допрошенных не поверил в то, что Майнингер смог бы пойти на убийство человека. Обвинитель задавал работникам Куйбышевазота один и тот же вопрос: имеются ли на заводе станки и оборудование, на которых можно изготовить заточку или пeshню? Имеются, отвечали коллеги Майнингера, однако 8 октября Евгений никак не мог смастерить что-нибудь колюще-режущее из металла, так как в первой половине дня постоянно находился у них на глазах, а после обеда вовсе ушел на учебу. Напомним, что, по версии следствия, подсудимый изготовил оружие убийства и перебросил его через заводской забор за день до гибели Алексея Сидорова.

Допрошенные показали, что охрана у них на заводе строгая, как на военном объекте: контрольно-пропускной пункт, дежурные милиционеры, камеры слежения. При всем желании Майнингер не смог бы незаметно приблизиться к забору ближе, чем на триста метров, чтобы перебросить изготовленную заточку на другую сторону.

Далее слово дали свидетелю, в процессе разбирательства написавшему в суд письмо с просьбой выслушать его показания. По словам свидетеля, он обладал чрезвычайно важными сведениями по делу об убийстве Сидорова.

Свидетель, представившийся менеджером торговой фирмы, во время дачи показаний пояснил, что прийти в суд его подтолкнул гражданский долг. Рассказал свидетель вот что: в конце сентября 2003 года он встречался с Алексеем Сидоровым по вопросу возможности освещения в центральных СМИ его конфликта с местными чиновниками. «Твоя проблема важная, но у меня сейчас такие проблемы... Знаешь, Валерий Иванов, возможно, не последний редактор нашей газеты, которого убьют. Но я свою работу все равно не брошу!» — такие слова якобы сказал ему при встрече Алексей Сидоров. А буквально через несколько дней главного редактора «Тольяттинского обозрения» убили. Свидетель изъявил желание предстать перед судом потому, что не поверил, что Сидоров мог погибнуть случайно.

Шестой день суда. Представитель прокуратуры, руководивший следствием до предъявления Майнингеру обвинения, рассказал суду об обстоятельствах, при которых подсудимый написал явку с повинной. 16 октября Майнингер вместе с «рядом других лиц» был допрошен как свидетель. Подозреваемый Майнингер тогда якобы заявил: «Все равно вы ничего не докажете и не найдете орудие преступления!» Было принято решение о привлечении Майнингера к делу в качестве подозреваемого. По словам следователя, Евгению Майнингеру «в спокойных тонах, без рукоприкладства» объяснили, что чистосердечное признание облегчит его незавидную участь и зачтется в будущем. Задержанный призадумался, затем попросил ручку с бумагой и написал явку с повинной. А на следующее утро, 17 октября, Майнингеру было официально предъявлено обвинение.

Однако предъявленную суду пастораль нарушил Майнингер. По его словам, в действительности дело было совсем не так: подозреваемого долго и изобретательно били в стенах — или все-таки в застенках? — Комсомольского РУВД, потому он и «раскололся». И этому имеются доказательства. Так, 14 октября судмедэксперт обнаружил на теле подозреваемого синяки и ссадины. (Напомним, что Майнингера под различными предлогами удерживали в милиции с 12 октября). А сразу же после написания явки с повинной врач вовсе отказался проводить его осмотр, так как руководитель следствия якобы злонамеренно не подготовил соответствующее постановление.

Но прокурорскому работнику все — божья роса. Он не согласился ни с одним из предъявленных доводов и еще раз повторил, что

Майнингера никто и пальцем не трогал, а все процессуальные действия проводились строго в рамках закона.

На седьмой день процесса его участники ознакомились с видеозаписью, на которой подсудимый продемонстрировал, как он убивал Алексея Сидорова, а потом избавлялся от улики.

В ночь с 17 на 18 октября после написания явки с повинной подозреваемый Майнингер согласился съездить на место преступления, провести следственные действия. Весь маршрут фиксировался на видеокамеру. Руководил следственными действиями не кто-нибудь, а прокурор Комсомольского района Николай Шпаков.

Описанная назначенным убийцей картина выглядела следующим образом: вечером 9 октября он у стен «Куйбышевазота» подобрал пешню, представлявшую собой кусок арматуры диаметром шестнадцать миллиметров с заточенным под треугольник наконечником. За день до этого Майнингер сам смастерил ее на рабочем месте и перебросил через заводскую стену. На троллейбусе подозреваемый доехал до Комсомольского района, где вышел на остановке «Улица Механизаторов». К дому № 2 по улице Есенина, где проживают его родители, Майнингер шел вдоль дома № 13 по улице Коммунистической. По роковому стечению обстоятельств на тротуаре напротив последнего, пятого подъезда Майнингер плечом столкнулся с незнакомым молодым человеком. Последовал обмен ударами, агрессивный незнакомец, ругаясь матом, схватил его за грудки и начал трясти. Подозреваемый выхватил пешню, находившуюся под курткой, за поясом спортивных штанов, и начал наносить ею удары в грудь соперника. Майнингер сказал, что не помнит, сколько точно раз ударил потерпевшего, так как в тот момент был слишком взволнован.

Затем Майнингер бросился бежать — мимо дома № 2 по улице Есенина в сторону леса. У автомагазина он увидел зеленую «восьмерку», водителем которой возился под капотом. Подозреваемый попросил не установленное следствие автолюбителя довезти его до дома № 8 по улице Громовой, где он с супругой снимал квартиру, обещав при этом щедро заплатить. Водитель согласился помочь. Переодевшись дома, Майнингер положил пешню вместе с пропитанными кровью курткой, штанами и носками в один пакет и выбросил в мусорный бак, находящийся недалеко от дома № 8. Затем он на той же машине (водителем которой он заплатил полторы тысячи рублей) снова доехал до дома № 2 по улице Есенина и позвал

проживавшего там приятеля прогуляться. К тому моменту на месте убийства уже собралась толпа. Для снятия подозрений Майнингер вместе с другом специально подошел поближе, чтобы его увидел кто-нибудь из знакомых. До следующего утра подозреваемый коротал время в шашлычной и поездках на такси. Около шести утра он забрал пакет с уликами из мусорного бака и с двумя пересадками доехал на автобусах до ГЭС. Напротив генераторного цеха электростанции он нашел большой камень, привязал к нему оружие убийства и бросил с моста. Следом в воду полетел туго завязанный пакет с окровавленными вещами. По возвращении в Комсомольское РУВД допрошенный на видеокамеру подтвердил, что следственные действия прошли правильно и показания на месте он давал добровольно, без чьих-либо подсказок и полностью.

На суде Майнингер заявил, что буквально за несколько минут до того, как была включена камера, один из участников следственных действий пригрозил ему: «Если что-то пойдет не так, тебе будет плохо!» На видеозаписи он был опознан как сотрудник уголовного розыска ГУВД Самарской области.

Одиннадцатый день суда. Кульминация процесса — Евгений Майнингер начал давать показания. Однако первым дал показания потерпевший Владимир Сидоров. По словам отца погибшего журналиста, он находился в командировке в Москве, когда ему позвонили на сотовый телефон из Тольятти и сообщили о гибели сына. Владимира Сидорова возмутили противоречивые заявления представителей правоохранительных органов, а также обе озвученные ими версии убийства — хулиганскую и бытовую. «Стало ясно, что в работу следователей вмешались могущественные представители силовых структур федерального уровня, поэтому объективности добиться будет очень трудно», — заявил В.Сидоров. После ознакомления с материалами дела это мнение только усугубилось. По признанию Владимира Петровича, ему настолько тяжело их было читать, что он не мог спать ночами.

Затем слово дали Майнингеру. Подсудимый озвучил свою версию событий. Как и ожидалось, Евгений категорически отказался признать вину и говорил практически то же самое, о чем на предварительном следствии заявлял через адвоката Тамару Кучму, — о своей непричастности к преступлению.

Итак, по словам Майнингера, 9 октября 2003 года в начале десятого вечера он сказал жене, что пойдет в магазин за сигаретами, а

сам поехал в гости к своему другу, проживающему в доме № 2 по улице Есенина. Майнингер позвонил по домофону и вызвал своего друга на улицу. Пока тот одевался, Майнингер решил сходить за пивом. Его путь лежал мимо дома № 13 по улице Коммунистической, в котором проживал Алексей Сидоров. Подсудимый увидел, что рядом с крайним подъездом собралась толпа. Среди них Майнингер заметил нескольких знакомых. Они тоже заметили его, о чем и рассказали на предыдущих судебных заседаниях. По возвращении к дому № 2 по улице Есенина Майнингер дождался появления товарища и встретил еще двух приятелей. Компания всю ночь объезжала на такси окрестные кабаки, а ранним утром Майнингер заехал к своему начальнику, чтобы взять отгул на 10 октября, после чего пошел домой к родителям, отсыпаться.

12 октября на мобильный телефон Майнингера позвонила супруга: начальник отдела по раскрытию убийств Комсомольского РУВД звонил Майнингеру домой и просил срочно приехать в управление. Евгений немедленно отправился туда. Едва он зашел в здание, как навстречу выскочил начальник отдела, схватил за руку и поволок в кабинет. Там их уже поджидали какие-то люди в штатском, которые в агрессивной форме стали спрашивать, что он делал вечером 9 октября. Судя по реакции, полученные ответы их не устроили. Майнингера взяли под арест по надуманному поводу — за якобы имевшее место оскорбление сотрудника милиции.

Утром 13 октября мировой судья постановил задержать Майнингера на трое суток за административное правонарушение. За это время Евгению пришлось пережить настоящий кошмар: его допрашивали практически беспрерывно, проверяли на детекторе лжи. При этом милиционеры оскорбляли и избивали его. На одном из допросов Майнингеру приказывали: «Смотреть в глаза!» — после чего били кулаками в лицо. Майнингера морили голодом, не давали спать. Говорили: прекратим пытки, как только сам признаешься в преступлении либо назовешь преступника.

На третий день Евгений сломался. Сначала он свалил вину на одного из своих приятелей, а вечером 16 октября написал под диктовку сотрудников Комсомольского РУВД явку с повинной.

День двенадцатый. Поскольку на предыдущем заседании Евгений Майнингер наотрез отказался признавать свою вину, обвинитель Николай Шпаквал потребовал начать очередное заседание с оглашения показаний Майнингера, которые он дал на пятый день по-

сле задержания, 17 октября 2003 года. «Вот вы утверждаете, что не причастны к убийству Алексея Сидорова. Тогда откуда взяты все эти подробности? Ведь вы практически слово в слово давали одинаковые показания более семи раз?!» — обратился Шпаков к назначенному убийце. «На допросах следователи сами называли некоторые детали», — ответил Майнингер. К примеру, давая признательные показания, Майнингер пояснил, что драка с Сидоровым у него произошла не рядом с подъездом, а на тротуаре у торца дома. Так вот эту поправку, по утверждению Евгения, он внес с подсказки самого Николая Шпакова, руководившего следствием. Ну а несколько эпизодов пришлось попросту выдумать — слишком сильно избивали... Вымышленным персонажем, к примеру, оказался водитель зеленой «восьмерки» по имени Николай, который якобы увозил Майнингера с улицы Есенина сразу после убийства.

Председательствующий судья Андрей Кириллов спросил Майнингера, почему в его показаниях встречаются противоречия. «Да потому что милиционеры из меня всю душу вытрясли! Я не знал, что им надо, что они хотят от меня услышать. Мне так и предложили: или на десять лет сядешь, или на двадцать пять. Я выбрал меньший срок, поэтому написал явку с повинной!» — ответил подсудимый.

Шпаков всем своим видом дал понять, что не верит ни единому слову обвиняемого.

Затем к Майнингеру обратились с вопросами Владимир Сидоров и Карен Нерсисян. Представитель потерпевшей стороны старался добиться от подсудимого ответов, которые дали бы понять, что признательные показания у Майнингера были выбиты и что расследование проходило с многочисленными нарушениями. Председательствующий Андрей Кириллов даже сделал Нерсисяну замечание: «Пожалуйста, не повторяйте заданные ранее вопросы и спрашивайте по существу дела!». «Это вы такой понятливый. А я вот не понимаю, почему Майнингера выдают за убийцу!» — парировал Карен Нерсисян.

Последним дал показания эксперт ГУВД Самарской области, проводивший исследование микрочастиц с одежды убитого и подозреваемого. Нерсисян задал криминалисту ряд вопросов и после этого сделал вывод, что «процессуальные нарушения и упущения не позволили собрать стражам порядка доказательства, необходимые для установления настоящего убийцы».

Следующее заседание было назначено на 13 сентября.

Карен Нерсисян дал в тот день небольшой комментарий «Тольяттинскому обозрению».

— Мы получили еще одно подтверждение, что процесс разваливается на глазах. Следствие не смогло представить ни одного доказательства виновности Майнингера, поэтому суд срочно решил взять передышку, чтобы собраться с мыслями. Ведь им нужно решать, что еще можно сделать с этим делом, какой найти повод, чтобы посадить человека, находящегося на скамье подсудимых. Мы со своей стороны будем добиваться отвода такого состава суда.

После двухмесячного перерыва судебные слушания были возобновлены.

На предварительном следствии была предпринята так называемая психологическая вокалографическая экспертиза видеозаписи, на которой Майнингер дает показания и вспоминает, как именно он совершал убийство. В Самарской области специалистов в области вокалографической экспертизы не оказалось, пришлось проводить ее в Екатеринбурге. В экспертном заключении говорилось, что Майнингер, скорее всего, себя не оговаривал и говорил правду.

На суд вызвали психолога из тольяттинского психоневрологического диспансера — дать оценку выводам, которые сделали екатеринбургские ученые. Во время заседания местный специалист признался, что впервые в жизни слышит о понятии «вокалографическая экспертиза».

Затем выступил свидетель обвинения, проходящий по делу под вымышленной фамилией Глухов. Свидетель был осужден за убийство и разбой, в настоящее время он содержится за решеткой. Во время предварительного следствия Глухов оказался в одной камере с Майнингером. Естественно, они общались. Якобы для безопасности свидетеля его максимально законспирировали: на допросе лица уголовного не увидели ни суд, ни защита, ни потерпевший. Участники процесса находились в кабинете у судьи, а допрашиваемый, законный в наручники, с натянутой на голову курткой, находился в соседнем помещении. Общались с ним через приоткрытую дверь.

Глухов показал, что его сокамерник не признавался в преступлении. По словам Глухова, Майнингер оговорил себя, не выдержав напора следователей, под пытками раскрутивших на признание в убийстве. Еще один свидетель обвинения дал показания в пользу подсудимого.

В ходе судебного разбирательства были допрошены почти все свидетели обвинения и защиты. Никто из них не смог однозначно заявить, что Майнингер причастен к убийству Алексея Сидорова. Более того, очевидцы утверждали, что в действительности убийство совершил человек, внешне не имеющий ничего общего с Майнингером. На четырнадцатый день судебного заседания дал показания еще один очевидец преступления — двадцатилетний парень, проживающий в доме № 13 по улице Коммунистической (там же, где жил Алексей Сидоров).

Вечером 9 октября свидетель поставил свою машину на стоянку. На выходе с парковки он обратил внимание, что на стоянку заехал Сидоров на своей «девятке». Затем свидетель зашел в магазин, расположенный у дома № 13 по улице Коммунистической, пробыл там минут десять, а на выходе встретил Майнингера. «Убери у себя пьяного мужика из-под подъезда, а то его убьют», — сказал подсудимый свидетелю. При этом Майнингер вел себя совершенно спокойно, на нем не было следов борьбы и крови. Внешне он совсем не походил на человека, который только что совершил убийство.

Еще одна интересная улика: в руки участников процесса попал некий документ, неизвестно как оказавшийся в одном из томов уголовного дела. Сотрудник правоохранительных органов, который вел запись, либо очень спешил, либо решил отобразить на бумаге внезапно пришедшую мысль. В документе указана кличка лидера тольяттинской ОПГ и фамилия ранее судимого человека, который проходит как свидетель по делу Майнингера. Последняя запись на листке: «Сидоров — предупреждался».

Старший следователь по особо важным делам прокуратуры Самарской области Сергей Карепин появился в суде по ходатайству потерпевшего Владимира Сидорова, заявившего, что у него и адвоката Тамары Кучмы к нему «накопилось немало вопросов». Шел шестнадцатый день судебного заседания. За два с половиной часа Карепину задали более 150 вопросов. Участники процесса интересовали практически все детали дела, начиная с противоречивых заявлений силовиков федерального уровня, сделанных в первые дни после убийства Сидорова, вплоть до подписи понятого на бирке, прикрепленной к мятому пластиковому стаканчику, который изъяли с места происшествия.

В.Сидоров: Как нам известно, ранее Майнингер дал признания в вашем присутствии.

С.Карепин: Совершенно верно. 17 октября в первом часу ночи мы с заместителем прокурора Комсомольского района Евгением Лаптевым находились в стенах милицейского райуправления. Мы уже направлялись к выходу, как нам сообщили, что Майнингер в присутствии представителей прокуратуры хочет сделать явку с повинной.

В.Сидоров: В беседах со мной вы говорили: «Не думайте, что мы заикнулись на Майнингере. Он знает настоящего убийцу, но не раскрывает его. Вот-вот должно произойти что-то важное».

С.Карепин: Вы неправильно восприняли мои слова. Я говорил, что мы проводим следственные мероприятия и по другим версиям.

В.Сидоров: Через несколько дней после убийства один из задержанных назвал фамилию предполагаемого преступника. Почему названный человек не фигурирует в материалах уголовного дела?

С.Карепин: Парень, о котором говорите, выступал на суде свидетелем. Возможно, по его поведению вы тоже успели заметить, что это малодушный, трусливый человек. Он был готов на все, чтобы его отпустили домой, поэтому назвал своего знакомого. При розыскных мероприятиях мы убедились, что обозначенный человек ни при чем. Кстати, по оперативно-розыскной деятельности: связанных с данным делом у нас собралось тридцать томов.

К.Нерсиян: Какова судьба документов, которые Алексей Сидоров взял с собой, уезжая с работы 9 октября?

С.Карепин: В его автомобиле обнаружен прозрачный файл с несколькими листами формата А4, на которых в цифрах отражен балласт газеты. С этими документами редактор должен был утром 10 октября встретиться с одним из руководителей завода.

К.Нерсиян: Вы выясняли, связано ли каким-то образом преступление с убийством первого главного редактора «Тольяттинского обозрения» Валерия Иванова?

С.Карепин: В наши задачи входило установление виновности обвиняемого, а не взаимосвязи двух преступлений. Что касается дела Иванова, оно в настоящий момент приостановлено.

В.Сидоров: Вы не находите странным, что 12 октября сразу несколько человек, оказавшихся в стенах Комсомольского РУВД, подверглись административному аресту за хулиганство и одновременно с этим были допрошены по делу об убийстве моего сына?

С.Карепин: Не нахожу. Вы же знаете, в какой век мы живем...

В.Сидоров: Да, знаю. В век вранья!

Т.Кучма: Майнингер был административно арестован 12 октября. По закону его обязаны были отпустить 15-го, ну максимум утром 16 октября. На каких же основаниях его держали в стенах милиции и в ночь с 16 на 17 октября?

С.Карепин: Не могу сказать. Повторяю, я принял дело в производство двадцатого числа.

На семнадцатый день заседания в суде выступили две жительницы пятого подъезда дома № 13 по улице Коммунистической. Они были первыми из тех, кто оказался на месте происшествия. Одна из девушек припомнила, что 9 октября 2003 года в десятом часу вечера она возвращалась домой с другом и увидела, что на крыльце подъезда вплотную к двери лежит Алексей Сидоров. Она проверила пульс на его руке: пульс еще прощупывался. Свидетельница добавила, что в тот же день поздно вечером к ней домой пришли милиционеры и попросили расписаться в каких-то документах. Мать девушки рассказала, что в качестве понятой поставила подпись под протоколом осмотра места происшествия, хотя не присутствовала на нем. Озвученный факт дал повод Карену Нерсияну указать на грубейшее нарушение уголовно-процессуального законодательства со стороны следователей.

Последней допросили работницу шашлычной «Чинар», находящейся в нескольких минутах ходьбы от дома № 13 по улице Коммунистической. Женщина вспомнила, что примерно в половине десятого вечера 9 октября в заведение заходил постоянный клиент Майнингер. Заказал кофе, поговорил у стойки с барменом, затем ненадолго вышел расплатиться с таксистом, а затем ушел в зал, где его ожидали друзья. Он был совершенно спокоен, опрятно одет. Поэтому когда в одиннадцать часов вечера посетившие кафе милиционеры спросили, не заходили ли подозрительные люди, персонал ответил отрицательно.

В завершение заседания суд изучил документы, изъятые с рабочего стола Алексея Сидорова: несколько листов бумаги с названиями различных фирм, которые были соединены стрелками. По словам Нерсияна, в кабинете главного редактора следователи нашли конверт, в котором лежала вырезка из газеты, гласящая: «С момента убийства Валерия Иванова прошло 103 дня», а рядом с ней — печатный текст с угрозой в адрес Алексея Сидорова. Загадочный конверт вместе с содержимым к делу так и не приобщили. Нерсиян считает, что ключ к разгадке убийства стоило поискать в данном по-

слании. Обвинение же уверяет, что никакого конверта в помине не было.

Следующее заседание началось с того, что Карен Нерсисян заявил ходатайство о признании недействительными результатов психолого-вокалографической экспертизы, проведенной двумя профессорами из Екатеринбурга. Представитель защиты заявил: «Любая криминалистическая экспертиза должна отвечать определенным требованиям. А методики, на которых эксперты основывают свои выводы, должны иметь под собой фундамент из исследований в данной области, одобрения научных советов и т.п. Однако ученые из Екатеринбурга за основу взяли собственные наработки по визуальному и слуховому анализу, никем еще толком не проверенные». Такая оценка, по мнению Нерсисяна, «носит субъективный характер и не имеет никакого процессуального веса».

Суд удалился на совещание, чтобы вынести определение по ходатайству Нерсисяна, а также по нескольким ходатайствам адвоката подсудимого Тамары Кучмы: на предыдущем заседании она заявила, что протокол осмотра места преступления, составленный в ночь убийства Алексея Сидорова, протокол допроса подозреваемого от 16 октября и явка с повинной, написанная Майнингером во втором часу ночи 17 октября, должны быть признаны недопустимыми доказательствами, так как все они добыты с грубейшими процессуальными нарушениями. После получасовой паузы судьи огласили свое определение по вышеуказанным ходатайствам: принимая во внимание изученные материалы дела и показания свидетелей, суд пришел к выводу, что протокол осмотра места был составлен с процессуальными нарушениями и в отсутствие понятых.

Определение суда повергло в шок обвинителя Николая Шпакова и вызвало бурю восторга у родственников Майнингера.

Кроме того, выяснилось, что 16 октября Майнингер, имевший статус подозреваемого, был допрошен без адвоката. Явку с повинной Майнингер писал также в отсутствие защитника, что, по мнению суда, «явилось повторным нарушением его конституционных и процессуальных прав». Суд определил, что собранные следователями доказательства не имеют юридической силы. Наконец, суд признал недействительным заключение психолого-вокалографической экспертизы.

Доказательная база следствия рухнула.

Карен Нерсисян поблагодарил суд за принципиальность. Обвинитель Николай Шпаков не скрывал разочарования: своими действиями в качестве обвинителя он приложил максимум усилий, чтобы ошибки следствия не всплыли на поверхность. Однако эти ошибки оказались настолько явными, что не заметить их было невозможно.

Председательствующий Андрей Кириллов объявил о завершении судебного следствия. 5 октября прошло последнее заседание по делу об убийстве Алексея Сидорова. Стороны процесса выступили с заключительными речами.

Первым взял слово Николай Шпаков. По его словам, Майнингер давал признательные показания безо всякого давления со стороны следователей. Виновность Майнингера ни у кого не вызвала сомнений, но вдруг одни свидетели по непонятным причинам стали давать непоследовательные показания, а другие вовсе отказывались от своих слов, сказанных ранее. Шпаков предположил: это произошло потому, что сторона защиты каким-то образом воздействовала на очевидцев. *«Казалось, дело развалилось. Но не будем спешить, — произнес в своей речи Николай Шпаков. — Осталось очень много вопросов. Почему Майнингер, если он не причастен к убийству, так подробно описал обстоятельства преступления? Почему настойчиво отрицает ссору с женой 9 октября? Почему в течение шести месяцев предварительного следствия не говорил о противозаконных действиях со стороны стражей порядка? Не потому ли, что все сказанное им потом — это ложь?»*

С учетом всех обстоятельств — подсудимый не раскаялся, встал на путь противодействия следствию и суду — обвинитель попросил назначить Майнингеру наказание в виде десяти лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

Следующим выступил представитель потерпевшего. *«Год назад подлейшим образом был убит Алексей Сидоров, — начал свою речь Карен Нерсисян. — Я изучал его дневники, записи, статьи, планы на будущее. Поэтому могу заявить: расправились с великим журналистом, которого не получилось подкупить и запугать. Впервые в моей практике возникла парадоксальная ситуация. По логике потерпевший и его представитель должны бы поддерживать обвинение, быть благодарными за то, что убийца найден. Но этого не произошло, и вот почему. С первых дней расследования не было никаких сомнений в том, что журналист стал жертвой из-за своей профессиональной деятельности. Кстати, этой же версии на начальном этапе следствия придержи-*

живались все высокие должностные лица МВД и прокуратуры. После приезда в Тольятти известного «пожарного-прокурора» из Генеральной прокуратуры Владимира Колесникова по отработанной технологии был запущен механизм «раскрытия» громких уголовных преступлений.

Убийство второго главного редактора «Тольяттинского обозрения» вызвало шок и возмущение во всем мире, и внимание СМИ сфокусировалось на деятельности правоохранительных органов по расследованию данного убийства. Спустя неделю Колесников объявил на весь мир, что убийство раскрыто, причем оно было совершено якобы на почве пьяной драки. И пошло-поехало. Первые сомнения в объективности расследования появились тогда, когда представители силовых структур в один голос стали заявлять исключительно о бытовой версии и с упорством, достойным лучшего применения, принимали в штыки попытки в ней сомневаться. Надо отдать должное следствию: была проведена огромная оперативная работа. Ведь наверх надо срочно рапортовать о раскрытии. При этом совершена масса нарушений закона. Порядка двадцати пяти человек были незаконно задержаны и проверены на детекторе лжи. В первые дни после убийства Комсомольское РУВД буквально забила задержанными молодыми людьми. В ходе оперативных игр опытные работники милиции вырвали у податливого человека Майнингера показания о том, что убийство якобы совершил некий матерый, уважаемый в определенных кругах уголовник. Тем самым он попал в ловушку. Ему объяснили, что в местах лишения свободы происходит с теми, кто занимается стукачеством. Начался торг, в котором в том числе участвовал и господин Шпаков. Майнингеру ничего не оставалось, как взять вину на себя. Однако собранная доказательственная база не поддается никакой критике. Девять очевидцев утверждают: Сидорова убивал не Майнингер! Согласно их показаниям, убийца был высокого роста, носил головной убор, сразу же после преступления уехал на поджидавшей машине. При всем желании он не смог бы добраться с места преступления до дома, переодеться, отвезти орудие преступления и окровавленную одежду до ГЭС и вернуться обратно. О чем здесь вообще можно было вести речь?! До сего дня у нас теплилась надежда, что государственный обвинитель найдет силы и мужество отказаться от обвинения. Но этого не произошло».

Представителю потерпевшей стороны вторила адвокат подсудимого Тамара Кучма. «На скамье подсудимых находится не тот человек», — заявила адвокат, подводя итог своему полуторачасовому детальному анализу доказательств, свидетельствующих о непричаст-

ности ее подзащитного к убийству главного редактора «Тольяттинского обозрения». Завершая прения, стороны высказали пожелание суду вынести справедливый приговор. Тамара Кучма настаивала, чтобы формулировка звучала не «Оправдан за недоказанностью», а «Оправдан за непричастностью».

Затем предоставили последнее слово подсудимому. Майнингер был краток: «Уважаемый суд. Я хочу сказать, что не имею никакого отношения к данному преступлению. Мне пришлось признаться ради своей жизни, ради близких и семьи, чтобы не сесть на двадцать пять лет. Вынесенное вами решение должно быть честным и справедливым».

Оглашение приговора состоялось 11 октября 2004 года.

Вначале председательствующий озвучил версию органов следствия. Андрей Кириллов приступил к оглашению выводов, к которым пришел суд. Шаткая и невнятная доказательная база следствия рассыпалась как картонный домик. Председательствующий перечислил доказательства следствия, в том числе явку с повинной, которые были признаны недопустимыми из-за процессуальных нарушений. Прочие улики следствия, по мнению суда, «не внесли никакой ясности в дело и имеют лишь вероятностный характер». Таким образом, подытожил председательствующий, органам следствия не удалось установить ни одного доказательства, свидетельствующего о виновности Евгения Майнингера.

Суд вынес приговор: подсудимого оправдать за непричастностью к совершению преступления и немедленно освободить из-под стражи.

Слушатели встретили оправдательное решение аплодисментами. Обвинитель Николай Шпаков молча покинул зал заседаний.

«Я с самого начала следствия не уставала заявлять, что Майнингер невиновен и его нужно освободить из-под стражи, — заявила по окончании суда Тамара Кучма. — Первый удар по нему сделал мировой судья, наложивший на него трехсуточный арест за хулиганство, которого в помине не было. С тех пор и до сего дня — целый год — подзащитный находился незаконно в заключении. Я писала жалобы в прокуратуру области и Генеральную прокуратуру, однако в ответ получала лишь одинаковые отписки: Майнингера арестовали законно, что якобы подтверждается свидетельскими показаниями. Несмотря на многочисленные протесты, Комсомольский районный суд трижды продлял срок его нахождения под стражей. После чего мы сделали вывод, что данному суду нельзя доверять.»

Поэтому ходатайствовали о том, чтобы вмененную статью пере-
квалифицировали с простого убийства на убийство сотягчающим об-
стоятельством. Нас тогда не понимали, ведь таким образом мы вроде
бы ухудшали положение Майнингера. На самом деле мы хотели уйти из
районного тольяттинского суда в областной, на суд присяжных. Полу-
чив отрицательный ответ, мы продолжали бороться. К счастью, все
судьи серьезно отнеслись к делу, проявили объективность. Вот видите,
какой получился блестящий финал! Величайшее решение! С Божьей по-
мощью все закончилось хорошо! В первую очередь хотелось бы сказать
спасибо тольяттинцам, которые нас поддерживали. Обратите вни-
мание на формулировку оправдательного приговора: «За непричастно-
стью».

«Без сомнения, завершилось знаковое дело, — вторил коллеге Ка-
рен Нерсисян. — Я хочу высказать благодарность составу суда, ко-
торый нашел в себе силы и мужество вынести хотя бы такой, с моей
субъективной точки зрения, половинчатый приговор. Один невиновный
был оправдан, и это большой успех. Но наша проблема осталась: суд не
стал выяснять истинный мотив убийства. Мы не сомневаемся, журна-
лист Сидоров был убит как последователь журналиста Иванова! И ес-
ли их уголовные дела останутся в прокуратуре области, они навечно
осядут в архиве. Представители силовых структур данного уровня по-
теряли моральное право далее заниматься расследованием.

Мы продолжаем заявлять: к устранению неугодных редакторов
«Тольяттинского обозрения» причастны высочайшие должностные ли-
ца, не исключая, правоохрнительные органы, представители власти,
коммерческие структуры, определяющие лицо экономики области. Буд-
дем всеми силами добиваться объединения обоих дел в одно производст-
во с направлением в Генеральную прокуратуру РФ. Мы имеем право
знать, кто и за что убил Иванова и Сидорова. А у журналистов долж-
на остаться хоть какая-то уверенность в том, что они могут честно
исполнять свой долг. И если, не дай Бог, с ними что-то случится, пра-
воохрнительные органы установят истину».

«Защитники из Москвы мне здорово помогли, — заявил по оконча-
нии процесса Евгений Майнингер. — Боюсь даже предположить,
как все без них бы обернулось. В первые дни следствия местный адво-
кат мне конкретно сказал: срок свой ты подписал, теперь ничего не
поделаешь. Ему якобы кислород перекрыли, он не мог для моей защиты
ни туда ни сюда сунуться. К счастью, приехали люди, которые ничего
не боятся, никому из тольяттинских не подчиняются».

Процесс по делу назначенного убийцы Евгения Майнингера завершен. За время предварительного и судебного следствия собрано 10 томов уголовного дела, тридцать томов материалов оперативной деятельности, в течение пяти месяцев прошло двадцать одно судебное заседание, на которых были допрошены 64 свидетеля, изучена масса доказательств.

Итак, Евгений Майнингер на свободе. Но на свободе остаются и настоящие убийцы Алексея Сидорова, Валерия Иванова и других тольяттинских журналистов. Заказчики этих преступлений также до сих пор не выявлены и не предстали перед судом.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

26 ноября 2004 года, после того как областной суд снял все обвинения с Евгения Майнингера, в самарском Доме журналиста провели пресс-конференцию президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов и адвокат Карен Нерсисян. Они чувствовали себя победителями, но лишь отчасти. Невинность назначенного убийцы доказана, но это лишь полдела. Необходимо найти и отдать под суд исполнителей и заказчиков убийц тольяттинских журналистов.

Об этом и говорили на пресс-конференции Симонов и Нерсисян.

А.Симонов: Можно устроить в Самаре праздничное шествие с лозунгами «Да здравствует самарское правосудие», только к чему? Потерян год. В течение этого года ни следствие, ни прокуратура не занимались поисками реальных убийц. Вместо этого подтасовывались факты и фальсифицировались доказательства причастности к убийству Евгения Майнингера. С сегодняшнего дня вступило в законную силу решение Тольяттинского суда. Все обвинения с Майнингера сняты. С сегодняшнего дня должно возбуждаться и расследоваться это дело.

И начинать это расследование надо с профессиональной версии и со связи между убийствами Валерия Иванова и Алексея Сидорова. Однако эту версию в обоих случаях органы следствия растоптали.

Руководство запретило следователям заниматься чем-либо другим, кроме бытовой версии. Это беззаконие. А когда Генпрокуратура крышует беззаконие, кто будет заниматься поисками реальных убийц?

Судите сами: через два дня после убийства Иванова в Тольятти приезжает замгенпрокурора России Владимир Колесников. Он сразу же делает заявление, что убийство носит бытовой характер. Трое подозреваемых задерживаются. Через некоторое время один при странных обстоятельствах скончался в тюрьме, а двоих отпускают. Дело затухает.

После убийства Сидорова также появляется Колесников, также заявляет о бытовом характере убийства. Задерживают несколько человек, выбивают из Майнингера показания. Расследование всех остальных версий сразу же прекращается.

Если завтра что-то случится, можно быть уверенным: придет Колесников, скажет, что убийство совершено на бытовой почве, кого-то арестуют, и дальше нам вновь придется спасать невинного человека.

Теперь мы хотим вновь открыть дело Иванова. Адвокат семьи Сидоровых Карен Нерсисян получил от семьи погибшего редактора доверенность. Однако к документам дела его не допускают.

К.Нерсисян: Получив доверенность от семьи Иванова, я дважды обращался с просьбой ознакомиться с материалами следствия. Мне оба раза письменно отказали. Считаю, что в этом деле есть первоисточники и все нити, ведущие и к убийству Сидорова. Убежден: ни в Самаре, ни в Тольятти ни один следователь ничего не сможет сделать. Ему просто этого не позволят. Слишком крупные фигуры связаны с убийствами.

К убийству причастны несколько крупных самарских финансово-промышленных групп, многие должностные лица, в том числе из областной прокуратуры. Во время следствия все они не просто ошибались, они искусственно создали доказательства обвинения невиновного лица — это преступление. В отношении прокуратуры и следователей немедленно должно быть возбуждено уголовное дело. В первую очередь в группу этих лиц входит прокурор Самарской области Ефремов. Что, он не понимал, что в отношении Майнингера искусственно фабриковалось дело?

А.Симонов: Известно, что Сидоров занимался подготовкой статьи о коррупции в высших эшелонах власти Самарской области. Среди документов, обнаруженных на его столе после гибели, были схемы движения денег, эти бумаги есть в деле. Но известно, что, уходя с работы, он забрал две дискеты и пакет с документами. Где они? Ни в машине, ни в его портфеле документы и дискеты после убийства обнаружены не были.

К.Нерсисян: Он продолжал расследование Валерия Иванова по коррупции. Это касается в первую очередь «АвтоВАЗа». Речь идет о миллиардах долларов. К Сидорову перешли материалы от Иванова. К 15 октября 2003 года в «Тольяттинском обозрении» должна была выйти сенсационная статья — со схемами, суммами и фамилиями лиц, которые их получали.

А.Симонов: Как только возникла возможность оправдания Евгения Майнингера, к Владимиру Петровичу Сидорову (отцу погибшего журналиста. — *С.К.-А.*) обратилась женщина, которая сказала, что знает, у кого все бумаги, бывшие при Алексее в момент убийства. По ее версии, она знает и человека, подвозившего убийцу. Называть ее я не буду, но известно, что она связана с органами дознания. Может, это ложный след, но проверить его надо.

К.Нерсиян: Мы знаем, за что его убили, знаем мотив, знаем круг подозреваемых. Мы не знаем только, кто точно. Женщина рассказывала очень подробно обстоятельства убийства, фамилии участников, подробности, неизвестные следствию. Во время следствия два свидетеля показали, что около трупы Сидорова остались документы. Она утверждает, что водитель машины, подвозившей убийцу, забрал их себе и скрывает их ото всех: пока они у него, он будет жить.

А.Симонов: Все ее показания были задокументированы и подписаны на каждой странице. В двадцатых числах октября с моим сопроводительным письмом ее показания были переданы в Генеральную прокуратуру. Будет ли этим заниматься следствие, я не знаю.

К.Нерсиян: Как только оправдали Майнингера, сразу возникла угроза ее жизни.

А.Симонов: В письме генпрокурору я просил обеспечить охрану этой женщины как важного свидетеля. Пятого ноября она должна была приехать в Москву. Не приехала. Мы не можем ее сейчас найти.

Нет и ответа из Генпрокуратуры. Сказали бы: пока не будет окончательного решения суда, мы этим заниматься не будем. Сейчас решение суда есть, и необходимо максимально жестко потребовать от прокуратуры честно заняться расследованием. Тольяттинская городская прокуратура этим заниматься не будет. Есть серьезные сомнения и в Самарской областной прокуратуре. Где она была, когда творилось беззаконие в отношении невиновного Майнингера: его год продержали в тюрьме, а истинных убийц даже не пытались искать?

Наше мнение: надо отозвать оба дела по убийствам Иванова и Сидорова из Тольятти в Москву, объединить эти дела и дать им ход. Необходимо отстранить от какого-либо участия в расследовании и Владимира Колесникова.

Нам, в Фонде защиты гласности, было совершенно ясно, что если мы не встанем, то Майнингера быстро упекут за решетку. У адвокатов, работавших на этом процессе, возникло твердое ощущение обвинительного уклона, которого придерживался суд: их прерывали, не принимали их ходатайств, не давали слова, препятствовали в доступе к делам следствия. Мы долго думали, что бьемся на процессе лбом о закрытую дверь.

И тут за две недели до вынесения районным судом оправдательного приговора вдруг все изменилось. Я подчеркиваю это слово — вдруг! Я не знаю, что произошло. Внезапно все четыре представленных об-

винением главных доказательства были признаны абсолютно несостоятельными...

Многими оправдательный приговор Майнингеру сейчас воспринимается как политический скандал. У меня спрашивают: ведь тогда было громкое заявление Колесникова и Грызлова о том, что «нашли убийцу»? Как это повлияет на их репутацию? Мне смешно, если честно. Какой же это скандал? Дело в том, что этих людей в какой-то момент дернули за веревочки, заставили сделать какое-то заявление. После чего и Колесников, и Грызлов забыли об этом, как о страшном сне. Во власти нет людей, которые отвечали бы за свои слова, — их физически нет. Попробуйте предъявить им цитату из него самого — самое большее, на что вы можете рассчитывать, это на то, что они ее необидчиво прокомментируют.

Меня смущает другое обстоятельство: я не понимаю позиции газеты «Тольяттинское обозрение». С одной стороны, они внимательнейшим образом наблюдали за процессом, публиковали квалифицированные и грамотные отчеты с судебных заседаний — это все-таки два их главных редактора. И все. Они сосредоточились на вопросе: виновен или невиновен Майнингер? Но ведь это только часть проблемы. Сейчас у журналистов возникла эйфория — невинного освободили, правосудие восторжествовало.

И что?! Все — надо забыть дело?! В московском опусе тольяттинских журналистов в «Коммерсанте» написано, что профессиональная версия убийства главного редактора не рассматривается даже его коллегами, что он занимался невинными делами, а бумаги, которые исчезли с места преступления, — это всего лишь какие-то финансовые счета газеты. Может быть, это правда, но у газеты должен возникнуть вопрос: а кто тогда убил? Но такого вопроса почему-то не возникает. За что же двух редакторов одной и той же газеты убили в течение полугода? Есть ли связь между делами?

Газета такие вопросы не задает. Я буду подталкивать журналистов продолжать эту тему. История только началась — вот что принципиально важно для нашего фонда. И началась она с чудовищным опозданием — на год. Мы вернулись к началу следствия. Дело не сдвинулось с мертвой точки: есть убийство, нет подозреваемых, и ничего пока не ясно.

ФОНД ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ

НАШЕ КРЕДО

Развитие идей гласности прав человека создает большую общественную потребность в правовом регулировании отношений людей в сфере получения и распространения информации. Другими словами, противоречивая общественно-политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в России к началу XXI века, вызвала острую потребность в получении российскими СМИ и их юридическими службами, адвокатами, а также судами всех уровней и дознавателями правоохранительных органов, политиками и правозащитниками, преподавателями и студентами тематически ориентированной и высокопрофессиональной информационно-консультативной и аналитической помощи. Такую помощь им эффективно предоставляет Фонд защиты гласности.

Основная цель Фонда — содействие сохранению и развитию правового пространства, в котором работают отечественные печатные и электронные СМИ, а через них — содействие демократизации информационной среды, науки, политики, образования в современной России. Сотрудники Фонда защиты гласности поставили себя, свой опыт и знания служению правде, общественной пользе и закону во имя полноценного развития в России гражданского общества.

Многочисленные программы ФЗГ содействуют тому, чтобы в интересах страны и каждого гражданина Российской Федерации сделать более защищенной и чистой деятельность российских электронных и печатных СМИ, сотрудников их редакций.

Мы активно участвуем в постоянной, ежедневной работе по формированию в профессиональном журналистском сообществе понимания значения либеральных ценностей, по воспитанию новых, здоровых журналистских кадров, которым небезразличен общественный престиж избранной ими профессии как одного из базовых элементов демократического государства.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ПРОГРАММЫ

- мониторинг нарушений прав журналистов и СМИ на территории Российской Федерации;

- юридическая помощь журналистам и представителям СМИ в конфликтных ситуациях, консультации по вопросам их профессиональной деятельности;
- информационно-аналитическая деятельность: еженедельный электронный дайджест, новостная интернет-лента, информационные рассылки о конфликтах СМИ, ежеквартальный печатный аналитический бюллетень «Взгляд»;
- практическая помощь семьям погибших журналистов и сотрудникам СМИ, попавшим в критическую ситуацию;
- научные исследования по широкому спектру правовых и этических проблем журналистики;
- экспертиза законов о СМИ и внесение предложений по совершенствованию действующего законодательства России;
- издательская программа: выпуск юридической, научной, правозащитной и справочной литературы по проблемам СМИ (издания фонда распространяются в основном бесплатно);
- образовательная программа, представленная постоянно обновляющимися по содержанию и адресам юридическими семинарами для журналистов и юристов России, а также тематическими конференциями;
- правозащитная деятельность, включающая любые законные меры к освобождению из тюрем и следственных изоляторов журналистов, попавших туда по ложным обвинениям, к освобождению журналистов-заложников, проведение кампаний по защите коллег, подвергающихся гонениям и ограничениям в их профессиональной деятельности.

ДАТА СОЗДАНИЯ ФОНДА

Фонд был образован решением Пленума Конфедерации союзов кинематографистов СССР, среди его первых учредителей — Егор Яковлев, Игорь Голембиовский, Владимир Молчанов, Элем Климов, Марк Розовский, Алексей Герман. День рождения ФЗГ — 6 июня 1991 г., когда зарегистрированный фонд дал первую пресс-конференцию.

ВЕБ-САЙТ ФОНДА

В сети Интернет работает подробный сайт Фонда защиты гласности www.gdf.ru. Основные его разделы: «Лента плохих новостей», «Дайджест»,

«Книги» (электронные версии изданий ФЗГ), «Статьи», «Право», «Образование», «Наши партнеры», «Регионы», «Проекты», «Архив», «О Фонде», «Аналитика», «Контакты».

ПАРТНЕРЫ ФОНДА

Партнеры ФЗГ — общественные, правозащитные и журналистские организации, без взаимодействия с которыми результаты нашей работы были бы гораздо более скромными.

В России — Союз журналистов России, Международная конфедерация журналистских союзов, АНО «Интерьюс», центр «Право и СМИ», Русский ПЕН-центр, Информационный центр правозащитного движения, Демократическое совещание, Московская Хельсинкская группа, Общество «Мемориал», Институт гуманитарных исследований, ПО «Гражданский контроль» (Санкт-Петербург), Центрально-Черноземный центр защиты прав прессы (Воронеж), Факультет журналистики Московского государственного университета, Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, редакция журнала «Индекс — Досье на цензуру» и десятки других организаций.

За рубежом — IFEX (Международная организация по распространению информации о нарушении прав журналистов в мире), Reporters sans frontieres (Репортеры без границ, Франция), WPFC (Всемирный комитет за свободу прессы), Amnesty International (Международная амнистия), Польский Хельсинкский центр по правам человека, Белорусская ассоциация журналистов и др.

Неоценима поддержка грантодателей ФЗГ: РОО «Открытая Россия», NED (Национальный Фонд в Поддержку Демократии, США), Фонд Форда (США), Фонд Дж. и К. МакАртуров (США), Фонд «Евразия», Посольство Нидерландов в РФ и др.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОРПУНКТЫ

Региональные центры, корреспондентские пункты и волонтеры фонда работают более чем в 30 регионах России: в Архангельске, Брянске, Волгограде, Воронеже, Владивостоке, Владимире, Екатеринбурге, Иванове, Йошкар-Оле, Иркутске, Казани, Калуге, Кемерово, Кирове, Краснодаре, Красноярске, Новосибирске, Мурманске, Омске, Орле, Петрозаводске, Ростове-на-Дону, Самаре, Санкт-Петербурге, Смоленске,

Тюмени, Ульяновске, Хабаровске, Чебоксарах, Челябинске, Чите, Ярославле и некоторых других городах нашей Федерации.

МИССИЯ ФОНДА ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ

Это создание правового пространства для деятельности СМИ, защита интересов СМИ.

Ценности, которыми руководствуется фонд, — независимость как непредвзятость, неангажированность, общественный интерес, гуманизм, сохранение максимального спектра мнений (альтернатива), верховенство права, объективность, свобода слова (свобода выражения мнения).

БЛАГОПОЛУЧАТЕЛИ ФОНДА

Это главные редакторы СМИ, журналисты, юристы СМИ, студенты журналистских и юридических факультетов вузов в регионах, заинтересованных в деятельности ФЗГ, депутаты законодательных собраний регионального и федерального уровней.

УСЛУГИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ ФОНДОМ

Это издание книг, проведение учебных семинаров, предоставление экспертов и преподавателей другим организациям; юридические консультации, составление юридических документов, представление интересов благополучателей в суде; предоставление систематизированной информации по интересующим благополучателя темам; создание «переговорных площадок»; предоставление информационно-справочных услуг о СМИ и НКО; организация и проведение пресс-конференций, «круглых столов», юридический «аудит» документации СМИ (устав, учредительный договор, авторские и типографские договоры); составление программ политических партий и общественных объединений в области медийного пространства и доступа к информации; экспертиза законодательства для депутатов различных уровней, политических партий и фракций на федеральном и региональном уровнях; независимая комплексная экспертиза деятельности СМИ на федеральном и региональном уровнях; выявление толерантности участия СМИ в избирательном процессе, Hate speech; проведение публичных кампаний в сфере общественных интересов, advocacy, предоставление систематизированной и аналитической информации для иностранных журналистов.

АДРЕС, ТЕЛЕФОН, ФАКС

Адрес для переписки: 119021, Москва, а/я 536

Фактический адрес: Москва, Зубовский бульв., д. 4, к. 432 (здание РИА «Новости», подъезд Союза журналистов)

Телефоны:

201-44-20 (приемная президента и служба информации);

201-49-47 (служба мониторинга);

201-32-42 (корреспондентская сеть и издательские программы);

201-49-74 (юридическая служба);

201-50-23 (исполнительный директор и бухгалтерия).

Факс: (095) 201-49-47.

E-mail: fond@gdf.ru

Свидетельство №084.685 о регистрации
некоммерческой организации «Фонд защиты гласности»
выдано Московской регистрационной палатой 27 сентября 1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Часть 1. Убийства Сергея Иванова и Сергея Логинова	
(телекомпания «Лада-ТВ»)	13
Воспоминания, мнения, версии	19
Сергей Красовский, ведущий телепрограммы «Лада-ТВ»	19
Юрий Бездетный, руководитель пресс-центра городской Думы	20
Евгений Бакланов, редактор газеты «Площадь Свободы»	20
Алексей Орлин, редактор «Радио Тольятти»	20
Часть 2. Убийство Валерия Иванова	22
Воспоминания, мнения, версии	28
Василий Жильцов, «Радио Свобода»	28
Владимир Воронов, «Еженедельный Журнал»	29
Прокурор Самарской области Александр Ефремов	34
Вместо заключения. Алексей Сидоров: «Я самый компромиссный человек»	35
Часть 3. Убийство Алексея Сидорова	46
Назначенный убийца	51
Воспоминания, мнения, версии	60
Журналисты «Тольяттинского обозрения» о гибели Алексея Сидорова	60
Последний день главного редактора	61
Почему убили Алексея Сидорова?	62
Евгений Новожилов: «Возможно, дела Иванова и Сидорова связаны»	67
От редакции «Тольяттинского обозрения»	70
Убийство Алексея Сидорова: международная правозащитная организация «Репортеры без границ» оспаривает официальную версию. Отчет представителя «Репортеров без границ» Антуана Ламброскини	72
Противоречивые официальные заявления	73
Официальная версия	74
Мнение редакции «Тольяттинского обозрения»	74
Антон Клюев, «Известия»: «Служили два редактора»	75
Юлия Огаркова, специалист по связям с общественностью Фонда развития города Нижнего Новгорода	79
Павел Журавлев, Руководитель Приволжского окружного территориального управления МПТР РФ	79

Наталья Тимофеева, руководитель пресс-службы ОАО «Удмуртэнерго»	79
Наталья Кеткова, корреспондент бюро Приволжского округа издательского дома Родионова	80
Дмитрий Скворцов, главный редактор газеты «Наше время 21-й век»	80
Наталья Красноперова, специалист по информационной политике ОАО «Кировэнерго»	81
Дмитрий Сухотерин, эксперт некоммерческой организации «Гражданский клуб», Нижний Новгород	82
Вадим Комков, главный редактор еженедельного журнала «ТДТ»	82
Михаил Ростовский, политический обозреватель газеты «Московский комсомолец»	83
Любовь Королева, советник генерального директора по имиджевой политике и связям с общественностью компании «Ниеншанц» (г. Санкт-Петербург)	84
Ольга Морозова, ответственный редактор «Коммерсанта» в Нижнем Новгороде	84
Андрей Логванов, директор рекламного агентства «Лемон»	85
Владимир Торин, президент Приволжской лиги журналистов	85
Анна Путина, шеф-редактор ИА «REGNUM-ВолгаИнформ» по Республике Чувашия	86
Часть 4. Дело Евгения Майнинера	87
Вместо заключения	117
Фонд защиты гласности	121

ФОНД ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ

Президент — А.К. Симонов

Адрес для контактов: Москва, Зубовский бульв., 4, к. 432

Адрес для писем: 119021, Москва, а/я 536

Факс: (095) 201-49-47

Телефоны: (095) 201-44-20 (приемная президента ФЗГ
и исполнительного директора);

(095) 201-32-42 (службы мониторинга);

(095) 201-49-74 (юридическая служба).

E-mail: fond@gdf.ru Интернет: www.gdf.ru

Банковские реквизиты:

ИНН 7704146560

Рублевый счет: р/с 40703810900000000030 в АКБ «МАСС-МЕДИА БАНК»

корр.счет 30101810200000000739 БИК 044583739

Валютный счет: р/с 407038409000009000030 в АКБ «МАСС-МЕДИА БАНК»

корр.счет 30101810200000000739 для USD

Фонд будет признателен вам за любую финансовую помощь

Публицистическое издание

Руслан Горевой

**ДЕЛО № 13:
УБИЙСТВА ЖУРНАЛИСТОВ
В ТОЛЬЯТТИ**

Под ред. А.К. Симонова

Руководитель издательских программ ФЗГ —

проф. М.В. Горбаневский

E-mail: migor@gdf.ru

Компьютерная верстка — О.М. Николаева

Макет обложки — Г.П. Борисов

Корректор — Е.Б. Матвеева

Подготовка к печати и печать —

Издательский Дом «Медея»

Подписано в печать 10.01.05 г. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 8. Тираж 1000 экз. Заказ 25

БЕСПЛАТНО